

793
404

Р. Дзержиски



ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ И РЕЧИ





Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

793
404

528

В/3

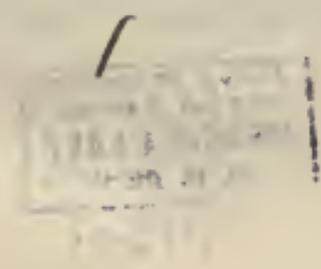
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ И РЕЧИ**

1908—1926



07484



Handwritten mark resembling a stylized '7' or '9'.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1947

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
В. И. ЛЕНИНА

3217247



И. В. СТАЛИН и Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ, 1925 г.

(Фото)

И. Сталин

ДЗЕРЖИНСКИЙ

После Фрунзе — Дзержинский.

Старая ленинская гвардия потеряла ещё одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла ещё одну незаменимую потерю.

Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: *горение*. *Горение* и героическая *отвага* в борьбе с трудностями.

Октябрьская революция поставила его на тяжёлый пост, — на пост руководителя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. Гроза буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский.

«Мирная эпоха» — Дзержинский горит, налаживая расстроенный транспорт, а затем в качестве председателя Высшего Совета Народного Хозяйства горит на работе строительства нашей промышленности.

Не зная отдыха, не чураясь никакой чёрной работы, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия, — он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата.

Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!

«Правда» № 166 от 22 июля 1926 г.

В. Молотов

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

«А вы знаете отлично, моя сила заключается в чём. Я не щаю себя... никогда... И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у нас не-порядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

(Из последней речи Ф. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК, 20 июля 1926 г.)

В этих словах Ф. Дзержинский сам, — и притом именно по-своему: просто, прямо, сильно, кровью страстного сердца, — дал себе замечательную и, действительно, правдивую характеристику. Больше того. Здесь сказано так же верно и о том, как партия относилась к этому замечательному партийцу, к этому славному представителю коммунизма.

Не только приведённый отрывок речи, — вся последняя речь Ф. Дзержинского, как это было у него обычно во всём, — один из лучших образчиков партийности, действительно коммунистического отношения к себе, к своим обязанностям, ко всей работе и борьбе за коммунизм. Нет нужды в данной связи останавливаться на отдельных моментах этой речи, на отдельных вопросах и личных характеристиках, — это заслуживает своего особого внимания. Сейчас мне хочется подчеркнуть лишь общий смысл и характер предсмертной речи Феликса Дзержинского. Это необходимо потому, что в ней так ярко и сильно отразились чувства и мысли одного из лучших наших партийцев, этого подлинного коммуниста, когда надо — революционера-разрушителя, а затем полного творческих замыслов коммунара-строителя.

— В чём сущность последней речи, этого завещания Ф. Дзержинского?

Речь наполнена животрепещущими темами дня, из каждой мысли её вырывается огонь страстных призывов к борьбе с трудностями и недочётами, и, вместе с тем, она дышит заражающей уверенностью в победе пролетариата.

Ф. Дзержинский суров и беспощаден, когда говорит о недочётах нашей строительной работы. Ему хорошо известны болячки и язвы хозяйственной жизни. Он не может не нападать на недостатки торгового аппарата и кооперации, на их слабости в борьбе с частником, в борьбе за снижение розничных цен, за снижение накладных расходов при заготовках. Дзержинский прямо бичует недочёты и пороки системы управления, её бюрократизм и душашую дело волокиту. Практические нужды хозяйственной работы, необходимость дачи быстрых и ясных государственных директив по всей хозяйственной линии заставляли в последнее время особенно сосредоточивать его внимание именно на борьбе с недочётами системы управления.

Но Дзержинский с той же беспощадностью, смелостью и прямоотой говорит о недостатках непосредственно в своей работе. Он подчёркивает, решительнее даже, чем другие, ошибки, промахи и неудачи в той области, в строительстве промышленности, где он являлся руководителем. Он и здесь не ждёт напоминаний об ответственности перед партией и пролетарским государством за порученное ему дело и, в частности, за промахи и недостатки в нём. Он говорит об этом первый, он весь поглощён заботой об их преодолении, он горит в работе по их исправлению и, добившись успеха в одном месте, берёт на себя ещё более трудную и сложную задачу в другом.

Таков Ф. Дзержинский был в жизни, таков он и в своей последней речи.

Но всё это только одна половина или какая-то, хотя и важнейшая, часть его. «Весь» Дзержинский в том, что эту «бешеную», «сумасшедшую» страсть к борьбе с недочётами нашего строительства он соединял с исключительной партийностью во всей своей общественной работе. «Весь» Дзержинский сказывался тогда, когда его страстную ненависть пролетарского революционера, ненависть к остаткам прошлого, отягощающим недочёты, и слабостям нашего никогда ещё и нигде в мире не испытанного строительства кто-нибудь пытался использовать с «недоброкачественной» политической целью, с целью противопоставления линии Дзержинского политике партии. В таких случаях Дзержинский с той же исключительной страстностью, прямоотой и решительностью давал отпор «недоброкачественным» попыткам оппозиционной политики. Так, попытки на почве якобы «защиты интересов промышленности» сделать Дзержинского другом оппозиции, так называемых «сверхиндустриалистов» (а лучше сказать — горе-индустриалистов!), всегда плачевно кончались жалким крахом.

Как неутомимый и не умевший отдыхать работник, весь погружённый в практическое дело, но, вместе с тем, исключительно одарённый пониманием основного курса партии и чуткостью к настроениям рабочих масс, — Ф. Дзержинский как-то просто и естественно отбрасывал от себя подобные потуги оппозиции. И всегда это кончалось тем, что сам Дзержинский сокрушительно обрушивался на головы оппозиции против её попыток дезорганизовать деловую работу.

Его предсмертная речь была особенно ярким выражением этого настроения. В ней в полной мере сказывается, насколько чужд был Дзержинский всякому

хныканию, всякому «крикливому пессимизму», всякой панике перед трудностями. Напротив, он — как в этой речи, так и во всей повседневной работе — подлинный энтузиаст победы пролетарской революции и живое воплощение пафоса социалистического строительства.

И как настоящий коммунист, настоящий партиец, из факта многочисленных трудностей в объективной обстановке и недочётов самой нашей работы он приходит не к унылому, разлагающему мысль и волю, скептицизму, а к увеличению требований и запросов, прежде всего, к самому себе, к своей работе, ко всей работе государственных и других органов, под углом оценки её результатов с точки зрения поставленных партией задач. Дзержинский бичует слабости и промахи практической работы, он не щадит тут никого, и в том числе себя, но всё это не что иное, как страстный призыв к поднятию качества всей нашей работы, к усилению энергии и воли всего пролетариата в деле преодоления препятствий на пути развития пролетарской революции, к действительному повышению социалистического уровня практического строительства.

Предсмертная речь Ф. Дзержинского — один из таких пламенных призывов ещё больше объединить усилия партии в творческой работе развёртывающегося строительства социализма. Для всех коммунаров, как и для всех рабочих, эта речь — прекрасная частица того Ф. Дзержинского, которого они так горячо любили за его исключительную самоотверженность в революционной работе, за его героизм пролетарского борца, за его славную жизнь — пример одного из лучших партийцев-коммунаров.

Кавказ, 8 августа.

Ф. Э. Дзержинский, Три последние речи.
С предисловием В. М. Молотова, Госиздат, 1926.

ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ
И РЕЧИ





Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ в Цюрихе, 1910 г.
(Фото)

1908—1909 гг.

ИЗ ДНЕВНИКА

30 апреля 1908 года.

Всего две недели я вне живого мира, а кажется, будто прошли целые столетия. Мысль работала, охватывая минувшее время — время лихорадочного действия, — и доискивалась содержания, сущности жизни. На душе спокойно, и это странное спокойствие совершенно не соответствует ни этим стенам, ни тому, что покинуто мною за этими стенами. Словно на смену жизни пришло прозябание, на смену действия — углубление в самого себя.

Сегодня я получил эту тетрадь, чернила и перо. Хочу вести дневник, говорить с самим собою, углубляться в жизнь, с тем чтобы извлечь из этого всё возможное и для самого себя, а может быть, хоть немного и для тех друзей, которые там думают обо мне и душой болеют за меня, — и этим путём сохранить силы до возвращения на волю.

Завтра первое мая. В охране какой-то офицер, сладко улыбаясь, спросил меня: «Слышали ли вы о том, что перед вашим праздником мы забираем очень много ваших?». Сегодня зашёл ко мне полковник Иваненко, жандарм, с целью узнать, убеждённый ли я «эсдек»¹, и, в случае чего, предложить

¹ Социал-демократ.

мне пойти на службу к ним... «Может быть, вы разочаровались?» Я спросил его, не слышал ли он когда-либо голоса совести и не чувствовал ли он хоть когда-нибудь, что защищает дурное дело.

В том же коридоре, в котором нахожусь я, сидит предатель — рабочий-слесарь Михаил Вольгемут, член боевой организации ППС¹, захваченный под Соколовом после кровавого нападения на почту, во время которого было убито шесть или семь солдат. Когда жандармы перехватили его записку к товарищам с просьбой отбить его, начальник охраны Заварзин уговаривал его в течение 10 часов, обещая в награду за предательство освободить его, — и он сделался предателем. К делу было привлечено 27 человек, в том числе семнадцатилетние юноши и девушки. Я вижу его на прогулке, он ходит угрюмый, пришибленный и, насколько я смог заметить, никогда не разговаривает с товарищем по прогулке и ни с кем не перестукивается.

Где выход из ада теперешней жизни, в которой господствует волчий закон эксплуатации, гнёта, насилия? Выход — в идее жизни, базирующейся на гармонии, жизни полной, охватывающей всё общество, всё человечество; выход — в идее социализма, идее солидарности трудящихся. Эта идея уже близится к осуществлению, народ с открытым сердцем готов её принять. Время для этого уже настало. Нужно объединить ряды проповедников этой идеи и высоко нести знамя, чтобы народ его увидел и пошёл за ним. И это в настоящее время насущнейшая из задач социал-демократии.

Социализм должен перестать быть только понятием, которое может осуществиться в будущем. Он

¹ ППС — Польская социалистическая партия.

должен стать факелом, зажигающим в сердцах людей непреодолимую веру и энергию.

Небольшая, но идейно сильная горсть людей объединит вокруг себя массы, даст им именно то, чего им недостаёт, что оживит их, вселит в них новую надежду.

Правительство убийц не наладит порядка, не повернёт жизнь в старое русло. Не пропадёт даром пролитая кровь ни в чём не повинных людей, голод и страдания народных масс, плач детей и отчаяние матерей — жертвы, какие должен нести народ, чтобы преодолеть врага и чтобы победить.

Уже поздно. Я хочу хотя бы здесь вести правильную жизнь, чтобы не отдать им своих сил. А я чувствую, что у меня столько сил, что мне кажется — я всё выдержу и вернусь. Но если даже я не вернусь, этот дневник дойдёт до моих друзей, и у них будет хоть частичка моего «я», и у них будет уверенность, что я был спокоен, что я звал их в момент тишины, печали и радостных дум...

2 мая.

Вчера и сегодня мною овладело какое-то беспокойство, дрожь, тревога... Отчего? Не знаю. Но мысли не могут сосредоточиться и бьются и мечутся, как лоскутья, гонимые ветром...

Сегодня опять был у меня полковник. Когда я его увидел, я весь задрожал, словно почувствовал противное, скользкое прикосновение змеи к своему телу. Он пришёл с тем, чтобы любезно сообщить, что моё дело передано в военный суд и что обвинительный акт уже послан мне. Он выражал сожаление, что моё дело изъято из Судебной палаты, и уверял меня, что военные суды весьма часто выносят больше оправдательных приговоров и менее суровые

приговоры, чем Судебная палата. Он расспрашивал, есть ли у меня книги, как здесь кормят, уверяя, что он устроил бы в тюрьме театр. А когда я вновь спросил его, не заговорила ли в нём когда-либо совесть, он с сочувствием и соболезнованием в голосе ответил, что я не в себе.

Во время этого непродолжительного разговора я чувствовал, что по мне как бы ползёт змея, опоясывает меня и ищет, за что зацепиться, чтобы овладеть мною. Я не опасался, что моя душа не выдержит этого испытания. Я чувствовал только физическое отвращение и испытывал ощущение, обыкновенно предшествующее рвоте. Я возвратился в свою камеру, чувствуя, что у меня сейчас нехватает сил на обычное моё спокойствие... Я почувствовал на себе грязь, человеческую грязь... Зло, словно раскалёнными железными клещами, рвёт и жжёт живое тело живого человека и ослепляет его. Оно заслоняет весь мир, чтобы каждую частичку, каждое дыхание, каждый атом наполнить болью, — ужасной болью. «Безумие и ужас» — так назвал войну Андреев; но жизнь — это нечто во сто раз худшее; вся жизнь, не только жизнь здесь в казематах.

Ежедневно заковывают в кандалы по несколько человек. Когда меня привели в камеру, в которой я уже когда-то, семь лет тому назад, сидел, первый звук, какой я услышал, был звон кандалов. Он сопровождает каждое движение закованного. Холодное, бездушное железо на живом человеческом теле. Железо, вечно алчущее тепла и никогда не насыщающееся, всегда напоминает неволю. Теперь в моём коридоре заковано большинство. Из тринадцати человек — семь. Когда их выводят на прогулку, вся тюремная тишина наполняется этим единственным скрежетом, проникающим в глубину души и становя-

щимся господствующим. И люди ходят, глядя на небо, на деревья, начинающие покрываться зелёными листьями, и не видят красоты, не слышат гимна жизни, не чувствуют теплоты солнца. Их заковывают с целью отнять у них всё и оставить только этот похоронный звон. Не может же быть опасения, что люди убегут; ещё никто отсюда не убегал, не вырывался из их рук: за каждым из заключённых неотступно шагает солдат с винтовкой, сопровождает жандарм, кругом жандармы, солдаты, решётки, крепостные окопы. Заковывают из жажды мести, из жажды крови и стремятся утолить эту жажду...

Сегодня я видел, как из кузницы вели уже закованного молодого парня. По его лицу видно было, что в нём всё застыло, он пытался улыбнуться, но улыбка только искривила его лицо... Согнувшись, он держал в руках цепь, чтобы она не волочилась по земле, и с огромным усилием шёл, чуть ли не бегом, за торопившимся жандармом, которому предстояло, повидимому, заковать ещё несколько человек. Жандарм заметил, как мучается заключённый, на минуту остановился и, улыбаясь, сказал: «Эх, я забыл дать вам ремень» (для поддержания кандалов), и повёл его дальше.

7 мая.

Сегодня у меня было свидание с защитником. Прошло три недели полного одиночества в четырёх стенах. Результаты этого уже начали сказываться. Я не мог свободно говорить, хотя при нашем свидании никто не присутствовал...

Итак, дело будет слушаться в Судебной палате. Кто их поймёт? Возможно, что Иваненко хотел меня напугать или проверить, какое это на меня произведёт впечатление, а вероятнее всего, что он сказал

правду, сообщив о том, что уже было решено, но ещё не дошло до Судебной палаты. А может быть, будут два разбирательства по одному и тому же делу — одно в палате, а другое в военном суде. Впрочем, это не важно, всё же надо рассчитывать на несколько лет и вооружиться терпением.

Теперь я с утра до ночи читаю беллетристику. Она всего меня поглощает, читаю целые дни и после этого чтения хожу, как очумелый, словно я не бодрствовал, а спал и видел во сне разные эпохи, людей, природу, королей и нищих, вершины могущества и падения. И случается, что я с трудом отрываюсь от чтения. чтобы пообедать или поужинать, тороплюсь проглотить пищу и продолжаю гнаться за событиями, за судьбой людей, гнаться с такой же лихорадочностью, с какой ещё недавно я гнался в водовороте моего маленького мирка мелких дел, вдохновлённых великой идеей и большим энтузиазмом. И только по временам этот сон прерывается, возвращается кошмарная действительность.

Только что у какой-то женщины рядом было столкновение с жандармом, а затем она начала истерически кричать, звать на помощь, словно её собирались зарезать или убить. Долго, ужасно долго и без перерыва раздавался этот крик. В нескольких камерах начался стук в двери и замлок. Жандарм в нашем коридоре испуганным и умоляющим голосом просил: «Не стучите, пожалуйста, ведь я никого не обругал и не обидел». Когда кто-то из заключённых требовал, чтобы он вызвал заведующего, заявив, что он пожалуется ему на то, что там кого-то бьют, жандарм смиренно ответил: «Ладно, пожалуетесь». Солдат снаружи грозно требовал прекращения стука и громко звал разводящего. Мой сосед, семнадцатилетний гимназист, обвиняемый в нападении на почту

возле Соколова и ещё в четырёх нападениях, постучал мне в стенку: «Что это? демонстрация?», а сидевший надо мной в это же время стучал: «Что эти варвары выделывают?».

Вскоре после этого всё успокоилось, вновь воцарилась мёртвая тишина, прерываемая лишь свистками паровозов.

По временам в ночной тиши, когда человек лежит, но ещё не спит, воображение подсказывает ему какие-то движения, звуки, подыскивает для них место снаружи, за забором, куда ведут заключённых, чтобы заковать их в цепи. В такие моменты я поднимаюсь, прислушиваюсь, и чем больше вслушиваюсь, тем отчётливее слышу, как тайком с соблюдением строжайшей осторожности пилят, обтёсывают доски. «Это готовят виселицу», мелькает в голове, и уже нет сомнений в этом. Я ложусь, натягиваю одеяло на голову... Это уже не помогает. Я всё больше и больше укрепляюсь в убеждении, что сегодня кто-нибудь будет повешен. Он знает об этом. К нему приходят, набрасываются на него, вяжут, затыкают ему рот, чтобы не кричал. А может быть, он не сопротивляется, позволяет связать себе руки и надеть рубаху смерти... И ведут его и смотрят, как хватает его палач, смотрят на его предсмертные судороги и, может быть, циническими словами провожают его, когда зарывают его труп, как зарывают падаль.

Я наткнулся на несколько слов, написанных на стене одним из приговорённых: «Иосиф Куницкий, арестованный вместе с женой на улице в городе Вильно 6 июня 1907 года, приговорённый в Сувалках виленским военным судом к смертной казни за убийство шпиона и за принадлежность к боевой организации литовской социал-демократии, привезённый в Варшаву 19 февраля 1908 года для приведения

приговора в исполнение. Пишу 8 марта 1908 года». Почти три месяца прошло с момента объявления ему приговора до того, как им были написаны эти строки, и всё это время он, вероятно, проводил в одиночестве, терзаемый жаждой жизни.

Рядом со мной мальчик, о котором я уже упоминал, простучал мне, что он не трус, но что он не хочет погибнуть за деньги. Я чувствую по тому, как он стучит, что должно твориться в его душе. Хотя, вероятно, его оправдают...

Все сидящие рядом со мной попались из-за предательства.

Теперь мне сообщают, что самый выдающийся деятель ППС сделался предателем и выдал множество людей в Варшаве, Сосновце, Люблине и других городах.

9 мая.

Удивительно скоро проходят дни за чтением. Вечер, уже поздно, но спать не хочется, и я всё больше оттягиваю момент сна. Я почти не чувствую, что двери на замке, не чувствую окружающего меня ужаса. Не думаю о будущем, не думаю о происходящем за стенами тюрьмы. Наступившая весна не влечёт меня на широкий простор, я вижу эту просыпающуюся весну, зеленеющие деревья, траву, вдыхаю весенний воздух. Сегодня я слышал первый гром, а теперь вижу, как за окном идёт радостный весенний дождик, слышу, как стучат дождевые капли в моё окно. Я устал. Нет у меня сейчас желания броситься в водоворот жизни, и меня удовлетворяет и наполняет спокойствием существующее во мне отражение жизни, воспроизводимое мною по памяти или по книжкам, описывающим давно минувшие дни... Я уже не горю, но в глубинах души что-то накапли-

вается, чтобы вспыхнуть, когда настанет для этого момент. Кто может предсказать, когда он наступит? Может быть, завтра, может быть, сегодня, а может быть, через год. Вспыхнет ли это пламя, чтобы пожрать меня, ещё мечущегося, здесь или тогда, когда я в действии и в жизни могу стать творцом жизни? Пусть молчит моя воля теперь, пусть замолкнут более горячие чувства до тех пор, пока я смогу вырваться из неподвижно мёртвого состояния.

Вчера мне был вручён обвинительный акт. Член Судебной палаты любезно пояснил мне, что у меня три дня времени на указание нужных свидетелей, что дело будет слушаться не ранее августа в Судебной палате, что распоряжение не то сената, не то министра юстиции о передаче таких дел военному суду к моему делу ещё не будет применено, что раньше августа они разобраны моё дело не смогут, так как им необходимо ехать в Седлец, Радом и т. д., а затем наступят каникулы. Поэтому-то приходится отложить дело до осени. Попутно он сообщил, что Судебная палата постановила заключить под стражу и меня, и других товарищей, освобождённых под залог. Из этого следует, что один из нас будет сидеть до разбора дела 23 месяца, двое других по 20 месяцев.

Что касается меня, то в обвинительном акте нет ни малейшего доказательства моей вины и меня должны были бы освободить, если бы можно было ждать приговора, зависящего не от произвола и настроения судей, а от юридических доказательств. Я, впрочем, совершенно не рассчитываю на освобождение. Возможно, состряпают ещё новое дело против меня в военном суде, а если почему-либо не сделали бы этого теперь, то, в случае оправдания меня Судебной палатой, мне будет предъявлено новое

обвинение на основании тех бумаг, которые были у меня в последний раз найдены, несмотря на то, что и они не могут служить доказательством моей принадлежности к партии.

10 мая.

Уже два дня рядом со мной сидит восемнадцатилетняя работница, арестованная четыре месяца тому назад. Поёт. Ей разрешают петь. Это у неё было столкновение с жандармом; после этого её перевели сюда. Молодая, напоминает ребёнка. Мучается она страшно. Ей скучно. Стучит мне, чтобы я прислал ей верёвку, что она повесится. При этом она добавляет, что верёвка должна быть непременно от сахара, чтобы сладко было умирать. Она так нервно стучит и с таким нетерпением, что почти ничего нельзя понять, и, тем не менее, она всё время зовёт меня своим стуком; видно, места себе найти не может. Недавно она мне вновь простучала: «Дайте совет, что делать, чтобы мне не было так тоскливо».

У ней постоянные столкновения с жандармами. Живая, как ребёнок, она не в состоянии ни переносить, ни примириться с господствующим здесь режимом... В тот самый момент, когда я писал эти слова, у неё было опять небольшое столкновение. Она перестала петь, постучала жандарму и пошла в уборную. По пути она постучала в дверь моей камеры, а на обратном пути кашлянула и остановилась возле двери своей камеры и потребовала, чтобы жандарм открыл дверь, так как у неё болит рука (по слухам, во время одного из прежних столкновений онахватила жандарма кувшином, а он ранил её в руку шашкой). По существующим здесь правилам и по установившемуся обычаю двери должен открывать заключённый, а не жандарм. Вызвано это опасением,

чтобы заключённый не мог напасть на жандарма, когда он наклонится для того, чтобы открыть дверь... Поэтому жандарм потребовал, чтобы она сама открыла дверь. «Всё равно, — ответила она, — у меня рука болит, открыть двери я не могу и буду всё время стоять здесь». Жандарм пригрозил ей, что он позвонит начальству, и тогда ей хуже будет.

«Мне всё равно» — последовал ответ с её стороны. Когда жандарм, повидимому, колеблясь принять решительные меры и желая её напугать, направился к звонку, она подошла к камере на другой стороне коридора, в которой сидели какой-то молодой офицер и ещё один заключённый, и начала с ними разговаривать. Взбешённый жандарм сердито открыл дверь, крича: «Ну, ты, иди, я тебе открыл». После этого он долго ворчал и вполголоса крикнул: «Стерва!». Я бросился к двери, начал стучать и кричать: «Жандарм!». Он не откликнулся и подошёл, когда я уже позвал его в третий раз. Я резко напустился на него. Он сначала заявил, что это не моё дело, а когда я сказал, что слышал, как он крикнул «стерва», — начал оправдываться, говоря, что он открыл бы двери, но она уже не один раз устраивала такие штуки, и, когда жандармы нагибались, чтобы отодвинуть засов, она заезжала им в морду.

Эта девушка — полуробёнок, полусумасшедшая — устроит когда-нибудь большой скандал. Уже в этот раз все были сильно взволнованы её плачем и вознёй с жандармом. Когда она заходит в уборную, она карабкается на окно и кричит гуляющим товарищам: «Добрый день», а когда в связи с этим входит в уборную жандарм, она устраивает скандал.

1 мая во время прогулки она кричала: «Да здравствует революция!» и произносила другие революционные возгласы и пела «Красное знамя». Все были

взволнованы и колебались, петь ли и поддержать ли её в этих революционных возгласах. Никто не желал показаться трусом, но для того, чтобы петь, каждый должен был насиловать себя: такая бесцельная, неизвестно для чего затеянная демонстрация не могла вызвать сочувствия. Тюрьма молчала.

Вечером кто-то сверху простучал: «Сегодня вечером будем демонстрировать пением». Но самый этот стук был очень осторожным, часто прерывался из опасения, чтобы жандарм не накрыл его на перестукивании. И пения не было.

По временам эта девушка вызывает гнев. Её смех, зение, столкновения с жандармами вносят в нашу жизнь нечто постороннее, чуждое, а вместе с тем дорогое, желанное... но не здесь. Чего хочет эта девушка, почему нарушает покой? Невольно сердисься. Но начинаешь рассуждать: «Её ли вина, что её, ещё ребёнка, заперли здесь, когда ей следовало ещё оставаться под опекой матери, когда ей ещё впору играть, как играют дети». А может быть, у неё нет матери, и она вынуждена бороться за кусок хлеба... Работница же она. Этот ужасный строй заставил её принять деятельное участие в революции. А теперь мстят ей за это. А сколько таких, с детства обречённых на жалкое, нечеловеческое существование? Сколько таких людей, чувства которых извращены, которые обречены на то, чтобы никогда, даже во сне, не увидеть подлинного счастья и радости жизни! А в природе человека есть ведь эта способность чувствовать и воспринимать счастье! Горсть людей лишила этой способности миллионы, исковеркав и развратив самоё себя, — остались только «безумие и ужас», «ужас и безумие» или роскошь и удовольствия, находимые в возбуждении себя алкоголем, властью, религиозным мистицизмом. Не стоило бы

жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего. Ибо «я» не может жить, если оно не включает в себя всего остального мира и людей. Таково это «я».

13 мая.

Час тому назад бушевала гроза. Всё содрогалось от грома, и наш жалкий павильон весь дрожал. Яркие блиставшие молнии прорывали мрак, их розовые отблески проникали в мою камеру; дождь лил, как из ведра, а ветер качал дерево за окном, ударялся в стены, стучал и выл. Теперь тихо, глядит равнодушно затуманенная луна, не слышно ни шагов часового, ни жандарма, ни пения соседки, ни бряцания кандалов. Только дождевая капля время от времени падает на карниз моего окна, и издали доносятся свистки паровоза. Грусть какая-то проникает в душу. Но это не грусть узника. И на воле иногда такая грусть незаметно овладевала мною — грусть существования, тоска по чему-то неуловимому, но вместе с тем необходимому для жизни, как воздух, как любовь.

Сегодня заковали двоих. Их вели из кузницы мимо наших окон. Моя соседка Ганка приветствовала каждого из них возгласом: «Да здравствует революция!». Ободрённые, они ответили тем же. Должно быть, их приговорили сегодня, возможно, что к виселице. Когда я шёл на прогулку, я заметил в одном из коридоров — в коридоре смертников — какое-то движение. Я не раз проходил по этому коридору, когда меня вели в канцелярию, и, хотя я не знал о его назначении, я чувствовал как бы дуновение смерти. Это — не тёмный коридор, он светлее других: три больших окна. В этом коридоре всего шесть камер, от 45 до 50 номера включительно, но

двери камер, как будто такие же, как у нас, — жёлтые с ржавыми пятнами, но всё же другие. На двери одной из камер я заметил совершенно проржавленный замок, в другой камере — большая, забитая досками дыра, словно там велась смертельная борьба с сопротивлявшимся в отчаянии приговорённым.

Два дня тому назад, как мне сообщили, у моей соседки были губернатор, начальник охраны и начальник жандармерии и угрожали, что её и её брата ждёт виселица и она может спасти себя лишь тем, что выдаст людей и склад оружия; говорили, что другие её предали и что только предательство может её спасти.

На-днях я наткнулся на такую надпись: «Теодор Яблонский, приговорённый к смерти. Камера № 48 (для смертников). Уже был врач. Сегодня состоится казнь. Прощай, жизнь! Прощайте, товарищи! Да здравствует революция!» А рядом с этим другой рукой написано: «Заменяли верёвку 10-ю годами каторги. Теперь у него другое дело: об убийстве провокатора в Плоцкой тюрьме. Сегодня IV. 08».

14 мая.

Коридор смертников не пустует. Несколько минут тому назад, во время прогулки, я увидел в окне камеры № 50 бледного молодого мужчину, кажется, рабочего. Форточки в окне этой камеры закрыты. Несколько раз он подходил к окну и прислонялся к гранёным стёклам, сквозь которые, кроме расплывчатого туманного света и теней, ничего не видно. Только два верхних стекла — прозрачные, открывающиеся. Сквозь эти стёкла можно увидеть небо, затемнённое густой проволочной сеткой, настолько густой, что спички не проткнёшь. Для того чтобы сквозь эти стёкла увидеть, что происходит во дворе,

приходится взбираться на стол или на спинку железной кровати. А жандарм наблюдает, часто заглядывает в дверь через «глазок», и поэтому можно только на одно мгновение прыгнуть на окно и бросить взгляд наружу. Заключённый в камере № 50 сидит один, у него даже нет соседей, эта камера совершенно изолирована, и живущий в ней не может развлечься даже перестукиванием. Он лишён возможности на чём-нибудь остановить взор, чтобы утихомирить kloкочущую в нём бурю. Грязный каменный пол; грязная дверь; выкрашенный в жёлтый цвет стол и оконная рама; серые, запылённые, в синих и белых пятнах стены; потолок, как крышка гроба; предательский «глазок» в двери и мёртвый рассеянный серебристый свет дневной жизни. А там, за дверью, по коридору приближается крадучись жандарм, поднимает крышку «глазка», смотрит, наблюдает, чтобы жертва не ускользнула и сама не покончила с собой.

14 мая вечером.

Сегодня моя соседка Ганка простучала мне следующее: «Меня посадили вместе с некоей Овчарек. Я просидела с ней две недели. Она рассказала мне, что к ней приходит на свидание адвокат П. Я доверчиво сообщила ей адрес квартиры моей матери и просила её, чтобы он зашёл к ней и сказал, чтобы она уезжала. Овчарек согласилась — и всё выдала шпику. Вдруг её вызывают в канцелярию. К ней из охраны приехал шпик, и она всё выдала. Возвратившись из канцелярии, она принесла передачу, всякую еду и даже икру, — всё это будто прислала мне партия. Я тогда была больна после перенесённых побоев. Представьте себе только, мать после операции третью неделю лежит в кровати... Вдруг приходит полиция, передаёт ей (сказанное мною Овчарек),

чтобы она уехала. Её забрали в охранку, оттуда в «Павиак»¹. Она была так потрясена, что не прошло и трёх недель, как умерла там. Отец тоже сидит. Два месяца тому назад его приговорили к 20-летней каторге. Я и брат тоже сидим. Сидит вся семья. Теперь посадили меня с другой заключённой — С. Когда её привели ко мне в камеру, она, подлюга, целует меня и говорит: «Как хорошо, господин начальник, что вы сажаете меня со знакомой». А я, поверьте, совершенно её не знаю, вижу в первый раз в жизни. Я подняла скандал и отказалась вместе с ней сидеть. Вчера был у меня шпик из охранки и сказал, что эта С. сообщила им, будто я главная поставщица оружия из-за границы, руковожу боевым отрядом в Варшаве и будто мой брат — рядовой, известный под кличкой «Искорка». Она наплела много такого, о чём я не имею ни малейшего представления».

Женщин здесь много. Я вижу их на прогулке, слышу их голоса и из других коридоров. Они часто спорят с жандармами, хохочут и громко разговаривают. Им здесь хуже, чем нам, хотя жандармы с ними, кажется, ведут себя сдержаннее и не запрещают им заслонять «глазок». Эта сдержанность вызвана не человеколюбием. Они просто боятся скандалов.

Из девяти женщин, которые гуляют в той части садика, на которую выходит моё окно, только три ведут себя спокойно. Две молодые ходят, всегда держась за руки. Они — польки. Третья — тоже молодая, серьёзная и выдержанная, еврейка. Остальные неестественно хихикают, шумят, разговаривают с Ганкой, которая никак не может подчиниться режиму. Сегодня опять по этому поводу была неприятная

¹ Тюрьма в Варшаве.

сцена. Ганка взобралась на стол, разговаривала, или, вернее, выкрикивала отдельные слова двум гуляющим женщинам. Они отвечали ей и сами что-то рассказывали. Жандарм раза два предупредил их, чтобы прекратили эти разговоры, но они не обращали на это внимания. Взбешённый, он подбежал к окну Ганки, обнажил шашку и начал ругаться. Это не помогло. Они не обращали на это внимания. После этого я простучал Ганке, что серьёзно на неё за то, что она из-за пустяков подвергает себя оскорблениям. Она ответила, что больше не будет, но час спустя уже забыла об этом обещании. Это понятно: она ещё ребёнок, не может жить в камере без каких бы то ни было впечатлений, когда и взрослые, уже не раз пережившие одиночное заключение, теряют равновесие.

То ли сегодня утром, то ли вчера вечером привели огромную партию заключённых. Я видел, как они вместе гуляли, два раза по 10 человек, а затем по семь и шесть человек. Должно быть, их дело будет разбираться в военном суде... Некоторые из них в кандалах, измождённые, плохо одетые, кое-кто в зимних шапках. Они шли группами, тихо разговаривая друг с другом; некоторые, хмурые, шли одни. Рабочие, железнодорожник, солдат, кажется, несколько крестьян, несколько человек, судя по лицам, не то рабочих, не то интеллигентов. Издали сквозь сетку трудно определить,

16 мая.

Весна в полном разгаре. Все плодовые деревья покрыты белыми цветами и зелёными листьями. День становится длиннее, в воздухе чувствуется уже лето, на солнце в саду жарко, а в камере всё более и более душно.

Ганка ужасно страдает, не поёт, присмирела. Она узнала, что вчера её брат приговорён к смерти. Вечером она мне простучала: «Сегодня, может быть, его повесят, разрешат ли мне попрощаться с ним? Я остаюсь одна-одинёхонька. А может быть, они выполнят свою угрозу и меня тоже повесят. А он такой молодой. Ему всего 21 год». Что мне было сказать ей на это?

Не то неделю, не то дней десять надо мной уже сидит кто-то другой. Не знаю кто. Не стучит, не откликается. Вскоре после того, как его поместили, не знаю почему, но мне показалось, что это В.¹, и с каждым днём я всё больше и больше убеждался в этом. Я звал его стуком, называл его по имени, но он не откликнулся. Я бросал сапог в потолок, но и это не действовало. Он почти совершенно не двигается. В течение нескольких дней я даже не мог читать, так как всё подкарауливал, когда он выйдет на прогулку. Но он не выходит из камеры, и я не мог увидеть и убедиться, он ли это. Сегодня там что-то произошло. Он постучал в дверь... Я слышал после этого знакомый скрежет открываемого замка и стук отодвигаемого засова.. Несколько секунд тишины, а затем снова скрежет при запираании камеры. После этого он начал стучать ровно, спокойно, с короткими перерывами. Дважды открывались и закрывались двери — и опять стук, сначала руками, затем ногами, кружкой. Продолжалось это чуть ли не целый час. Я не знал, да и до сих пор не знаю, что там произошло. После этого кто-то заходил к нему два раза, и всё кончилось. Снова всё надо мной утихомири-

¹ Дзержинский имел в виду члена социал-демократической партии Польши и Литвы — рабочего Варденя, который впоследствии был приговорён к шести годам каторги и умер в тюрьме.

лось, воцарилась тишина, словно там никого не было.

Так живёт каждая камера. Только по временам одна из камер вдруг оживает, и тогда все обитатели этих молчаливых камер срываются с мест, насторожённо слушают, не последует ли возня, не пора ли и им нарушить тишину. После этого они продолжительное время не могут притти в себя, вернуться к мёртвым буквам книг. В такие моменты каждый чувствует, где он и чем он здесь является. Предположение, что в камере надо мной сидит В., по всей вероятности, проявление болезненной мнительности, от которой я не в состоянии отделаться. Эта болезнь вообще свойственна жителям тюрем.

21 мая.

Вечером, когда я при свете лампы сидел над книгой, я услышал снаружи тяжёлые шаги солдата. Он подошёл к моему окну и прильнул лицом к стеклу. Он не побоялся. Из любопытства или, быть может, просто поинтересовался.

— Ничего, брат, не видно, — сказал я дружелюбно.

Он не ушёл.

— Да! — послышалось в ответ. Он вздохнул и секунду спустя спросил: — Скучно вам? Заперли (последовало известное русское ругательство) и держат!

Кто-то показался во дворе. Он ушёл.

Эти несколько грубых, но сочувственных слов вызвали во мне целую волну чувств и мыслей. В этом проклятом здании, от тех, чей самый вид раздражает, нервирует и вызывает ненависть, услышать слова, напоминающие великую идею, её жизненность и нашу связь, узников, с теми, кто в настоящее время нас убивает! Какую колоссальную работу проделала уже

революция! Она разбудила умы и сердца, вдохнула в них надежду и указала цель. Этого никакая сила не в состоянии вырвать! И если мы в настоящее время, видя, как ширится зло, с каким цинизмом из-за жалкой наживы люди убивают людей, приходим иной раз в отчаяние, то это ужаснейшее заблуждение... Мы в этих случаях не видим дальше своего носа, не сознаём самого процесса воскресения людей из мёртвых. Японская война выявила ужасную дезорганизацию и развал русской армии, а революция только обнажила зло, разъедающее общество. И это зло должно было обнаружиться, для того чтобы погибнуть. И это будет! Для того чтобы ускорить этот момент, необходимо вселить в массы нашу уверенность в неизбежном банкротстве зла, чтобы ими не овладело сомнение, чтобы они пережили этот момент в стройных, готовых к борьбе рядах. Это задача теоретиков. А задача других — обнажить и выявить это зло, обнажить страдания и муки масс и отдельных вырванных врагом из их среды борцов, придать им то значение, какое они имеют в действительности и которое даёт им силу всё перенести мужественно, без колебаний. Только этим путём можно вдохнуть в массы мужество и моральное сознание необходимости борьбы. Нужны как те, кто воздействует на умы, так и те, кто вливает в душу и сердце уверенность в победе. Нужны учёные и поэты, учителя и агитаторы. Я вспоминаю, какое огромное влияние производила изданная партией «Пролетариат»¹ книжка «С поля борьбы», описывающая страдания людей, их выдержку и мужество в борьбе. Как я желал бы, чтобы и теперь появилась такая книжка. Теперь труднее собрать и сопоставить факты, на-

¹ Революционная партия в Польше в первой половине 80-х годов XIX века.

столько они значительны и так их много. Но и сил теперь больше. Если бы кто-нибудь взялся за такую работу или хотя бы только за руководство такой работой, то через год, через два такая книга могла бы появиться. В ней были бы отражены не только наши страдания и наше учение, но и та жажда полноты настоящей жизни, ради которой человек не жалеет никаких страданий, никаких жертв.

Несколько слов, сказанных солдатом, разожгли мой мозг. Здесь много этих солдат-служителей и жандармов-ключников. Но мы лишены возможности добраться до их сердца и мысли. Всякий разговор с ними воспрещён; здешний режим делает это невозможным. В разговоре не за что зацепиться. С жандармами мы встречаемся, как враги, солдат мы только видим. В коридоре три жандарма сменяются ежедневно каждые четыре часа. Каждый жандарм попадает в один и тот же коридор раз в 10—15 дней. При таких условиях трудно узнать, кто из них проще и доступнее¹. Независимо от этого у них много работы: то они водят нас по-одному в уборную, то на прогулку, то на свидание, то открывают дверь, когда солдат-служитель вносит обед, подметает комнату, приносит чай, хлеб, ужин, уносит лампу. После этого жандармы, водящие нас на прогулку, направляются на другую службу. От этого они часто грубы, злы, видят в нас врагов, пытаются сократить время прогулки и досадить нам. Впрочем, таких, которые

¹ Среди жандармов-ключников были рядовые из крестьян, находившиеся на этой службе не по собственному желанию, а взятые по призыву на военную службу и направленные в жандармерию. Некоторых из них Феликсу Эдмундовичу удалось сагитировать, они-то и выносили из X павильона и передавали по указанному адресу странички настоящего дневника. — С. Дз.



досаждают нам по собственной инициативе, немного. Они часто заглядывают через «глазок», заставляют долго ждать открытия дверей, когда им стучат. Остальные просто устали; чувствуется, что они боятся начальства и тяготеют строгой дисциплиной. Мне известны случаи даже сочувствия с их стороны. Однажды я попросил одного из них, чтобы мне переменяли книги. Он тотчас же обратился к другому, тогда не занятому жандарму, проходившему мимо моей камеры, и сказал: «Обязательно скажи в канцелярии». В другой раз во время прогулки мне показалось, что жандарм собирается прекратить прогулку и повести меня обратно в камеру; когда я обратил его внимание на то, что осталась ещё одна минута (часы висят на заборе в стеклянном шкафу), он возмутился тем, что я мог его заподозрить в желании отнять у меня минуту прогулки. Это было им сказано таким дружелюбным тоном, что, сконфузившись, я ответил: «Всякие бывают среди вас».

Весьма трудно в этом «мёртвом доме» вступить в беседу с жандармом. В высшей степени характерно, что, когда случайно встречается заключённый с заключённым, они не в состоянии заговорить друг с другом. Однажды жандарм забыл, что в уборной уже находится один заключённый, и привёл другого... Когда последний увидел это, он сразу повернул обратно в свою камеру. Этот заключённый сидел в камере напротив моей, и я услышал, как он сказал жандарму: «Там уже есть кто-то». В другой раз я встретил заключённого офицера. Заметив его, я крикнул: «Здравствуйте, товарищ!», а он с недоумением посмотрел на меня.

Здесь теряется умение вести разговор. Жандармы разговаривают в коридоре друг с другом и со служителями исключительно шопотом. Когда заходит в

камеру кто-нибудь из начальства, жандарм закрывает двери, чтобы другие заключённые не слышали разговора, голоса. Жандарм не имеет права разговаривать с заключённым и войти к нему в камеру; за солдатом-служителем наблюдает жандарм-ключник, чтобы он ни единым словом не обменялся с заключённым. Если мне что-либо нужно от служителя, я должен обратиться за этим не к нему, а к жандарму. В коридоре постланы мягкие дорожки, так что шагов не слышно. Из коридора проникает иной раз в камеру только шопот жандарма, скрежет задвижки и треск замка.

Малейший звук извне, пробивающийся в окно из крепости, только усиливает эту могильную таинственную тишину. Эта тишина давит каждого и подчиняет себе и нас и жандармов. Однажды я сделал замечание жандарму, что ему не следует будить меня на прогулку, как он это сделал в этот день утром, добавив при этом, что я когда-нибудь устрою по этому поводу скандал. Я был спокоен, но даже при этом небольшом заявлении я чувствовал какую-то дрожь. Жандарм, как я заметил, тоже не мог свободно объясниться. Когда же кто-нибудь из нас, преодолев себя, свободно скажет несколько слов жандарму или когда иной раз запоёт или искренно захохочет, — точно блеснёт луч света. Это чувствуют и жандармы.

Говоря об этой гробовой тишине, надо упомянуть, что в моём коридоре уже нет закованных, а в моём садике ходит на прогулку только один закованный (с одной части приведённых на суд из провинции кандалы сняли, другую часть закованных увезли). Благодаря отсутствию кандалного звона эта тишина уже не врежется так болезненно в мозг, но на душу она всё же сильно действует.

Извне проникают к нам отголоски жизни: днём — постоянный шум, в котором трудно различить отдельные голоса, — это дыхание жизни, солнца, дождя, города, извозчиков, солдатского марша. В этот шум жизни по временам влетает свободный голос детей, грубый громкий смех, шутки, ругань и голоса жандармов и солдат; в другой раз гремящая военная музыка, пение солдат, орущих во всё горло, а ещё в иной раз один и тот же тягучий звук гармошки. По временам, в праздники, слышно какое-то хриплое пение под аккомпанемент гармошки. По ночам доносятся свистки паровозов, шум мчащихся поездов. А когда тихий ветер шевелит листья, кажется, что это мягкий шелест леса или журчание ручья. Но все эти звуки лишь усиливают внутреннюю тишину и часто вызывают раздражение и даже бешенство, постоянно напоминая, что ты не умер, что эти звуки проникают из-за решётки в окно, через которое живой внешний мир виден лишь в виде расплывчатого светлого пятна... И, тем не менее, если бы совершенно не было этого мира, этих слуховых впечатлений, это было бы, пожалуй, для души ещё более убийственным.

22 мая.

Сегодня в верхнем коридоре, но не надо мной непосредственно, опять был какой-то скандал. На этот раз какой-то заключённый уже не просто стучал, а лупил в двери табуреткой, громко крича: «Не имеете права!»... Не знаю, что там случилось. Продолжалось всё это минут десять, а затем вновь во дворилась мёртвая тишина.

23 мая.

Сегодня у меня впервые было свидание. Пришла жена брата с маленькой Вандой. Девочка играла проволочной сеткой, показывала мячики и звала: «Иди, дядя!» Я очень рад, что их видел. Я их очень люблю. Они мне принесли цветы, которые теперь красуются на моём столе. Жена брата радовалась, что у меня хороший вид, и я уверял её, что мне здесь хорошо и весело. Я сказал ей, что, вероятно, меня ожидает каторга.

Сегодня я дважды ходил в канцелярию (был защитник и свидание) и всякий раз проходил по коридору смертников. Там приговорённые. Повидимому, их два человека, так как служитель шёл с двумя обедами. Я уверен, что это приговорённые к смерти, так как в коридоре, кроме жандарма, дежурит солдат с ружьём.

А оттуда, с воли, дорогие мне люди шлют мне приветствия и, несмотря на ярмо жизни, смело двигаются вперёд и делают своё дело. Я вижу их... Много их, очень много. Одни в том же положении, что и я, другие ещё живут, а ещё иные — далеко¹, но всё же и мыслью, и сердцем, и делом они здесь. Я вижу и тех, дорогих сердцу, которые озаряют жизнь счастьем, наполняют её энергией и выдержкой.

28 мая.

Вот уже неделя, как у Ганки ежедневно кровотечение горлом. Сегодня у неё был врач, нашёл её в плохом состоянии, предложил ей перейти в больницу. Она отказалась. А когда я убеждал её согласиться, указывая, что там ей будет хорошо, она ответила, что там ей грозит одиночество и что потом, когда:

¹ Очевидно, в ссылке.

она вернётся, её место будет занято другим, и что поэтому она не желает идти в больницу. И не пошла.

В этом коридоре только две наши камеры рядом и такие же две над нами. Там кто-то сидит, но не стучит. Над камерой Ганки сидят двое, и они, как назло, сегодня весь день бегали у неё над головой в своих тяжёлых сапогах. Она кричала им в окно, чтобы они не бегали, что каждый их шаг очень больно отражается в голове, но они, повидимому, не слышали и продолжали бегать. Солдат сердился на неё за этот крик и спрашивал жандарма, отчего она кричит, а она плакала, сознавая своё бессилие. Только к вечеру они перестали бегать. Повидимому, дежурный жандарм сказал, чтобы они не бегали.

31 мая.

Повидимому, вчера и сегодня разбиралось дело о нападении на почту вблизи Соколова. Мужчины — пятнадцать человек — и одна женщина приговорена к смерти, две женщины — к 15 годам каторги, две оправданы.

Ганке вчера был вручён обвинительный акт. Она обвиняется в восьми покушениях, в руководстве боевыми отрядами, в роговском нападении, в покушении на Скалона¹ и т. п. Говорят, что её ждёт виселица. Скалон сказал, что не отменит смертного приговора: «Она и так слишком долго живёт».

Ученик из Седлец, сидевший рядом со мной, тоже приговорён вместе с ними, заодно с ними приговорён также предатель Вольгемут.

3 июня.

Говорят, что вчера опять восемь человек было приговорено к смерти...

¹ Варшавского генерал-губернатора.

4 июня.

Вчера казнены приговорённые за нападение в окрестностях Соколова. Заключённый, сидевший вместе с одним из приговорённых, не обращая внимания на жандарма, крикнул во время прогулки Ганке: «Уже казнён!» Сегодня на прогулке мы видели только одного из приговорённых к смерти — ученика из Седлец, сидевшего раньше рядом со мной. Он сообщил, что его вернули уже с места казни. Завтра будет суд над 51 человеком по делу об убийстве ротмистра в Радоме.

Жандармы в садике перед нашими окнами по вечерам шумно развлекаются, перекликаются, кричат, смеются, бьют в ладоши. Сегодня наряду с аплодисментами и хохотом слышны крики: «Бис! бис!» А затем они направляются в коридоры на смену другим, подсматривают в «глазок», наблюдают, чтобы заключённые не перестукивались, после каждого посещения заключёнными уборной тщательно разыскивают там письма, а ночью ведут приговорённых на место казни.

5 июня.

Полчаса тому назад (теперь уже, должно быть, около 11 часов вечера) привели из суда в наш коридор двоих радомчан. Оба приговорены к смертной казни. Когда Ганка крикнула им из камеры: «Скоро увидимся! До свидания!», они спокойно ответили: «Держимся, не унываем!». Жандарм шопотом останавливал их: «Будет, будет!». Час тому назад наверху, в боковом коридоре, одна из заключённых, громко ругая жандарма, в течение получаса чем-то твёрдым с страшным бешенством колотила в дверь; сидевший рядом с ней стучал кулаком. После этого всё стихло; неизвестно, что это было.

Если бы нашёлся кто-нибудь, кто описал бы весь ужас жизни этого мёртвого дома, борьбы, падений и подъёма духа тех, кто замурован здесь, чтобы подвергнуться казни, кто бы воспроизвёл то, что творится в душе находящихся в заключении героев, а равно и подлых и обыкновенных людишек, что творится в душе приговорённых, которых ведут к месту казни, — тогда бы жизнь этого дома и его обитателей стала величайшим оружием и ярко светящим факелом в дальнейшей борьбе. И поэтому необходимо собирать и сообщать людям не простую хронику приговорённых и жертв, а давать картину их жизни, душевного состояния, благородных порывов и подлой низости, великих страданий и радости, несмотря на мучения; воссоздать правду, всю правду, заразительную, когда она прекрасна и могущественна, вызывающую презрение и отвращение, когда она унижена и оплёвана. Это под силу только тому, кто сам много страдал и много любил...

6 июня.

Сегодня у меня было свидание и мне передали приветы с воли, прелестные цветы, фрукты и шоколад. Я видел Стасю и Вандзю¹. Я стоял на свидании, словно в забытьи, и не мог ни овладеть собою, ни сосредоточиться. Я слышал лишь слова: «Какой у тебя хороший вид», и то, что я говорил: «Здесь ужасно». И помню, что я просил прислать мне какие-то книги и совершенно ненужное мне бельё... После этого я вернулся в камеру и чувствовал себя более чем странно: никакой боли, никакой жалобы, нудное какое-то состояние, какое бывает перед рвотой... А прелестные цветы как будто что-то говорили мне... Я чувствовал это, но не понимал слов.

¹ Жену брата и племянницу.

Потом кто-то вернулся из суда, и из коридора до меня донёлся его спокойный и твёрдый голос — «виселица» и охрипший голос жандарма — «нельзя говорить». Утром, когда я был на прогулке, солдаты выносили из камеры смертников целые возы соломы. Повидимому, казнено столько народу, что в камерах смертников нехватало тюфяков и кроватей. Теперь же готовится помещение для приговорённых вчера радамчан...

Где-то наверху пищит недавно здесь родившийся младенец...

12 июня.

Всем радамчанам смертная казнь заменена каторгой. Меня уже уверяли, что заменят и Ганке. Несколько дней тому назад к ней в камеру перевели другую женщину. С этих пор хохот и пение в течение целого дня без перерыва разносятся по всему коридору. Она сердится, что я почти не стучу к ней. А для меня она начинает становиться чужой. И я сознаю, что если бы я близко узнал её, если бы она не была для меня «абстракцией», то от неё повеяло бы на меня холодом.

Всю эту неделю, несмотря на свидание и книги, я чувствую себя как-то странно. Как будто бы я чувствовал веяние близкой смерти, как будто я нахожусь у предела жизни и всё уже оставил позади...

28 июня.

Я давно не писал. Ганку перевели. Она сидит теперь напротив моей камеры. 18-го в четверг слушалось её дело о покушении на Скалона. В течение двух дней она была уверена, что её повесят. Защитник обещал зайти, если казнь будет заменена, и не

пришёл. И всё же ей заменили казнь бессрочной каторгой. Теперь два дня тому назад зашёл к ней защитник и сказал, что Скалон заменил виселицу каторгой только потому, что ему неловко было утверждать смертный приговор, поскольку дело касалось его самого, но что по другому делу приговор он утвердит. Завтра, кажется, будет слушаться дело о бомбах в Марках. Кроме этого дела, за ней числится ещё шесть дел...

Рядом со мной уже два дня сидит товарищ из Кельц. В четверг слушалось его дело, — приговорён к смерти, заменённой 15 годами каторги; через две недели будет слушаться другое его дело об убийстве двух стражников. До него несколько дней сидел товарищ из Люблина. Ему сообщили, что его узнал провокатор Эдмунд Тарантович и что он обвиняет его в убийстве почтальона и пяти солдат. Виселица верная. Говорят, что этот провокатор выдал целую организацию ППС и настолько занят разоблачениями и показаниями, что следователям приходится ждать очереди, чтобы его допросить. У радомчан было за это время два дела, два раза их приговаривали к смерти и оба раза заменили каторгой.

2 июля.

29 июня перевели от нас Ганку. Я её вижу лишь украдкой, через форточку, когда она гуляет. Дело её слушалось 30-го. Кажется, приговорена к смерти, судя по тому, что она проводила рукой по шее. Её убрали из этого коридора, а несколько человек посадили на три дня в тёмный карцер за подачу прокурору заявления, написанного в резком тоне, с жалобой на жандармов, что они плохо обращаются с женщинами, и за требование перевести женщин в женскую тюрьму. Одних бросили в карцер, других

перевели в другие камеры, чтобы они впредь не могли сноситься друг с другом.

Рядом со мною уже никого нет. Кельчанин сидит теперь в другой камере. Ему всего 21 год, а за ним 17 дел. Когда к нему являются для прочтения обвинительного акта, он отказывается слушать, заявляя, что ему надоело и что он может отправиться на тот свет и не слушая этого. Он сожалеет лишь о том, что ему не дадут жить ещё 20 лет, и спрашивает, сколько у него было бы судебных дел к 40 годам. Снова появилось много людей в кандалах. Я их слышу и вижу только тогда, когда они выходят на прогулку. Несколько человек — почти дети, без растительности на лице, бледные и на вид им не больше 15—16 лет. Один из них еле двигается. Повидимому, у него искалечены ноги. Во время гуляния он постоянно сидит на скамейке. Другой не подтягивает цепей ремнём, и они волочатся за ним. Остальные, наоборот, ходят гордо в кандалах, побрякивая ими, ступают бодро, выпрямившись.

На-днях у меня было небольшое развлечение: я был в уборной, жандарм забыл об этом и привёл товарища из Радома. Мы оба были поражены. Он уже получил три смертных приговора, заменённых 20 годами каторги, ожидает ещё двух приговоров по 15 лет каторги за участие в подкопе под тюрьмой и за принадлежность к «Левике ППС». Все эти приговоры вынесены ему, несмотря на то, что он не принимал ни малейшего участия в приписываемом ему убийстве жандармского ротмистра и других. К тому времени он уже совершенно отстал от движения. Второй, сидящий в одной камере с ним, тоже приговорённый к смерти — подлинный «левицовец», принципиальный противник индивидуального террора...

3 июля.

Сегодня после обеда в моей камере открыли всё окно. Теперь я смогу ежедневно на целый час открывать окно от 4 до 5 часов (во время прогулки не разрешают открывать окон, выходящих во двор). Я уже могу видеть зелень, большой кусок неба, вдыхать свежий воздух. Я долго стоял возле окна, опираясь на решётку. Свежий воздух меня опьянил, и мне стало грустно. Воспоминания, тоска и сознание, что я лишён свободы. Здесь, в самой Варшаве, держат меня в тюрьме, здесь их крепость, и из неё исходит их господство. Какой-то солдат-калмык с винтовкой караулит меня и зорко присматривает за мной. Где-то недалеко свистит паровоз, поезд мчится, едут в нём свободные люди... Их много, очень много, а нас здесь только горсточка. И вновь бодрость во мне оживает, хотя самому мне грустно здесь в камере, в этом доме.

6 июля.

В мой коридор вновь привели троих, в том числе анархиста Ватерлос, закованного в кандалы. Он уже приговорён к 15 годам каторги, а за ним числится ещё одно дело. Иностранец, если судить по произношению и по фамилии, он сидел три дня в камере за подачу жалобы прокурору. С ним сидит какой-то еврей из Островца, обвиняемый в том, что во время арестов рабочих он бросил бомбу в здание фабрики. Рядом со мною сидит женщина. Не знаю, кто она такая, так как она посажена в эту камеру только сегодня и перестукивается очень плохо. Кроме них — двое из Радома, офицер Белокопытов из Замброва Ломжинской губернии, молоденький, розовенький, как девушка, артиллерист, обвиняемый в том, что не донёс на своего товарища, который якобы принад-

лежит к Всероссийскому офицерскому союзу. Вместе с ним сидит с 1 ноября 1907 года один рабочий, обвиняемый в принадлежности к боевой организации ППС (оговаривает его какой-то «Штубак»). Потом ещё двое рабочих, о которых мне ничего не известно, и, наконец, предатель Вольгемут, как говорят, отправивший на виселицу уже до 30 человек. С ним сидит какой-то еврей из Белостока, повидимому, тоже предатель, так как его неоднократно предупреждали, что собой представляет Вольгемут, а он всё продолжает сидеть с ним в одной камере.

7 июля.

Сегодня ужасный день. Утром кто-то в боковом коридоре с остервенением кричал на жандарма, но это продолжалось недолго. Вскоре после этого начал стучать и звал начальника Ватерлос. Ему говорили, что начальник скоро придёт, но тот не приходил в течение целого дня. И Ватерлос стучал с перерывами целый день. Наконец, в 9 часов вечера он вышел в коридор и заявил, что будет ждать здесь. Сбежалось множество жандармов и солдат, они просили его, грозили, требовали, чтобы он пошёл обратно в камеру. Он ответил, что не пойдёт. Кончилось тем, что его схватили и втолкнули в камеру, а он поднял крик: «Товарищи!» Во всех камерах заключённые начали колотить в двери. Ватерлос тоже начал стучать. Только тогда явился начальник. Они разговаривали тихо, по-немецки. Я уловил только, что он требовал, чтобы от него взяли товарища, с которым он сидел.

Один из радомчан сидит в карцере за подачу жалобы. Его взяли обманным путём, сказав, что ведут в канцелярию. Ватерлос отказался добровольно идти в карцер и лёг на кровать; говорят, его понесли в карцер на кровати.

9 июля.

Забрали отсюда двоих радомчан и еврея из Островца. Одна камера пуста. Сюда перевели двоих новых, в том числе одного из радомчан. Ватерлос второй раз, по выходе из карцера, написал жалобу прокурору, а прокурор снова велел за оскорбление посадить его в карцер на семь дней. Его ещё не посадили, повидимому, свободных карцеров нет.

Надо мной сидит женщина. Она была приговорена к ссылке на поселение и освобождена под залог в 20 тысяч рублей. Потом её опять арестовали. В Петрокове она голодала 23 дня. Там, говорят, кошмарные условия для женщин.

23 июля.

Вчера заковали 14 человек; один из них по дороге в кузницу, горько улыбаясь, сказал: «Последние свободные шаги». Сегодня заковали ещё пятерых. Кажется, это привезённые на суд из провинции. Моя соседка ужасно несчастна, хотя утверждает, что чувствует себя хорошо и по целым дням поёт. Отец её казнён, мать умерла в тюрьме, один брат в Седлецкой тюрьме, другой в 4-м крепостном форте, и только один четырнадцатилетний брат освобождён из тюрьмы. С ней вместе сидит дворянка, обвиняемая в участии в подкопе под Радомской тюрьмой. Она молится по целым дням. Её дело будет слушаться завтра.

Ватерлос отсидел в карцере семь дней. Он уже в другой камере — не знаю в какой. Наверху, в камере № 20, несколько дней проходила голодовка в знак протеста против плохой пищи; вчера она прекратилась. Раньше здесь питание для всех было хорошее (по 37 копеек на заключённого), но с сентября прошлого года положение изменилось. Для полити-

ческих отпускают попрежнему 37 копеек, а для уголовных «кормовые» снижены до 11 копеек. При этом в уголовные зачисляют всех, кого заблагорассудится. Так, например, в уголовных превращены радомчане (они голодают четыре дня; пища им улучшена, но очень незначительно) и бывший солдат из Замброва, сидящий в настоящее время в нашем коридоре и даже обвиняемый не в убийстве, а лишь в принадлежности к партии.

26 июля.

Сегодня, в воскресенье, заковали двоих. Повидимому, их завтра отправят в ссылку. По делу о подкопе пять человек оправдано (один из них на нашем коридоре; он продолжает оставаться здесь). Солдату из Замброва увеличили кормовые до 37 копеек.

Ганка сидит теперь вместе с Овчарек, которую она обвиняла в предательстве. Должно быть, лгала. Я теперь не верю, что не были преувеличены и другие её рассказы.

Сегодня мне удалось пересчитать гуляющих: их оказалось 60 человек на нашем дворе; следовательно, всего около 120. Из этих шестидесяти — десять женщин, четыре офицера-артиллериста и один офицер-кавалерист. В двух камерах сидят по шесть человек, в одной — пять, в одной — четыре, в двух — по три. Наверху прежние следственные кабинеты переделываются в камеры. Говорят, что там сидят не только подследственные, но и много отбывающих наказание. По слухам, тех, у кого срок каторги не больше восьми лет, не отправляют в Сибирь, потому что там уже все тюрьмы переполнены, а размещают их в тюрьмах Европейской России и Царства Польского.

29 июля.

Сегодня во всех камерах закрыли окна и накрепко забили их гвоздями. Теперь камера закрылась, как могила, и не видно ни неба, ни деревьев, ни ласточек. Даже свежий воздух отнят у нас. По слухам, всё это сделано потому, что заключённые переписывались друг с другом, опуская из окна на верёвке письма. Говорят, что явился новый «заведующий» (незадолго до этого уж одного заведующего сменили) и отказался принимать павильон, если не заколотят окон. Вчера разрешалось открывать окна, сегодня их закрыли наглухо.

За последние дни в наш коридор приведены четыре новичка. Сидевшую в одной камере с моей соседкой выслали в Радом, а на её место привели новую заключённую из Петрокова. Сегодня тяжело. Кое-кто подумывает о протесте, о борьбе, возможно, что это выльется в столкновение, но уже ничто не поможет, окон не откроют.

7 августа.

В нашем коридоре уже несколько дней сидит некий Кац. Он был арестован в Берлине 25 июня, на следующий день после собрания, на котором присутствовал. Продержали его там две недели. Он находился под таким строгим наблюдением, что не смог никого уведомить о своём аресте. После этого его курьерским поездом отвезли в Вержболово и там передали русским властям. От Берлина до Ковио его везли в ручных и ножных кандалах. По слухам, министр иностранных дел телеграфировал берлинской полиции, чтобы его переслали в X павильон Варшавской цитадели. В Ковио он провёл один день, и оттуда его перевели сюда. Его обвиняют в принадлежности к группе анархистов.

16 августа.

По слухам, рабочий из Пабианиц оправдан... Несколько недель тому назад судили боевую организацию ППС. Все поражены мягкостью приговора: только один Монтвилл приговорён к 15 годам каторги; пять человек оправданы, несколько человек приговорено к восьми годам. Одному два года восемь месяцев каторги заменены шестью месяцами тюрьмы. Другому, по слухам, ссылка на поселение заменена месяцем тюрьмы. Такая же замена применена к одной женщине. Все поражены; кое-кто уже воображает, что период репрессий кончился.

По поводу того, что забили окна, кое-кто из женщин выступил с проектом вышибить все стёкла. Это предложение отпало. Другие предложили объявить голодовку, требуя уразнения всех в пищевом довольствии до 37 копеек, но и это предложение отпало: иная почти голодовка не довела до победы. Ватерлос в сентябре прошлого года дважды устраивал голодовку: один раз 15 дней, другой раз — 8; ему ручались честным словом, что все его требования будут удовлетворены, и ни одно не было удовлетворено. Один анархист два раза объявлял голодовку, требуя снятия кандалов. На шестой день с него сняли кандалы, а неделю спустя он был вновь закован.

Голодные протесты уже не производят впечатления. Власти знают, что такого рода протест долго продолжаться не может и что не все могут участвовать в нём. Выдерживают голодовку только более стойкие, но сами от этого очень страдают.

Говорят, что новый заведующий человек «добрый». Он придумал средство, чтобы и волки были сыты и овцы целы: окна попрежнему заколочены, но во время прогулки двери камер открываются в коридор. Что касается пищи — более зажиточным

заключённым разрешено не брать всей порции, а часть её передавать тем, которым отпускается на довольствие 11 копеек. Со временем из этого может получиться то, что всем будет уменьшена порция и красть будут больше. Теперь — это надо признать — к нам не придираются и относятся хорошо. В последнее время не было даже слышно прежней ругани тех жандармов, которые ненавидят нас и которые довольны, когда могут чем-нибудь нас уязвить. Если бы не это, то здесь нельзя было бы выдержать и дело доходило бы до жесточайших столкновений. Ведь люди идут отсюда на виселицу или на многие годы каторги, а о днях свободы они ещё не забыли и не могут примириться с мыслью, что навсегда или на долгие годы всё кончено.

То, что больше всего угнетает, с чем заключённые не в состоянии примириться, это таинственность этого здания, таинственность жизни в нём, это режим, направленный на то, чтобы каждый из заключённых знал только о себе, и то не всё, а как можно меньше. И заключённые страстно борются за то, чтобы разорвать завесу этой таинственности; отсюда эта постоянная переписка, подыскивание самых замысловатых способов пересылки писем от одного к другому, покашливание в коридоре, пение и посвистывание в камерах. Создана целая система сигналов. Когда старые «почтовые ящики» для корреспонденции проваливаются, придумываются новые. Кое-кто дошёл до полного совершенства способы сношений с другими, предаётся этому весь и только этим живёт. Таких переводят из одной камеры в другую, стараются их как-нибудь утихомирить, но ничто не в состоянии охладить их энтузиазма. Если иначе уже нельзя, они во время прогулки подают гуляющим всевозможные знаки через выходящие на дворик окна или же из уборной. Жандармы не могут сладить с

ними и склонны махнуть на них рукой, в расчёте на то, что в конце концов их уберут отсюда. Они знают всё. Часто, когда у них сведения не полны, они не стесняются и присочинить. Отсюда частые ложные сведения, взятые с потолка или высосанные кем-либо из пальца.

Проникл к нам известие о том, что охранка подслала сюда шесть шпигов, что в среде заключённых есть провокаторы. Началась слежка. Бывало, что обнаруживали действительных провокаторов, но бывало также, что подозрение падало на людей, возможно, ни в чём не повинных. Некоторое время тому назад, когда офицера вывели на прогулку с новеньким, кто-то из заключённых через окно в уборной крикнул: «Это шпики!». Ганка говорила со мной об Овчарек как о явном предателе, а после как ни в чём не бывало сидела с Овчарек в одной камере и, гуляя, шалила и играла с ней. Впрочем, они, повидимому, вновь поссорились, так как сидят отдельно. Сегодня Ганка, не знаю за что, просидела всю ночь в карцере. Создаётся атмосфера недоверия, портящая совместную жизнь: каждый, по мере возможности, замыкается в себе.

Шпионов действительно много. Здесь так часто сменяют товарищей по камере (редко кто сидит один, большинство сидит по два человека, а есть камеры, в которых сидят по-трое и больше), что цель этого становится очевидной: дать возможность не разоблачённым шпигам узнать как можно больше. Несколько дней тому назад я увидел в окно бесспорно уличённого в провокации на прогулке с вновь прибывшим из провинции. Этот провокатор — интеллигент. Я крикнул в окно: «Товарищ! Гуляющий с тобой — известный мерзавец, провокатор». На следующий день они уже гуляли каждый отдельно.

Сейчас я опять подозреваю одного человека. Будучи ещё на свободе, я знал фамилию одной предательницы. И вот я узнаю, что фамилия одной из заключённых, которая здесь ведёт себя безупречно, такая же, как у той предательницы; дальше я случайно узнаю, что она близко знакома с людьми, с которыми была знакома и та, что некоторые черты её характера сходны с чертами характера той, и во мне, помимо моей воли, зарождается сомнение, которое я сначала подавлял, но которое всё более и более усиливается. Само собою разумеется, что я ни с кем не поделился своими подозрениями и делаю всё, чтобы выяснить это дело.

21 августа.

Сегодня весь день павильон в движении. Таскают тюфяки, кровати, переводят заключённых из одной камеры в другую. Мою соседку, «бедную сироту», как мы её прозвали, перевели в другой коридор — туда, где сидит Овчарек, несмотря на то, что ей ужасно не хотелось уходить от нас. Женщину, сидевшую в верхнем коридоре (восемь лет каторги), увезли сегодня в пересыльную тюрьму. К нам в коридор перевели товарища из Радома (он уже приговорён к бессрочной каторге) и одного члена «Левизы ППС».

Два сокамерника шпиона Вольгемута переведены в другие камеры; его самого, кажется, уже здесь нет.

В 3-м коридоре отбывают наказание приговорённый к заключению на три года в крепость бывший офицер Аветисянц и его сопроцессник, оба из военно-революционной организации (срок им кончается 24 августа 1909 года), бывший военный инженер, приговорённый за оскорбление царя к одному году (до 7 июля 1909 года), и один гимназист, которому, по

ходатайству матери, четыре года каторги заменили одним годом крепости. Они ежедневно получают газеты, но их немедленно по прочтении у них отнимают, чтобы лишить возможности переслать газеты нам. 11 июня их перевели сюда с гауптвахты по доносу сидящего там пабианицкого полицмейстера Ионина, расстрелявшего совместно с двумя стражниками арестованного Гризеля. Ионин — известный мерзавец, один из «героев» карательной экспедиции в Латвии. Доносы этого негодяя в высшей степени характерны. Он донёс, будто бы на гауптвахте находится центр военно-революционной организации, будто там печатаются воззвания, будто оттуда распространяется литература, ведётся агитация в армии и т. д. И он добился своего — этих офицеров перевели сюда. Гауптвахта находится рядом с X павильоном. Это двухэтажное здание. Внизу — камеры для подсудимых солдат, привлекаемых по обвинению в уголовных и военных преступлениях. На втором этаже сидят за нарушение дисциплины офицеры и «дворяне», приговорённые к аресту на несколько дней. Камеры их не закрываются, окна без решёток. На третьем этаже — приговорённые к крепости и офицеры. Эти камеры запираются, окна снабжены решётками, но временами их не запирают по целым неделям. Это бывает в тех случаях, когда начальниками караула попадают порядочные офицеры. У них там бывают все газеты, и им очень легко сносятся с внешним миром.

Там сидел один год и четыре месяца Шаманский, отказавшийся в 1905 году повести свою роту на расправу с забастовавшими рабочими; там же сидел до суда два месяца казачий офицер Рублёв по обвинению в том, что отказался расстрелять рабочих, приговорённых полковым судом к смертной казни. Суд

приговорил его за это к увольнению со службы. Сидел там также два месяца жандармский младший офицер за освобождение 10 политических заключённых. В настоящее время, между прочим, отбывает там наказание капитан первого ранга из эскадры Небогатова, приговорённый к 10 годам крепости за сдачу эскадры японцам. Сидит также подпоручик Денeko (из ивангородской крепостной артиллерии), толстовец, приговорённый в апреле 1908 года к шести годам арестантских рот за отказ от службы. Арестантские роты по этому приговору заменены лишением офицерского звания.

29 августа.

«Когда-то я легче переносил тюрьму, теперь я уже стар и мне тяжело. Тогда я не думал о будущем, но жил им, так как был силен; теперь я чаще думаю о будущем, потому что не вижу перспективы, и мне здесь тяжело. Не могу привыкнуть к тому, что я в заключении, что нет у меня своей воли. Не могу примириться с появляющейся всё чаще и чаще мыслью, что завтрашний день будет такой же серый, однообразный, без содержания и смысла, как сегодняшний. И тоска принимает размеры ностальгии¹, вызывает физическую боль, сосёт кровь, сушит. И меня влечёт отсюда в поле, в мир красок, звуков и света — туда, где слышен шум леса, где по небу движутся в неизвестные края белые облака; влечёт вдаль, где дышится чистым воздухом, живительным, свежим, где лучезарное солнце, где пахнут цветы, где слышно журчание рек и ручейков и где море никогда не перестаёт шептать и разбивать о берег свои волны. И день, и ночь, и утренняя заря, и пред-

¹ То-есть принимает болезненный характер.

вечерние сумерки так привлекательны и дают столько счастья! Меня ожидает смертный приговор, который, вероятно, будет заменён многими годами каторги. В лёгких у меня что-то попортилось, я пролежал в больнице три месяца и несколько дней назад вышел оттуда. Я чувствую, что мне уже не долго здесь оставаться. Я не жалуясь, не проклиная своей судьбы, я даже спокоен, несмотря на то, что ужасно хочется жить и убежать отсюда. Я пишу это... Не хочу лгать... И неужели стыдно того, что я люблю жизнь, неужели надо покрывать ложью ужасы, отравляющие, грязнящие и извращающие эту жизнь? И, если бы я выбрался отсюда, разве мог бы я изменить свою жизнь и вновь не вернуться сюда?».

Приблизительно такого содержания письмо получено мною от товарища, который несколько дней тому назад переведён из лазарета. Я увидел его, когда он был на прогулке, и нам удалось связаться друг с другом и организовать правильный обмен письмами. Его держали несколько месяцев в кандалах под тем предлогом, будто он бежал с каторги, что является наглой ложью. Он заболел и пролежал три месяца в лазарете. Обвиняют его в участии в убийстве шпиона.

25 августа слушалось дело 11 радомчан, обвинявшихся в принадлежности к ППС и в нападении на монопольки¹. Две женщины оправданы, остальные девять человек, в том числе два предателя, Гаревич и Таранович приговорены к смерти. Приговор был смягчён. Одному предателю смертная казнь заменена шестимесячным (!) тюремным заключением, другому — ссылкой на поселение, остальным

¹ Так назывались в Польше в царское время государственные магазины, монопольно торговавшие спиртом и водкой. — *Ред.*

заключённым — каторжными работами от 10 до 20 лет. Этот Тарантович сидел некоторое время рядом со мной, называя себя Талевичем. Он всё жаловался, что приходится умирать в таком молодом возрасте, и уверял, что, если бы ему было 40 лет, за ним было бы не 17 дел, как теперь, а гораздо больше. Гуляют здесь ещё два шпиона: Сагман (он же Зверев, он же Орлов), одетый в студенческий мундир, и Вольгемут.

31 августа.

Сегодня слушалось дело 37 варшавских социал-демократов, 12 человек приговорено к ссылке на поселение, 25 человек оправдано. 25 августа разбиралось дело семи лодзинских социал-демократов; по слухам, трое приговорены к четырём годам каторги, одна — на поселение, три человека оправданы. Говорят, что никаких доказательств их вины не было и что суд основывался исключительно на показаниях жандармского полковника.

6 сентября.

Сегодня я убедился, что, к сожалению, мои подозрения были обоснованы. Оказывается, Ганка была в Творках (дом для умалишённых) и оттуда была увезена прущковскими социал-демократами, а когда её после этого арестовали, она выдала тех, которые её освобождали: сама ездила с жандармами и указывала их квартиры. Здесь она сидит под вымышленной фамилией, тщательно скрывая свою подлинную фамилию Островской. Почему она предавала? Кто её знает: может быть, её избивали, а возможно, что она действительно сумасшедшая. Теперь она уже несколько дней сидит надо мной. Сегодня я обо всём этом уведомил других. Я обязан был это сделать. Возможно, что вначале она попытается защищаться,

утверждать, что всё это ложь. Она, вероятно, будет бороться, хотя бы за щепотку доверия. Но заслуженный удел её — позор, самый тяжёлый крест, какой может выпасть на долю человека.

Я иногда вижу на прогулке провокаторов. Двое из них производят кошмарное впечатление: глаз не поднимают, лица, словно бледные маски отъявленных преступников, — застывшие, неподвижные, с печатью отвержения на лбу. Весь их вид напоминает корчащуюся собаку, когда на неё замахнёшься. Один из них Вольгемут, другой Сагман. Трое других делают вид, будто ничего не случилось, и трудно по их лицам определить, что они собой представляют. Остальные два ещё смеются, шутят, веселы; это профессиональные провокаторы.

Сегодня заковали четверых, в том числе Монтвилла (он сидит надо мной).

Мать двух детей, по слухам, приговорена к ссылке на поселение на 12 лет за то, что её квартирант убил солдата во время обыска и удрал вместе с её мужем. Дети сидят вместе с ней. Сегодня во время прогулки она за что-то отшлёпала старшего сына. Я увидел это в окно и хотел накричать на неё: в тюрьме, за решёткой, всё воспринимается до странности преувеличенно. А ребёнок как ни в чём не бывало продолжал шалить, бегать по двору, гоняться за курами, собирать листья.

В моей голове ужасная пустота, мелькают какие-то бессвязные сны, отдельные слова, люди, предметы, а когда я встаю утром с постели, начинающийся день пугает меня.

Рядом со мной сидит молодой офицер. Я поддерживаю переписку лишь с ним одним. Он хотел бы сидеть вместе со мной, хотя бы непродолжительное время, но я предпочитаю сидеть без товарища.

Начиная с завтрашнего дня мы будем вместе гулять. Этого достаточно, и это внесёт разнообразие в нашу жизнь. Надолго ли?

Ватерлосу вручили обвинительный акт. Он обвиняется в принадлежности к партии анархистов-коммунистов (по этому делу привлечено по второй части 102-й статьи 18 мужчин и 6 женщин); 15 лет каторги у него уже за спиной за ограбление какого-то купца. Когда читаешь о таких нападениях и убийствах, не верится, что такие люди, как Ватерлос, могут быть и исполнителями и руководителями этих актов.

11 октября.

Ночью с 8-го на 9-е повешен Монтвилл. 8-го с него уже сняли кандалы и перевели его в камеру смертников. Во вторник 6-го его судили за участие в нападении вблизи Лап на поезд, в котором перевозили солдат Волынского полка. Он не строил никаких иллюзий и 7-го, когда мы были на прогулке, взобрался на окно и попрощался с нами. Его повесили в час ночи. Палач Егорка, по обыкновению, получил за это 50 рублей. Последними словами Монтвилла на эшафоте были: «Да здравствует независимая Польша!»

Ночью с 7-го на 8-е казнили какого-то старика из камеры № 60. И после этих ночей, когда совершились такие ужасные преступления, ничего здесь не изменилось: попрежнему светлые осенние дни, солдаты, жандармы, установленные смены их, прогулки. Только в камерах становится тише, не слышно пения, многие ждут своей очереди.

С 24 сентября я сижу в одной камере с офицером, поручиком артиллерии Б. Он сидит уже десятый месяц, обвиняемый лишь в том, что он не дошёл на своего товарища, якобы принадлежавшего

к Всероссийскому офицерскому союзу. Его обвиняют лишь на том основании, что он жил вместе с этим товарищем. Это дело ведёт известный мерзавец жандармский подполковник Вонсяцкий. По этому делу привлекаются шесть офицеров и около 40 солдат. Вонсяцкий с мая обещает кончить дело и оттягивает с недели на неделю. В последний раз он сказал, что 14 сентября предъявит всем обвинительные акты и перешлёт дело прокурору, но до сих пор всё ещё ничего не известно. Все офицеры вынуждены были подать в отставку, в противном случае их уволили бы со службы в дисциплинарном порядке. Вонсяцкий объявил Б., что он его не освободит даже под залог, если не будет получено сообщение об его отставке.

В высшей степени характерен разговор Вонсяцкого с заведующим X павильоном Успенским в марте, когда последний возвратился из зала судебных заседаний. Вонсяцкий: «Ну, всё в порядке?» — «Да! Все пять приговорены к смерти».

Анархист Ватерлос и один офицер уже семь дней сидят в карцере, анархисту Кацу из этой же камеры предстоит отсидеть в карцере четыре дня, а Марчевской-Островской и работнице из камеры 20 — по три дня. Над нами были проведены «телефоны» — из камеры в камеру, попросту говоря, пробуравлены дыры в стене. Недавно эти дыры были заделаны. Но в тот же день заключённые их вновь пробуравили. На следующий день это было обнаружено, и дыры вновь заделали уже за наш счёт. Многие из нас после этого отказались продолжать эту канитель. Анархисты, наоборот, предлагали держать пробуравленные дыры «демонстративно» открытыми. С этим предложением согласились лишь три камеры: № 18, 19, 20. Заведующий Елкин приказал отвести Ватерлоса

в карцер. Пришли пять здоровенных жандармов во главе с вахмистром и увели его в карцер, не считаясь с тем, что заключённые в других камерах колотили в двери. Камеры № 18, 19, 20 потребовали прокурора, несмотря на то, что их уговаривали не делать этого, так как прокурор мерзавец и ещё хуже расправится с ними.

Товарищ прокурор явился. Через несколько дней после его посещения от прокурора пришло распоряжение посадить в карцер заключённых всех трёх камер. После этого столкновения отношения между заключёнными стали более холодными и напряжёнными.

Тактика анархистов — борьба из-за каждого пустика, постоянная, никогда не прекращающаяся. Тактика других — прямо противоположная: заботиться прежде всего о сохранении своих сил, избегать по возможности столкновений, но вместе с тем отстаивать свои права и своё достоинство. Недавно дело чуть не дошло до суда над одним из анархистов, пытавшимся вызвать столкновение и вовлечь в него другие коридоры ложным сообщением, что весь его коридор решил устроить скандал, в то время как в его коридоре никто не имел об этом ни малейшего представления.

Вот уже несколько дней у нас новый вахмистр, по слухам, отъявленный мерзавец. Приглашён он сюда Вонсяцким. Я видел его во время свидания. Он внимательно следил за нашим разговором и для того, чтобы быть ближе, нагло развалился на столе и то и дело вмешивался в разговор. Возмутительный нахал! Мне принесли галоши, он отказался их принять, уверяя, что здесь галоши совершенно не нужны.

С тех пор как он пришёл сюда, нельзя допроситься ни ванны, ни книг из библиотеки; так назы-

ваемые «покупки» производятся вместо двух раз — всего один раз в неделю. Несомненно, это он обнаружил, что среди местных жандармов есть революционеры. В связи с этим у них забрали и сожгли русские книги, взятые из библиотеки, а многих жандармов заменили новыми. Говорят, что всех «развращённых» отправят в «эскадрон», а сюда приплот новых. Начальник эскадрона отказывается их принять и умоляет генерала не отправлять их к нему, потому что они «развратят» весь эскадрон, а те, которых ему придётся прислать на замену их, тоже «развратятся», сталкиваясь с нами. Несомненно одно, что армия вообще «развращена», что вступившие в армию по набору «развращены» и в свою очередь «развращают» остальных.

Тревога была вызвана тем, что один из жандармов отправил генералу Утгофу анонимное письмо, написанное печатными буквами, с требованием выплаты им, кроме 50 копеек, выплачиваемых каждому солдату, ещё 1 рубля 50 копеек в месяц «добавочно» за их службу в X павильоне. Этих денег начальство им не даёт, а вносит в какую-то кассу.

25 октября.

Уже неделю я сижу один в камере № 3 1-го коридора. В этом коридоре всего пять камер. Окно выходит в парк лазарета. Тихо здесь, одиноко, да и жандармы в большинстве новые. Из старых остались лишь худшие. Сегодня сосед простучал мне, что Ватерлос голодает уже 12 дней, требуя улучшения пищи, письменных принадлежностей, ванны и вызова консула. По слухам, он уже без сознания. После того, как он просидел семь дней в карцере, его посадили в камеру № 50, совершенно изолированную, в прежнем коридоре смертников, теперь

предназначенном главным образом для бандитов. Говорят, что его и ещё одного анархиста собираются держать здесь долгие годы, опасаясь, что их в случае отправки отобьют или же они убегут.

12 ноября.

Три дня (7, 8 и 9-го) слушалось дело моё и моих сотоварищей; три дня у меня было большое развлечение. Суд происходил в Судебной палате. Меня возили туда в ручных кандалах на извозчике. Я был возбуждён и обрадован тем, что вижу уличное движение, лица свободных людей, вывески и объявления магазинов, трамваи. Обрадовала меня встреча с товарищами и то, что я увидел нескольких знакомых. Зал судебных заседаний... Большие окна... Всевозможные аксесуары... И, наконец, самый суд, состоящий из семи человек, прокурор, эксперты, поп и ксёндз, свидетели, защитники, близкие, родные. Приведение к присяге свидетелей, экспертов и переводчика, показания свидетелей, обвинительная речь прокурора, требовавшего высшего наказания по второй части 126-й статьи, заявившего при этом, что мы подвергаемся каре не для наказания нас, а для устрашения. Потом была речь Ротштадта, который сам себя защищал, и выступления защитников. После более чем часового обсуждения был объявлен приговор. Я получил ссылку, двое других подсудимых по четыре года каторги и один — год заключения в крепости. Председатель прочитал приговор. Нас всё-таки признали виновными по второй части 126-й статьи, несмотря на то, что было доказано, что у социал-демократии Польши и Литвы не было складов оружия и взрывчатых веществ, и достаточных доказательств нашей принадлежности к партии тоже не было. Нам вынес-

ли приговор, руководствуясь исключительно «голосом совести», а эта «совесть» оказалась не менее чуткой к требованиям властей, чем «совесть» военных судей. Только меня одного приговорили к ссылке на поселение, по всей вероятности, только потому, что им было известно, что по другому числящемуся за мной делу они смогут закатать меня на каторгу. Говорят, что жандармы возбуждают против меня уже третье дело. Теперь все дела о социал-демократах будут подводиться Судебной палатой под 102-ю статью.

Во время суда я совершенно не думал о том, что это именно нас судят и закатают на долгие годы. Я не думал об этом, хотя у меня не было никаких иллюзий относительно приговора. Я глядел на судей, на прокурора, на всех присутствовавших на суде, на стены, украшения, глядел с большим интересом, с большим удовлетворением оттого, что вижу свежие краски и цвета и других людей, другие лица. Я словно присутствовал на каком-то торжестве, не печальном, не ужасном, — на торжестве, которое вовсе меня не касалось. Мои глаза насыщались свежими впечатлениями, и я радовался, и хотелось каждому сказать какое-нибудь доброе слово.

Был только один момент, когда я почувствовал, словно собираются кого-то хоронить. Это было тогда, когда нас ввели в зал суда для выслушивания приговора, когда нас вдруг окружили 15—20 жандармов, и вынутые из ножен сабли блеснули перед нами в воздухе. Но это настроение рассеялось, как только председатель начал читать приговор: «По указу его императорского величества...».

Сегодня я опять один в камере. Я не сомневаюсь в том, что меня ждёт каторга. Выдержу ли я? Когда я начинаю думать о том, что столько дней мне придётся жить в тюрьме, день за днём, час за часом, —

по всей вероятности, здесь же, в X павильоне, мною овладевает испуг, и из груди вырывается крик: «Не могу!». И всё же я смогу, необходимо смочь, как смогло вынести огромное множество людей гораздо худшие муки и страдания. Мыслью я не в состоянии понять, как это можно выдержать, но я сознаю, что это возможно, и перестаю бунтовать, наступает примирение и гордое желание выдержать. Горячая жажда жизни прячется куда-то вглубь, и остаётся лишь спокойствие кладбища. Если нехватит сил, придёт смерть, освободит от чувства бессилия и разрешит всё. И я спокоен.

Пока я совершенно один. Ни с кем в коридоре я не веду переписки и отрезан от всего павильона. Вахмистр уже другой, того, к счастью, убрали. Он был невыносимо злой. Новый, кажется, недурной. Я его ещё не знаю. Новые жандармы вообще не придираются к нам. Только с одним у меня было столкновение. Поздно ночью я читал. Он ежеминутно подходил к моим дверям, тёрся об них, поднимал крышку «глазка», подглядывал, со стуком опускал крышку и, не отходя от дверей, опять её поднимал. Я попросил его, чтобы он этого не делал; пусть, мол, себе подглядывает, если это доставляет ему удовольствие, но пусть не стучит и не трётся о дверь. Минуту спустя он нарочно начал стучать. Я сделал скандал. Он довёл меня до такого бешенства, что я в состоянии был бы броситься на него, но пришёл дежурный и велел ему прекратить эту игру.

15 ноября.

Хочется писать. Вот уже несколько дней царит в моём коридоре могильная тишина. В коридоре я и кто-то напротив меня — и больше никого. Остальные камеры пустые. Несколько дней тому

назад всех, кроме нас, перевели в другие коридоры. Я не переписывался с ними. Но я их чувствовал, слышал... А теперь я остался один, и мне тяжело в моём одиночестве.

4 декабря.

Хочется сегодня вновь вернуться к нашему суду. Неделю спустя после объявления приговора меня вновь повезли в Судебную палату и прочитали мне приговор в окончательной форме. Оказалось, что я признан виновным не только в принадлежности к партии, но и во всём том, что голословно вменялось мне в вину и в обвинительном акте и в речи прокурора. Так, например, в приговоре устанавливается как факт, что у меня была связь с агитационно-пропагандистской комиссией партии только на том основании, что в письме одного из обвиняемых упоминалось об этой комиссии, но в этом письме не было ни малейшего указания на какое бы то ни было моё отношение к ней. Суд решил, что я разъезжал по партийным делам по Польше и России, хотя не было ни малейшего доказательства и даже малейшего указания, что я вообще разъезжал. Дальше в качестве самого основного доказательства моей принадлежности к партии и моей деятельности в Польше фигурировали мои письма, написанные из Кракова в Цюрих в 1904 году. Прокурор мимоходом упомянул в своей речи, что эти письма были написаны из Варшавы; при этом он подчеркнул, что эти мои действия в 1904 году не подлежат амнистии по октябрьскому манифесту 1905 года, так как амнистия касалась только первой, а не второй части 126-й статьи. Блестящая речь адвоката, доказавшего, что письма были написаны из Кракова и что они не могут повлечь за собой наказания уже хотя бы потому,

что амнистия распространялась на эти проступки (тогда по манифесту были освобождены от ответственности все обвиняемые в принадлежности к социал-демократии, так же как и привлекавшиеся по делу варшавской типографии социал-демократов), оставлена без ответа прокурором, настолько он был уверен в судьях, и судьи не обманули возлагаемых на них надежд. Защиты словно вовсе не было. Я подал кассационную жалобу. Само собою разумеется, что дело не в уменьшении наказания.

Третьего дня мне был вручен второй обвинительный акт по другому делу, уже по обвинению по второй части 102-й статьи. Ссылка на поселение — по этой статье самая меньшая мера наказания, но я хочу попытаться добиться всеми мерами замены второй части первой, учитывая, что суду предстоит разбирать целый ряд подобных дел. Если ничего из моих попыток не выйдет, то это будет доказательством того, что вся Судебная палата руководствуется только местью.

Второе моё дело будет, вероятно, слушаться палатой через 2—3 месяца. Теперь все дела социал-демократов идут уже по 102-й статье, а не по 126-й. Наказание по этой статье гораздо более строгое. Такова инструкция из Петербурга, по всей вероятности, благодаря настояниям Скалона и Заварзина¹. К первому моему делу была применена статья 126-я только потому, что обвинительный акт был составлен год тому назад, и потому, что военная прокуратура отказалась принять это дело. Второе моё дело было направлено в Судебную палату разве только потому, что доказательства настолько ничтожны, что не было уверенности, как отнесутся к этому офицеры.

¹ Заварзин — начальник варшавской охраны.

Несколько дней тому назад в военном суде слушалось дело 19 социал-демократов, захваченных на собрании. Приговор очень строгий. Четыре человека — по шесть лет каторги, девять — по четыре года, два — на поселение. Судили их по первой части 102-й статьи. Вчера слушалось дело 13 бундовцев из Кола, Калишской губернии. Большинство из них пятнадцатилетние мальчуганы. Один оправдан, двух приговорили к четырём годам каторги, пятерых — к двум годам восьми месяцам, остальных — на поселение.

15 декабря.

Четыре дня тому назад отобрали у меня и моего товарища по камере все письменные принадлежности. Во время нашей прогулки в камере был произведён тщательный обыск. Мы вернулись с прогулки как раз в тот момент, когда вахмистр рылся на полу в наших вещах и, злой и покрасневший от стыда, обрушился на жандарма за то, что он привёл нас слишком рано. Заведующий тоже собирался войти в камеру, но, увидев нас, поторопился повернуть. Мы вызвали его через жандарма, требуя, чтобы он пришёл, но он до сих пор не изволил явиться, и нам не известно, по какому поводу обрушилось на нас наказание. Два месяца тому назад у кого-то на воле захвачено моё письмо. Заведующий сказал, что он отнимет письменные принадлежности, если это повторится. С этого времени я не отправлял ничего на волю, а для меня несомненно, что этот обыск производился из-за меня, а не из-за моего товарища. Вчера был день, когда обычно пишут письма, и нам велено было писать их в присутствии жандарма, чтобы не отлить себе чернил.

Вчера ночью казнён кто-то, сидевший под нами в камере № 29. Неделю тому назад повесили двоих

из этой же камеры. В окно слышно, как идут на место казни солдаты, затем доносится беготня из канцелярии, слышно, как выводят приговорённых из камеры в канцелярию, а затем из канцелярии со связанными руками в тюремную каретку. После этого целые дни, когда слышишь шагающие отряды войск, кажется всё, что это опять ведут кого-нибудь на казнь.

Я теперь в камере № 1 — рядом с канцелярией. Меня перевели сюда четыре недели тому назад и посадили с другим товарищем, несмотря на то, что я просил, чтобы не сажали меня ни с кем. Повидимому, сделано это для того, чтобы ограничить мою возможность агитировать жандармов. Жандармы боятся разговаривать с сидящими вдвоём. Правда, на следующий день хотели удовлетворить мою просьбу и перевести моего сокамерника в другую камеру, но тут мы сами запротестовали. Мой товарищ по камере, рабочий, обвинявшийся в принадлежности к ППС, оправдан военным судом 3 августа, но его продолжают держать вместе с другими его сопроцессниками, также оправданными. Собираются сослать их административно в Сибирь на 5 лет каждого, ждут только решения из Петербурга.

Рядом с нами сидела Мария Р. Оправданную в четверг второй раз военным судом (теперь по обвинению в убийстве стражника, раньше — в принадлежности к варшавской боевой организации ППС), в субботу её увезли в ратушу. Теперь, говорят, она в «Сербии» (женская тюрьма) дожидается из Петербурга решения об административной ссылке. В павильоне чуть ли не все любили её за весёлый характер и за молодость. Несколько дней сидела с ней вместе шпионка, присланная сюда охранкой и получившая за это 15 рублей с тем, чтобы заключённые

заводили с ней романы и чтобы она могла этим путём выудить сведения у легковверных людей. Но она недостаточно ловко это проделывала и немедленно же была разоблачена. Она называла себя Юдицкой, письма для неё направлялись, как Жебровской, а жандармы именовали ее Кондрацкой. Во 2-м коридоре тоже сидел шпион, выдававший себя за доктора из Стараховиц, Радомской губернии. Оказалось, что он вовсе не знает этой местности. К нему обратились за медицинской помощью: кто-то жаловался на болезнь почек. Он предложил ему самому прослушать свои почки: «если звук ясный, отчётливый, тогда почки здоровые, если глухой — необходимо лечиться», и т. д.

Ватерлос был после голодовки всё время в больнице, кандалы с него сняли. Теперь его опять перевели в X павильон, кажется, опасаясь, чтобы он не убежал из лазарета. Врач будто бы сказал, что он дольше месяца не проживёт.

Аветисянц, бывший офицер, отбывающий здесь срок заключения в крепости, тоже очень плох, хотя и не подозревает этого. У него туберкулёз.

Дней 7—10 тому назад здесь арестован солдат по фамилии Лобанов, производивший для нас покупки. Он сидит теперь во втором номере. За что арестован, не знаю. Жандармы теперь запуганы и боятся разговаривать с нами; только по глазам можно узнать, кто сочувствует нам. А заведующий, хоть мил, предупредителен и любезен, но кажется жандарм до мозга костей. Он постепенно вводит всё более и более строгий режим, всё чаще и чаще сажает людей в карцер и подбирает как можно более «желательных» для власти жандармов. Когда он боится, что «размякнет», он вовсе не является и присылает записку с распоряжением, какое наложить

наказание. По его приказу во время прогулки заключённых в их камерах производятся обыски. Он, по видимому, сознаёт всю низость своей службы, но и все выгоды её. На прошлой неделе он посадил в карцер больного Қаца, 4-й и 9-й коридоры заступились за Қаца и потребовали, чтобы заведующий пришёл для объяснений. Он не пришёл и только в 2 часа ночи явился в 4-й коридор, где сидят офицеры, и солгал, что Қац уже освобождён из карцера. На следующий день посадили в карцер одного офицера. Группу офицеров рассадили по всему павильону, несмотря на то, что ещё недавно, по окончании следствия по их делу, девять человек из них поместили в трёх смежных камерах и разрешили им выходить вместе на прогулку. Сегодня офицера З. опять перевели к нам, взяв с него честное слово, что он будет писать на волю исключительно через канцелярию (недавно на воле провалились их письма и в связи с этим у них отобрали письменные принадлежности).

Следствие по их делу закончено только месяц тому назад. К делу привлекаются до 60 человек. Вонсяцкий ухитрился превратить Всероссийский офицерский союз в военно-революционную организацию социал-демократов только на том основании, что кое-кто из офицеров находился в связи с социал-демократами. Главным свидетелем по этому делу является некто Гогман, бывший офицер из Брест-Литовска, обокравший военную кассу, бежавший, пойманный и приговорённый к полутора годам арестантских рот. Его перевёл сюда Вонсяцкий и его подсаживали по очереди ко всем привлечённым по этому делу офицерам. Все знали, что он шпион, остерегались его и ничего не говорили при нём, а он на дознании передавал всевозможные небылицы и показывал всё, в чём

Вонсяцкий обвинял офицеров. Он проделывал и не такие ещё фокусы. Он оставался в камере, когда другие ходили на прогулку, и в отсутствие того или иного офицера точками в книгах писал компрометирующие его данные. Об одном из офицеров он, например, показал, когда он, Гогман, гулял по двору с двумя солдатами, тот крикнул в окно: «Товарищи, это негодяй, шпион» и т. д. В действительности это крикнул я, и Гогман прекрасно меня видел, так как довольно долго присматривался ко мне.

В камере № 2 теперь сидит один из десяти увезённых из «Павиака», впоследствии выданный русским властям Швейцарией. Он обвинялся в убийстве Иванова и, хотя мотивы этого убийства были политические, осуждён, как уголовный, и 1 февраля текущего года приговорён окружным судом к шести годам тюремного заключения. Пока он содержится здесь, так как если бы его сослали в Сибирь, то уже 1 февраля 1910 года его пришлось бы сдать в вольную команду, а освободить от кандалов ещё 1 февраля 1909 года. По всей вероятности, его будут держать здесь все шесть лет. Кроме него, здесь отбывает наказание анархист Ватерлос и ещё несколько человек.

31 декабря.

Сегодня — последний день 1908 года. Пятый раз я встречаю в тюрьме новый год (1898, 1901, 1902, 1907); первый раз — одиннадцать лет тому назад. В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела. И теперь, когда, быть может, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда

много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошено в снежные тундры Сибири, — я горжусь.

Я вижу огромные массы, уже приведённые в движение, расшатывающие старый строй, — массы, в среде которых подготавливаются новые силы для новой борьбы... Я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы её точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость.

Тюрьма сделала только то, что наше дело стало для меня чем-то осязаемым, реальным, как для матери ребёнок, вскормлённый её плотью и кровью. Тюрьма лишила меня очень многого, не только обычных условий жизни, без которых человек становится самым несчастным из несчастных, но и самой способности пользоваться этими условиями, лишила способности к плодотворному умственному труду... Столько лет тюрьмы, в большинстве случаев в одиночном заключении, не могли пройти безнаказанно. Но когда я в своём сознании, в своей душе взвешиваю, что тюрьма у меня отняла, и что она мне дала, — то хотя я и не могу сказать, что объективно перевесило бы в глазах постороннего наблюдателя, но я не проклинаю ни своей судьбы, ни многих лет тюрьмы, так как знаю, что это нужно для того, чтобы разрушить другую огромную тюрьму, которая находится за стенами этого ужасного павильона. Это не праздное умствование, не холодный расчёт, а результат непреодолимого стремления к свободе, к полной жизни. Там теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь один в камере думаю о них: пусть живут,

лусть куют оружие и будут достойны того дела, за которое ведётся борьба. ≡

Сегодня мне сообщили, что моё дело будет слушаться через четыре недели — 15 (28) января 1909 года. Теперь уже каторги не миновать, и тогда придётся здесь сидеть 4—5 лет. Брр... Это мне не очень улыбается. Со вчерашнего дня я вновь сижу один. Моего товарища по его же просьбе перевели в другую камеру, во 2-й коридор, поближе к его сопроцессникам, от которых он желает узнать новые данные, относящиеся к его делу. Он всё время волновался. От волнения не был в состоянии ни читать, ни что-либо делать; всё метался по камере и ждал, прислушиваясь к малейшему шороху в коридоре. Каждый стук двери из канцелярии, когда кто-нибудь шёл от туда, возбуждал его, привлекал его внимание, а потом раздражал. Одни и те же мысли толпились в голове — мысли почти без всякого содержания, и отогнать их было немислимо.

Это бывает здесь почти со всеми. Иной раз даже необъяснимо, чем вызвано такое беспокойное ожидание чего-то, крайне неприятное, напоминающее ожидание поезда где-нибудь в деревне осенью, когда холодно, сыро и дождливо. Но здесь это состояние значительно тяжелее. Бегаешь из угла в угол, время от времени делаешь попытку прочитать что-нибудь, но ни одно слово не доходит до сознания, и бросаешь книгу и вновь начинаешь бегать по камере, прислушиваясь к хлопанию дверьми, и всё в глубине души надеешься, что вот-вот явятся к тебе и сообщат что-нибудь очень важное. Это бывает обыкновенно в дни свиданий, или когда человек ждёт книг, или когда должен притти заведующий, или ещё что-нибудь в этом роде. В таких случаях, хотя это ожидание тоже крайне тяжело и напряжение вовсе не отвечает

ожидаемым результатам, всё же есть определённая цель, что делает состояние менее тяжёлым. Ожидание же без всякого повода по временам становится ужасным.

С того времени, когда я в последний раз писал этот дневник, здесь было казнено пять человек. Вечером между 4 и 6 часами их перевели в камеру № 29, под нами, и ночью между 12 и 1 часом повезли на казнь.

Вот уже несколько дней из 2-го коридора доносится пение Марчевской. Теперь оно меня уже раздражает. Она сидит в двадцатом номере. Повидимому, её перевезли туда в связи с устраиваемыми ею скандалами.

Опять говорят о вновь разоблачённом провокаторе из ППС. Он сидит здесь уже давно. Арестован в феврале 1907 года. Это некто Ром, безусый мальчишка.

Заключённые возмущены Ватерлосом. Из-за его неосторожности арестован солдат Лобанов. Он переписывался с ним, не сжигал писем, и они были найдены в его камере во время обыска. Он сидит в камере № 50 один и опять в кандалах.

18 февраля 1909 года.

Зимний, солнечный, тихий день. На прогулке чудесно, камера залита солнечным светом. А в душе узника творится ужасное. Тихое, застывшее отчаяние. Осталось одно воспоминание о радостях жизни, и оно-то постоянно терзает человека, как упрёк совести. Недавно я разговорился с солдатом. На вид печальный, удручённый, он караулил нас. Я спросил его, что с ним. Он ответил, что дома хлеба нет, что казаки в его деревне засекали розгами нескольких мужчин и женщин, что там творятся ужасы. В другой раз он как-то сказал: «Мы здесь страдаем, а

дома сидят голодные». Вся Россия «сидит голодная», во всём государстве раздаётся свист розг. Стоны всей России проникают и сюда, за тюремные решётки, заглушая стоны тюрьмы. И эти оплётанные, избиваемые караулят нас, пряча глубоко в душе ужасную ненависть, и ведут на казнь тех, кто их же защищает. Каждый боится за себя и покорно тащит ярмо.

Подо мной уже несколько дней сидят два человека. Они ожидают казни. Не перестукиваются, сидят тихо. В прошлом месяце в числе других было казнено два человека по обвинению в убийстве помощника генерал-губернатора Маркграфского. Оба казнены без всякой вины. Один из карауливших нас жандармов арестован, а шесть жандармов переведены отсюда на другую службу. Солдат Лобанов приговорён к арестантским ротам на два с половиной года за то, что передавал по назначению письма заключённых. Почти все служители-солдаты как ненадёжные заменены новыми. На месте казни установлены постоянные, а не временные виселицы.

Обречённых ведут уже отсюда со связанными ремнём руками. Вешают одновременно до трёх приговорённых. Когда их больше, вешают троих, остальные тут же ожидают своей очереди и смотрят на казнь товарищей.

Уже больше 11 часов вечера. Под нами в камере, обыкновенно тихой, в камере смертников, слышны громкие разговоры; слов не слышно, к нам проникают лишь отрывочные звуки; за стенкой, на лестнице, необыкновенное движение, какое бывает в дни казней. Двери канцелярии скрипят, то и дело кто-нибудь заходит к приговорённым...

Их уже взяли. Под окном прошли солдаты... Повели на место казни двоих осуждённых.

4 марта.

25 февраля опять повесили пятерых из 16 осуждённых членов боевых дружин ППС. Одному из осуждённых сказали на следующий же день после суда, что ему не заменили смертного приговора. Суд происходил 22-го, 25-го должны были их казнить, но его не взяли вместе с другими, и только несколько дней спустя приехал к нему защитник и сообщил, что ему заменили смертную казнь 10 годами каторги.

Сидит здесь некто Г. Его приговорили к смертной казни, но заменили её 10 годами каторги. Он не хотел верить. Когда родители приехали к нему на свидание, он отказался выйти из камеры, думая, что его хотят перевести в камеру смертников. По просьбе родителей его силой привели к ним.

Сидят здесь пять умалишённых. Один из них, буйный, сидит давно в совершенно пустой камере. Окна выбиты, вместо стёкол — солома, по ночам он сидит без лампы. Крики отчаяния, бешенства, стон, удары в двери, в стену. Его заковали в наручни (ручные кандалы), он их разбил.

Два дня тому назад умер Аветисянц. Он сидел здесь с 1905 года, и до окончания его заключения оставался только один месяц.

8 марта.

Уже неделя, как я опять сижу один. До этого я в течение двух недель сидел с офицером Б. и неделю с офицером Калининим. Б. явился ко мне неожиданно, и я очень обрадовался этому. Он словно с неба упал: вечером с шумом открылась дверь, его как бы втокнули в мою камеру, и дверь с шумом захлопнулась. За несколько дней до суда офицеров вызвали в канцелярию, велели им показать, что у них в карманах, а в их камере, где они сидят все вместе, про-

извели обыск. Это было сделано по распоряжению генерала Утгофа, и специально для этой цели были присланы два ротмистра. Обыск был произведён весьма поверхностно. Взяли наугад несколько записок, после чего допросили офицеров и подвергли обследованию взятые при обыске записки. Повидимому, вся эта шумиха была подготовлена со специальной целью внушить судьям представление об этих офицерах как об опаснейших людях. После суда кто-то говорил, что этот обыск повлиял на приговор, несмотря на то, что ничего компрометирующего не было найдено. Это «дело» уже до суда было раздуто. Суд продолжался пять дней. Подсудимых было 36: 5 офицеров, 29 солдат и 2 ученика из Бялой. Один офицер, освобождённый под залог, на суд по болезни не явился. Все обвинялись в принадлежности к беспартийной военно-революционной организации и к Всероссийскому офицерскому союзу (§ 102, часть первая).

Председательствовал на суде Уверский, самый кровожадный из всех судей. О нём здесь рассказывают, что когда для него становится очевидным, что подсудимый может отвергнуться от виселицы, он сразу становится грубым, недоступным, настроение его становится бешеным, и наоборот, когда он видит, что это подсудимому не удастся, он потирает от удовольствия руки, вежливо разговаривает с адвокатом, его настроение становится розовым. Обвинял Абдулов. Следствие вёл Вонсяцкий — в настоящее время начальник радомского губернского жандармского управления — мерзавец, известный своей деятельностью в Варшаве и в Латвии. Обещаниями, подкрепляемыми честным словом, что он их освободит, угрозами, постоянными допросами он добился того, что почти все обвиняемые сознались, что ходили на

собрания, и засыпали офицера Калинина, солдата Панькова и других солдат. Он добился и того, что Калинин и Паньков тоже сознались и рассказали о себе то, о чём жандармы не знали и что весьма сильно повлияло на приговор. На офицеров он действовал уверениями, что солдаты сидят по их вине, и что если они сознаются, то он сможет освободить солдат. Самым важным свидетелем был Гогман — шпион, о котором я уже упоминал. Он показывал всё, что ему приказывал Вонсяцкий, утверждая при этом, что это было сказано ему подсудимым. На самом суде обнаружилось, к каким гнусным приёмам прибегал Вонсяцкий. Он сам составил подложное письмо, якобы написанное Калининым, и велел арестованному денщику Калинина отвезти это письмо в Люблин, какому-то адвокату, бывшему когда-то офицером, сказать, что это письмо Калинина и что он, его денщик, был тоже арестован, но его освободили, и он просит, чтобы адвокат принял на себя защиту Калинина. Адвокат вытолкнул за дверь денщика-шпиона. Дальше установлено, что Краковецкому подбросили нелегальную литературу военно-революционной организации социал-демократов. Она фигурировала во время следствия как найденная у него, между тем в протоколе произведённого у него обыска значилось, что «ничего подозрительного не найдено». Всё дело возникло по показаниям двух солдат (Степана Кафтынёва и Ивана Сержантова), использованных властью в качестве провокаторов. Их показания были продиктованы Вонсяцким. Сами они на суд не явились. В вызове свидетелей защиты было отказано. На суде всё время присутствовал Вонсяцкий, беседовавший с судьями во время перерывов.

Обвинение Краковецкого базировалось на показаниях Гогмана и поручика 14-го Олонецкого пехот-

ного полка Александра Бочарова и на подброшенной ему литературе. Бочаров на суде взял обратно свои показания. Это был трагический момент. Он заявил, что не Краковецкий, а он сам принадлежал (теперь он уже не принадлежит) к военно-революционной организации социал-демократов, что он под угрозой Вонсяцкого арестовать его и закатать на каторгу дал ложное показание и написал всё то, что ему велел Вонсяцкий. Уверский прервал его: «Ведь вы офицер!» Бочаров ничего не ответил и продолжал стоять с опущенной вниз головой. В зале суда было большое волнение. Вонсяцкий сорвался с места, пошептался с другими жандармами, выбежал из зала и поехал к коменданту. Несколько дней спустя Бочарову велено было подать в отставку. К Краковецкому же, хотя на суде не было никаких оснований для этого, применили высшую меру — 8 лет каторги. Вонсяцкий был убеждён, что это единственный из всех обвиняемых — подлинный революционер, конспиратор, не оставляющий никаких следов своей деятельности. Этим был вызван такой строгий приговор.

Калинин и Паньков сознались в приписываемых им действиях и указали на то, что сидящие на скамье подсудимых солдаты взяты наугад, что с таким же основанием можно было арестовать целые отделения, в которых они служили, доказывали, что солдаты не виновны, что среди них не было никакой организации.

Один из солдат, Корель — оратор божьей милостью, говорил плавно и содержательно в течение получаса о том, что вся его деятельность имела исключительно культурный характер. За это его приговорили к восьми годам каторги. Судьи не долюбивают солдат-ораторов.

Судей было трое: кроме генерала Уверского, двое обыкновенных кадровых полковника; они в течение всех пяти дней сидели, как болваны, и не проронили ни единого слова.

Краковецкого и солдата Кореля приговорили к восьми годам каторги, офицеров Калинина и З., солдат Панькова, Исаева и Сеницына к шести годам каждого, одного солдата-фельдшера к семи годам, 14 человек, в том числе 12 солдат, — на поселение, троим дали по одному году дисциплинарного батальона, одного офицера и девять солдат оправдали. Скалон смягчил приговор только Панькову и Сеницыну — им дали ссылку. Суд применил к офицерам и солдатам § 273—274 устава военного судопроизводства и увеличил наказание всем находящимся на действительной службе на два года. Оказалось, что к офицерам, уже вышедшим в отставку, суд не имел право применять этой статьи (согласно соответствующему сенатскому разъяснению), но адвокаты спохватились слишком поздно, уже после утверждения приговора Скалоном. Они обжаловали приговор в Петербург. Панькову приговор был смягчен ввиду того, что он находился под влиянием Калинина.

Всё дело было раздуть Вонсяцким со специальной целью добиться полковничьих погонов, и в этом он успел. Собрали людей из разных местностей Царства Польского (из Бялой, Кельц, Замброва). Люди эти не имели ничего общего друг с другом. Арестовали солдат, неизвестно почему именно этих, сгруппировали их вокруг неблагонадёжных офицеров и создали огромное дело военно-революционной организации офицеров и солдат, которая могла погубить самодержавие. Но вот появляется храбрый рыцарь Вонсяцкий и искореняет крамолу: какой же похвалы и награды он достоин!

Моего товарища Б. освободили и вывели прямо за ворота цитадели. Там уже два дня его ожидали невеста и тётка, добрейшая женщина, собиравшиеся ехать с ним вместе в Сибирь. Я был уверен, что его оправдают. Его обвинили не в укрывательстве, а в принадлежности к организации исключительно на основании писем его сестры к нему, из которых явствовало его возрастающее революционное настроение. Повидимому, его держали в тюрьме 14 месяцев исключительно для того, чтобы предоставить суду возможность вынести оправдательный приговор. «Наш военный суд беспристрастен, он не лакей охраны», — так когда-то говорил мне жандармский полковник Сушков. Несмотря на это, Б. возвращался после каждого судебного заседания или бодрый и полный надежды, или почти уверенный в том, что его засудят. В особенности после речи Абдулова он был уверен в последнем. Когда он вернулся уже после того как суд вынес ему оправдательный приговор, он до того устал, что незаметно было, что это его радует. «Поздравьте меня», — сказал он вяло. А после зародилось опасение, что его так же долго будут в административном порядке держать в тюрьме, как держат других. Дело Горбунова, например, — чиновника охраны — прекращено, а он продолжает сидеть более месяца. Трое рабочих, оправданных 4 августа, продолжают сидеть, и имеется предположение, что их сошлют в Якутскую область. Я успокаивал его, убеждал, что его освободят, что охранка ничего против него не имеет, советовал ему, чтобы он потребовал от заведующего немедленного освобождения. Заведующий не вправе держать его после того, как им получено соответствующее уведомление из суда, но он не пожелал его освободить до получения распоряжения от Утгофа. В воскресенье Утгоф не принял его, в поне-

дельник он вновь должен был быть у него в 2 часа, затем в 4 часа. Вахмистр, известный лжец-маниак, сообщил, что заведующий и сегодня не застал Утгофа. Вдруг неожиданно в половине шестого ему приказано было собрать вещи и идти. «В ратушу?» — «Нет, прямо за ворота». Это, как гром, обрушилось на него. Он не знал, что прежде всего хватать. Я почувствовал, как сжимается моё сердце. Что делать? Всё моё спокойствие куда-то запропастилось. Я помог ему собрать вещи, после чего наступил момент тишины. Я уже радовался за него, а теперь опустела моя камера... Проклятые стены... Почему не я? Когда же я? «Алёша, исполните мою просьбу, помните», — произнёс я холодно... Он страстно обнял меня на прощанье.

Я люблю его. Он такой молодой, чистый, и всё будущее перед ним открыто. Час спустя привели ко мне офицера Калинина. Он был со мной неделю...

Теперь я снова сижу один. Свиданий у меня нет уже три недели, писем — два месяца. Случилось ли что-нибудь? Что? Может быть, конфискуют письма и открытки, и я ничего не получаю. Создаёшь в воображении ужасные картины. Всё это могло случиться, и я ничего не знаю и ничего не могу знать. Четыре стены... Какой я чужой здесь, как противны эти стены! Неужели я не выйду отсюда сегодня целый день, и завтра, и послезавтра? Ужасно. Рядом со мной сосед, и хочется простучать ему, что я его люблю, что не будь его здесь, я не мог бы жить, что даже через стену можно быть искренним и отдавать всего себя и не стыдиться этого. А те так далеко. Что им написать? Опять о своей тоске? Я всегда с ними, они знают об этом, а их память обо мне — моё счастье.

23 апреля.

Весна. В камере светло, много солнца. Тепло. На прогулке ласкает мягкий воздух. На каштановых деревьях и на кустах сирени набухли почки и уже пробились зелёные, улыбающиеся солнцу листья. Травка во дворе потянулась к солнцу и радостно поглощает воздух и солнечные лучи, возвращающие её к жизни. Тихо... Весна не для нас. Мы в тюрьме. В камере двери постоянно закрыты; за ними и за окном вооружённые солдаты никогда не оставляют своих постов, и попрежнему каждые два часа слышно, как они сменяются, как стучат винтовки, слышны их слова при смене: «Под сдачу состоит пост номер первый», попрежнему двери открывают жандармы, и попрежнему они выводят нас на прогулку. Как и раньше, слышно бряцанье кандалов и хлопанье открываемых и закрываемых дверей. За окнами с самого утра проходят отряды солдат, раздаются их песни, по временам доносится вочинная музыка.

27 апреля.

Хочется отметить несколько фактов. Неделю тому назад в одном из коридоров, на печке в уборной, найден браунинг и несколько пуль. Приехал жандармский полковник Остафьев, созвал жандармов, угрожал им, упрекал, что они плохо наблюдают за нами, что поддерживают с нами сношения; грозил, что всех расстреляет, упеchёт на каторгу, закуёт в кандалы, за малейший пустяк будет отдавать под суд. Нескольким он надавал пощечин. Они не протестовали. Об этом они не хотят рассказывать нам. Им стыдно. Но они ещё больше сближаются с нами. По этому поводу мне написал один из товарищей: «В связи с этим я вспомнил одно событие, о котором мне рассказывал очевидец. Вы слышали, должно

быть, что в 1907 году в Фортах ужасно издевались над заключёнными. Всякий раз, когда попадался до мерзости гадкий караул, заключённые переживали настоящие пытки. В числе других издевательств был отказ в течение целых часов вести в уборную. Люди ужасно мучились. Один из заключённых не мог вытерпеть, и когда он захотел вынести испражнения, заметивший это офицер начал его ругать, приказывал ему съесть то, что он выносил, бил его по лицу. Тогда тоже все молчали, ограничившись тем, что не позволили ему выйти из камеры одному и вышли с ним вместе, чтобы не дать его бить. Когда я возмутился, очевидец в ответ спросил: «А что было делать? Если мы сказали бы хоть одно слово, нас бы всех убили, выдавая это за бунт». В 1907 году, когда я сидел в «Павиаке», солдат ударил одного заключённого, разговаривавшего с другим через окно. В это время по двору гуляли 40 человек. Один из них хотел было броситься на солдата, но другие оттащили его в сторону. Мы потребовали тогда замены этого солдата другим, тюремные власти тоже на этом настаивали, но караульный начальник не дал на это своего согласия и стал угрожать нам. Когда один из заключённых начал против этого протестовать, солдат замахнулся на него штыком, другие заключённые заслонили его от рассвирепевшего солдата, но все вынуждены были уйти с прогулки. Когда вскоре после этого солдат убил выглянувшего в окно Гельвига, вызванный нами прокурор Набаков издевался над нами, заявляя: «Вы ведёте себя возмутительно. Следовало бы вас всех расстрелять». Возможны ли при таких условиях какие-либо протесты? Каждый такой протест может вызвать только резню. Каждый чувствует в такой атмосфере только своё бессилие и переносит унижения или в

отчаянии бросается сломя голову, сознательно ища смерти.

Я сижу теперь с М., приговорённым к ссылке на поселение за принадлежность к социал-демократии. Он был арестован в декабре 1907 года в Сосновце. Он рассказал мне о следующем случае, очевидцем которого он являлся: в конце декабря приходят утром в тюрьму в Бендзине стражник с солдатом, вызывают в канцелярию одного из заключённых, некоего Страшак — прядильщика с фабрики Шена, внимательно осматривают его с ног до головы и, не говоря ни слова, уходят. После полудня является следователь, выстраивает в ряд шесть заключённых высокого роста, в том числе Страшака, приводят солдата, и следователь приказывает ему признать среди них предполагаемого участника покушения на шпика. Солдат указывает на Страшака. Этот Страшак — рабочий, ни в чём не был замешан, ни с какой партией не имел ничего общего. Солдат был тот самый, который приходил со стражником утром и предварительно подготовился к ответу. Заключённые подали жалобу прокурору. Тюремный стражник боялся, что ему попадёт, но всё же обещал заключённым подтвердить, что это тот самый солдат, который приходил утром. Впоследствии уже в Петрокове М. узнал, что Страшака повесили.

6 мая.

Прошёл день 1 мая. Празднования в этом году не было. А у нас ночью с 1-го на 2-е кого-то повесили. Была чудесная лунная ночь, я долго не мог уснуть. Мы не знали, что недавно был суд и что предстоит казнь. Вдруг в час ночи началось движение на лестнице, ведущей в канцелярию, какое обыкновенно бывает в ночь казни. Пришли жандармы,

кто-то из начальства, ксёндз; потом за окном прошёл отряд солдат, чётко отбивая шаг... Всё, как обыкновенно. Мой сокамерник спал, сосед — тоже. Я спросил жандарма, что это за движение. Он ответил, что это, должно быть, заведующий мечется по тюрьме. Я уже знал наверно, что предстоит казнь. Оказалось, что повесили рабочего-портного по имени Арнольд.

Так прошло у нас 1 мая. Это был день свиданий, и мы узнали, что в городе 1 мая не праздновали. Массам ещё хуже: та же, что и прежде серая, беспросветная жизнь, та же нужда, тот же труд, та же зависимость. Иначе быть не могло. Но такая мысль, такое сознание никого не может утешить, разве только тех, для кого вся борьба была лишь ареной случайных эффектных выступлений... Некоторые рекомендуют теперь приняться исключительно за легальную деятельность, то-есть на самом деле отречься от борьбы. Другие не могут перенести теперешнего положения и малодушно лишают себя жизни.

Но я отталкиваю мысль о самоубийстве, я хочу найти в себе силы пережить весь этот ад, благословлять то, что я разделяю страдания с другими; я хочу вернуться и бороться и всегда понимать тех, кто в этом году не откликнулся на наши призывы.

Сегодня я снова один. Моего товарища сегодня утром увезли в пересыльную для отправки на поселение. Он почти мальчик, исключён из училища за школьный бойкот; с 1906 года его арестовывали три раза. В последний раз он просидел 17 месяцев, два месяца ему пришлось уже после суда ожидать отправки на поселение. Павильон теперь переполнен. Вчера был суд над 13-ю из Домбровского бассейна, обвинёнными в принадлежности к ППС и в налётах. Три смертных приговора. Несколько дней тому назад

привезли из Петрокова 14 человек, обвиняемых в том, что они знали и не донесли о готовившемся убийстве фабриканта Зильберштейна в Лодзи (по этому делу Казнаковым¹ расстреляны без суда восемь человек). Военный суд в Лодзи приговорил совершенно невиновных людей к каторге от 8 до 15 лет; теперь это же дело будет рассматриваться вторично. Все закованы, сидят с сентября 1907 года.

10 мая.

Сегодня должны казнить двоих: Грабовского и Потосинского. Последний сидит под нами и ещё ничего не знает, говорил только, что ему сегодня утром предложили прислать священника для исповеди. Он ни о чём не догадывается и просил, чтобы пришёл защитник; он предполагает, что кассация отправлена в Петербург. Через час их возьмут. Час тому назад Ф. узнала, что ей заменили четыре года каторги восемью месяцами тюрьмы и что трём её сопроцессницам каторга заменена ссылкой на поселение. Она не знает, что сегодня будут вешать, и, обрадовавшись, смеялась и болтала в коридоре. Судили их в субботу, несколько дней тому назад, и приговорили всех четырёх к четырём годам каторги за принадлежность к «Левице ППС». Единственной виной Ф. было то, что она жила в одной квартире, хотя и в отдельной комнате, с женщиной, которая была сослана и бежала из Сибири. У последней найдена нелегальная литература. Сегодня был суд не то над восемью, не то над девятью из Люблина; все, кроме одной женщины, приговорены к смертной казни.

¹ Лодзинским военным губернатором, известным своей жестокостью.

2 июня.

Среди наших жандармов вот уже несколько дней паника. Прошёл слух, что на воле перехвачено письмо отсюда, в котором кто-то говорит о симпатиях, проявляемых к нам жандармами. Один из жандармов арестован; сюда прислан шпик из охранки в мундире жандармского вахмистра. Он следит специально за жандармами и ищет «виновных». Всем грозят судом за всякую мелочь; за продление прогулки заключённому угрожают арестом. Вахмистр-шпик всё время шляется по X павильону, подслушивает, подсматривает с целью поймать на месте преступления жандарма в момент его разговора с заключёнными. Уже несколько недель тому назад отняли у них табуретки, чтобы внимательнее наблюдали за нами. Они страшно устали. Им приходится стоять по 4 часа, а часто и по 12 часов в сутки.

С Ватерлосом опять какая-то история. Несколько дней тому назад он в окно показывал руки в наручных. А две недели тому назад заведующий подглядывал в его камеру через «глазок» и заметил, что он спрятал за рукав письмо. Он позвал вахмистра и дежурного и приказал взять письмо. Ватерлос вырвался из их рук, прыгнул на кровать и проглотил письмо; вахмистр и дежурный бросились за ним на кровать, сжали ему горло, но письма им не удалось добыть. Теперь он сидит в этой же камере, но изолирован от других заключённых, за ним установили строжайший надзор, по слухам, по распоряжению Утгофа, якобы ввиду того, что он строил планы побега. Лясковский заболел, он в течение всей недели ничего не брал в рот из опасения, чтобы его не отравили. Его перевели в больницу. Я опять сижу с другим. Теперь я уже не могу сидеть один, необходимо рассеивать неотвязные думы. Необходимо механически искать забвения

и отгонять мысли, необходимо принуждать себя следить за течением не своих мыслей и добиваться того, чтобы самому включиться в них. И вот мой сокамерник рассказывает мне о своих охотничьих приключениях в Сибири, мы совместно строим планы, как будем бродяжничать пешком с граммофоном по деревням, лесам и горам Галиции¹. Мы всё возвращаемся к этому проекту, всякий раз прибавляя новые подробности, новые комбинации.

6 июня.

Весна уже минула. Жара. В камере душно. До сих пор у нас не сняли с окон зимних рам и после долгих ходатайств обещают их снять только на этой неделе. Окна заколочены гвоздями. Форточки закрыты густой сеткой, чтобы даже спички нельзя было выбросить за окно. В камере нехватает воздуха. В течение нескольких дней прогулка продолжалась 20 минут, через несколько дней опять снизят прогулку до 15 минут, так как привезут много новых. Недавно увезли отсюда в Ломжу многих кандалщиков и всех приговорённых к ссылке на поселение. Двух женщин перевели в «Сербию». Из старых жандармов остались очень немногие. Их заменили новыми; на вид они трусы и черносотенцы. Они то и дело стучат крышками «глазков», подглядывая, что делается в камере. Жалобу Ватерлоса на то, что его избили, прокурор оставил «без последствий».

20 июня.

Наши жандармы совершенно терроризированы. Вахмистр всё время следит за ними и наблюдает,

¹ В Галиции, находившейся за пределами царской монархии и входившей в состав Австро-Венгрии, политические эмигранты пользовались правом убежища.

а вне службы он мучает их «учением» и упражнениями, так что у них нет теперь минуты свободной. Они боятся разговаривать с нами ввиду того, что заведующий обещал солдатам, стоящим в коридоре на карауле, значительную награду, если они, заметив жандарма, разговаривающего с заключённым, донесут об этом. Арестованного жандарма продолжают держать в заключении. По слухам, охранка напала на след подготовляемого кем-то побега. Как среди жандармов, так и среди заключённых циркулируют различные предположения о возможных предателях среди самих заключённых.

Оказывается, что Рогов, казнённый две недели тому назад вместе с Пекарским, предан смерти без всякой вины с его стороны. Он приехал в Радом спустя несколько дней после убийства жандарма Михайлова, за участие в котором он был осуждён. Пекарский («Рыдз») заявил, что по этому делу уже осуждено много совершенно невиновных (Шенко и др.), что возможно засудят и Рогова, но что в этом убийстве виноват только он один. А Рогова приговорили. Председательствовал на суде известный мерзавец Козелкин. Скалон утвердил приговор. Вследствие просьбы, поданной родственниками и защитником властям в Петербурге, вновь обсуждалось утверждение приговора. При этом Козелкин заявил, что у суда не было ни малейшего сомнения относительно вины Рогова, в действительности же, как об этом рассказали защитникам судьи-полковники, они сами просили Козелкина предложить Скалону смягчить приговор, так как они не уверены в виновности Рогова.

Мы сидим теперь в камере № 11. В ней больше воздуха, из окна видна Висла, а вдали за крепостным валом — лес и небольшие холмы. Надо влезть на окно, чтобы это увидеть. Мы часто так влезаем, цеп-

ляемся за решётку и смотрим до тех пор, пока руки не затекут. Сняли у нас, наконец, зимние оконные рамы. Несмотря на обещание заведующего, приходилось в течение нескольких дней напоминать об этом. «Хорошо», — отвечали дежурные, уходили и запирали двери. И опять приходилось звать, и опять: «Хорошо, скажу заведующему».

25 июня.

Я получил следующее письмо от заключённого в Островце: «В мае 1908 года в Островец на должность начальника охраны Островецкого округа назначен капитан Александров, начальник земской стражи Груецкого уезда, известный инквизитор. Он начал свою деятельность очень ретиво и чуть ли не систематически каждые несколько дней арестовывал по нескольку человек. Это продолжалось до половины января этого года. В это время он из числа арестованных и месяцами содержащихся в тюрьме выловил провокатора Викентия Котвицу (агитатора ППС). Этот провокатор указал на Станишевского и Бронислава Люцинского как на членов местного комитета ППС. Их арестовали и подвергли пытке. Александров живёт на окраине города, и там же находится его канцелярия, а тюрьма, в которой содержат заключённых, находится в другом конце города. Когда стражники пришли в тюрьму за Станишевским, вызванным Александровым для допроса, они скрутили ему верёвками руки назад. Один стражник держал конец верёвки, другие окружали арестованного со всех сторон и всю дорогу с одного конца города до другого вели Станишевского на верёвке, торопя его и подгоняя прикладами, кнутами и кулаками. Когда, наконец, он предстал перед Александровым, последний уговаривал его сознаться, что он

член комитета, так как такое сознание повлияет на смягчение наказания. Когда же в ответ на это предложение Станишевский ответил молчанием, Александров приказал своей опричнине дать ему 25 ударов кнутом, предупредив, что, если он после 25 ударов не сознается, он прикажет довести число ударов до 250. Опричники набросились на Станишевского, намереваясь сорвать с него одежду. Станишевский не допустил этого, сам разделся и лёг на полу. Два стражника хотели сесть на ноги, другой на голову своей жертвы, но Станишевский крикнул: «Если я пошевельнусь хоть один раз, можете нанести мне не 25, а 100 ударов...». Нагайка была пущена в ход... После пятого или шестого удара Александров приказал приостановить битьё. Когда истязуемый оделся, ему было вновь предложено сознаться, в ответ на его молчание стражникам было приказано «поиграть с ним в жмурки». «Игра» эта состоит в следующем: стражники становятся в круг, в середину вталкивают истязуемого и кулаками бросают его от одного к другому. Когда и это испытание не привело к цели, Александров устроил ему очную ставку со свидетелем Котвицей. Последний заявил: «Чего вы отпираетесь, я же голосовал за вас».

После того как арестовали Люцинского, Александров пытал его таким же образом. Люцинский признал, что он был членом местного комитета. Увидев, что Люцинский представляет более благодарный материал, Александров применил другую тактику. Он выразил сострадание Люцинскому, говоря, что он страдает без всякой вины, что ему жаль его, так как он ещё молод, имеет жену, но он, Александров, укажет ему путь к спасению: желая избавиться от наказания за несовершенное преступление, он должен выдать тех людей, которые вовлекли его в партию.

Если он это сделает, его простят, и он будет освобождён. Люцинский полностью пошёл на это и начал предавать. При помощи его и Котвицы выловили всех, не успевших скрыться. Многих вернули из ссылки и даже с военной службы и арестовали за давние грехи. Кроме издевательств над Станишевским и Люцинским, было следующее: привезли вместе с нами в X павильон молодого парня Шесняк (за ним 11 дел, ему могут вынести смертный приговор). Его выдал Котвица, Шесняк не пожелал сознаться в приписываемых ему преступлениях. Так как жена Александрова не могла вынести крика истязуемого, его в 10—11 часов вечера отвели за город в поле, там раздели и избили до потери сознания. После этого его в бессознательном состоянии оттащили в карцер и бросили на пол. На следующий день его опять привели к Александрову. Он продолжал отрицаться, вечером истязание повторилось. Так поступали с очень многими. Член местного комитета А., подвергнутый такому истязанию, пытался разбить голову о стену, но только поранил себя. Его избили за это и надели на руки кандалы, в которых он просидел целых три недели.

Вчера вечером повешен Вильчинский. Он вместе с другими сидел напротив нас. Молодой, красивый парень. Мы его видели в дверную щель. Он вошёл спокойный, спросил, взять ли вещи, и не попрощавшись с товарищем, в 9 часов вечера перешёл в камеру смертников, а около часу ночи мы услышали шаги проходивших солдат.

26 июня.

В 1-м коридоре сидит некто Ш. Он был арестован пять месяцев тому назад в Гамбурге в связи с найденными у него анархистскими брошюрами. Там не

пожелали предать его суду и переслали в Берлин для отправки на границу России: Его ходатайство о высылке в Австрию было оставлено без последствий. Он был отправлен в Россию как русский подданный (он уроженец Влюцлавка). Несмотря на то, что он не хотел брать с собою ни брошюр, ни двух браунингов, всё это при отправке уложили вместе с ним. На таможне в Вержболове немецкий полицейский агент сообщил о браунингах русским властям. Он сидит здесь, хотя никакого дела за ним нет. Его держат, по слухам, потому, что два жандарма спорят друг с другом: один требует, чтобы его выслали обратно за границу, другой предлагает отправить его в глубь России. Кац, которого год тому назад выслали из Германии, сидит здесь до сих пор. Никакого дела за ним нет, его думают сослать в административном порядке. Под нами сидит некий Брозых, рабочий из предместья Воля¹, арестованный 30 октября в Вене, тоже выданный России. В 4-м коридоре сидит пристав второго участка города Лодзи, обвиняемый в принадлежности к ППС, в том, что освобождал политических и что, будучи там помощником пристава, участвовал в убийстве стражника в Островце.

Сегодня пришёл к моему сокамернику судебный следователь. Следствие по его делу (обвинение в убийстве шпиона Козеры) окончено. Повидимому, только он один будет судиться по этому делу, в отношении же других дело будет прекращено. Шпики утверждают, что видели его за несколько минут до убийства вместе с убитым. Они бессовестно лгут, но он не в состоянии установить своего «алиби» в момент убийства, власти же хвастают, что нет ни убийства, ни нападения, которого бы они не раскрыли. Так именно написал в своём рапорте радомский гу-

¹ Одно из предместий Варшавы.

бернатор. Поэтому кто-нибудь должен быть осуждён и виновными должны быть те, кто попался в их руки.

Жандармы продолжают бояться нас; они не только не разговаривают, но им стыдно смотреть нам в глаза, часто они напускают на себя грозный вид.

1 июля.

В дополнение к ранее сообщённым сведениям мой сосед написал мне фамилии стражников Александра: Пригодич (вахмистр), Аксёнов, Лукашук, Якимчук и Фрейман (писарь в канцелярии). Штатские агенты охраны, получающие 30 рублей в месяц жалованья и почти 10 рублей постоянных доходов: Викентий Котвица и Болеслав Люцинский. Котвица, арестованный 16 августа 1908 года, обвинявшийся в принадлежности к ППС в качестве агитатора, был якобы освобождён на поруки 30 апреля и в этот же день поступил в охранку. Люцинский, арестованный 30 января 1909 года, обвинялся в принадлежности к ППС в качестве члена местного Островецкого комитета, освобождён 1 мая и в тот же день поступил в охранку. Что касается жертв, то вот несколько данных: Станислав Романовский, арестованный весной 1908 года; он был связан верёвкой и отведён в охранку; вечером в 9—10 часов его за городом в поле подвергли побоям, настойчиво требуя, чтобы он сознался в приписываемых ему деяниях. Когда избивание не дало результатов, его привязали к дереву и, отходя на десять-двадцать шагов, целились в него из браунинга, пугая, что, если он не сознается, его тут же расстреляют. Но и этим они ничего не добились, и Романовского отправили в Сандомирскую тюрьму, где он находится и теперь.

Орловского, арестованного в конце ноября 1908 года, тоже отводили за город и подвергали

избиениям за отказ признать себя виновным в приписываемых ему деяниях. На следующий день его вызвали на допрос, но и на этот раз охранка не добилась желанных результатов. После этого вечером было повторено то же, что и накануне, и Орловского довели до такого состояния, что он уже не мог двигаться. Стражники принесли его на руках в тюрьму и бросили в камеру. После этих побоев Орловский пригласил островецкого городского врача. Я не знаю, что сказал врач и был ли составлен протокол. Несколько дней спустя арестное помещение посетил прокурор радомского окружного суда, к которому Орловский обратился с жалобой. Прокурор не дал никакого ответа, ограничившись лишь тем, что осмотрел Орловского. Но он, повидимому, повлиял на Александра, так как с этого времени допрашиваемых перестали водить за город. Орловский теперь сидит в Сандомирской тюрьме.

Пайонк, арестованный осенью 1908 года, обвинялся в убийстве эконома Хохульского в имении Нетулиско. Обстоятельства этого дела следующие. Мать Пайонка, батрачка, зашла за ботвой на свекловичные гряды этого имения. Там Хохульский избил её. Она крикнула ему: «Подожди, приедет мой сын из Америки, он тебе этого не простит». Некоторое время спустя Пайонк приехал из Америки навестить мать, а через два-три дня после его приезда Хохульский был убит. Пайонка арестовали. Несколько раз его по вечерам водили за город, в поле; там стражники избивали его, а для того чтобы крики не были слышны, бросали его лицом в песок. После всего этого Пайонк был Александровым освобождён.

Адамского, арестованного 9 марта 1909 года, связанного вели на верёвке вечером в Ченстолицы, где он жил и работал на сахарном заводе. Всю дорогу

его стегали кнутом, избивали кулаками и требовали, чтобы он указал, где находится склад оружия. Он этого не сделал и не мог сделать, не зная ничего о складе. В настоящее время он сидит в Сандомире.

Станішевский сидит рядом с нами, его привезли три недели тому назад. Несмотря на наши уговоры, он отказывается подать жалобу. За эти несколько месяцев заключения он поседел и полысел. Несколько дней тому назад у него были судебный следователь из Островца Ржепинский вместе с товарищем радомского прокурора и мучили его допросом с 12 утра до 9¹/₂ часов вечера.

11 июля.

Снова доходят до нас сведения о смертных приговорах. По всей вероятности, сегодня вечером по влоцлавскому делу, слушавшемуся в течение 10 дней, будет опять вынесено более 10 смертных приговоров. Из 11 приговоров по люблинскому делу утверждено пять. Две недели тому назад вместе с Вильчинским повесили Сливинского. Конца-края не видно смертным казням. Мы уже привыкли к такого рода сведениям. И продолжаем жить... Мысль уже не в состоянии охватить всего ужаса; чувствуется только какое-то беспокойство, какая-то тень ложится на душу, и безразличие ко всему овладевает человеком всё глубже и глубже. Живёшь потому, что физические силы ещё не иссякли. И чувствуешь отвращение к себе за такую жизнь...

Во время казни ведётся теперь подробный протокол, как вёл себя обречённый, записываются его слова, отмечаются стоны и предсмертное хрипение. Делается это с «научной» целью.

16 июля.

Привлечённых по люблинскому делу судили и казнили не здесь, а в Люблине. По влоцлавскому делу — шесть виселиц. Скалон уехал. Утгоф заменил всем виселицу каторгой. Рогов оставил следующее письмо: «Дорогие товарищи! Осталось всего несколько часов ожидания смерти среди дум и воспоминаний о прошлом, ещё столь недалёком для меня, так как ещё вчера была у меня надежда на возвращение к вам, на вступление снова в ваши ряды. Теперь я хочу эти последние минуты тоже отдать вам — вам и делу, которому я посвятил всю свою жизнь. Я боролся так, как умел, распространяя живое слово, и работал, как только мог. Товарищи! Я осуждён за дела, чуждые мне¹, за дела, противником которых я был, в которых я не принимал ни малейшего участия, но какое до этого дело правительству палачей и вешателей? Случилось то, что уже повторялось не раз, то, что встречается на каждом шагу в государственной жизни современной России. Преступление, преступление и преступление. А жертвой этих преступлений является пролетариат и самые сознательные его сыны. Настоящий момент — момент застоя в нашем движении, и в этот момент я хочу сказать вам несколько слов со своей теперешней трибуны — из камеры смертников за работу, товарищи! Пора! Давно пора! Пусть совершаемые теперь преступления побудят вас усилить борьбу, которая не может прекратиться.

Товарищи! Все вы, отдыхающие после продолжительного и тяжёлого труда, за границей и на родине, неужели вы и теперь будете оставаться пассивными? Нет! С этой верой я сойду в братскую могилу у кре-

¹ За террористический акт.

постного вала. С горячей верой в наше будущее, с верой в нашу победу, с возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» Прощайте все, все!»

Только это он и оставил! Убили невинного. Фактически Козелкин совершил обычное для него убийство. Дважды опрошенный Скалоном, он всякий раз отвечал, что у суда не было ни малейшего сомнения относительно виновности Рогова.

В павильоне теперь настроение тихое, грустное и мёртвое. Не слышно, как это раньше бывало, песен; нет прежней оживлённой переписки: мы не знаем даже, кто сидит в этом же коридоре. И люди другие. Многих увезли, есть новые, а старые успокоились, присмирели. Не колют в двери. Заключённая Г. в нашем коридоре почти не выходит на прогулку. Жандармы всё ещё запуганы. Они уже теперь совершенно не разговаривают с нами, боятся даже взглянуть на нас дружелюбно, чтобы мы не заговорили с ними, ищут писем; лучшие из них, когда находят, сами их уничтожают; худшие, более трусливые, передают в канцелярию. Они и нас боятся, так как знают, что здесь сидят и шпионы; боятся также, что мы упомянем о них в письмах и что письмо может быть перехвачено. Один из них, который раньше сам заговаривал и просил с ним поговорить, вёл меня однажды с прогулки в канцелярию. Я попрощался с товарищами по прогулке и пошёл, размахивая шляпой. Он вознегодовал на меня за это, а когда я ему что-то ответил, он пригрозил, что прикажет солдату ударить меня прикладом. Возмущённый этим, встретив заведующего, я, находясь под первым впечатлением происшедшего, пожаловался... Он словно одурел и, оправдываясь перед заведующим, всё твердил: «Нельзя раскланиваться, нельзя раскланиваться».

О нём и раньше говорили другие жандармы, что он не злой, но глупый. Жандармов за всякий пустяк наказывают карцером или заставляют по два часа, вытянувшись, стоять с обнажённой шашкой в руке. Я однажды видел, как стояли рядом два жандарма, вытянувшись в струнку, на полшага от стены и под угрозой большого наказания не смели ни опереться, ни отдохнуть и лишь переступали с ноги на ногу. В глазах одного я заметил блеск ненависти, в глазах другого — мертвящий животный страх. Да... Тихо у нас и грустно. Только в окно откуда-то с той стороны крепостного вала долетают до нас звуки отдельных выстрелов и залпов... Это солдаты упражняются в стрельбе из винтовок и орудий. И лишь накануне праздников и в праздники слышна военная музыка. Только на прогулке мы немного оживляемся. Мы с Варденем уже третий месяц сидим вдвоём. Нам обоим не плохо вместе. И тем не менее по временам что-то мутит и толкает сказать друг другу колкость, сделать что-нибудь назло, хотя мы и сжились друг с другом. По временам какое-нибудь слово, какая-нибудь шутка или хождение по камере, а то и само присутствие другого ужасно нервирует, и тогда какое-нибудь злое слово вдруг всплывает и готово сорваться. У нас ещё хватает сил удержать его, не позволить ему появиться на свет, и мы подавляем его в зародыше. Быть может, помогает нам то, что мы не навязываемся друг другу, что каждый из нас может жить самим собою и не наблюдать за другим и что мы часто не чувствуем присутствия друг друга. Тяжело то, что в данное время судьба наша не одинакова — моя более лёгкая, есть надежда скорого освобождения, а у Варденя в перспективе каторга и продолжительное заключение, и он не может примириться с этим. Он при этом одинок. Извне он ничего

не получает. А это тяжело. Товарищи, помните о заключённых! Каждое проявление внимания — это луч солнца и надежда на воскресение из мёртвых.

17 июля.

Оказывается, что Марчевская не принимала никакого участия в покушении на Скалона. Когда она сидела с Овчарек, она узнала подробности этого покушения и ложно созналась в участии в нём, желая, чтобы её считали крупной революционеркой; она не опасалась попасть за это на виселицу, так как за ней числилось много бандитских дел, по которым ей нельзя было избавиться от верёвки. Мы узнали об этом из бесспорно достоверного источника. Она прекрасно играла свою роль, и это ей полностью удалось. Бесспорной правдой оказалось и то, что она провалила увозивших её членов организации в Прушкове. Здесь она заключённую Г., с которой некоторое время сидела вместе, выдала по какому-то делу на воле, по статье 279-й за налёты и «эксы»¹, а также и за агитацию, которую вела здесь среди жандармов. Она выдала также жандарма, якобы оказывавшего услуги заключённым.

20 июля.

Прощальное письмо Пекарского («Рыдза»), казнённого 4 июля: «Тяжело расставаться с жизнью, когда чувствуешь, что есть ещё силы, чтобы служить делу, но если я на лотерее жизни уже вынул такой билет, — я согласен, ведь столько людей погибло ради нашего дела в этой борьбе. Никаких претензий ни за что и ни к кому я не имею. Пойду с верой, что когда-нибудь в нашей стране станет светлее, и тогда

¹ Экспроприации.

дух мой будет витать в обрадованных сердцах наших братьев. Прощайте все. Искренно желаю вам успеха в борьбе, победы... Будьте счастливы».

23 июля.

Один из заключённых — рабочий, сидящий здесь около года, пишет мне, между прочим: «Сознаюсь вам, что после работы и после пережитого на свободе мне кажется, что только здесь я дышу полной грудью, и я чувствую себя счастливым, что у меня есть возможность собраться с мыслями и углубить необходимые знания, которые я черпаю здесь из книг. Меня это так занимает, что день кажется коротким, и, если бы не забота о семье, я бы с большим удовольствием просидел ещё долго. Желая возместить то, чем нельзя было воспользоваться на воле, мы ложимся ежедневно очень поздно, когда уже начинает рассветать, а встаём в 7—8 часов утра. И то день кажется нам слишком коротким для беседы и раздумья о прошлом».

25 июля.

В двух камерах, насколько мне известно, открыли окна. В других камерах, которые выходят во двор, где происходит прогулка, все окна закрыты, об окнах в камерах на других коридорах я не знаю, но сомневаюсь, чтобы они были открыты. Два месяца тому назад я просил заведующего открыть окно. Он сказал, что в таком случае пришлось бы открыть окна у всех. Я ответил, что это правильно и что почти все согласны дать обещание не «злоупотреблять». Он сказал, что не может этого сделать. А, между тем, он понимает, какое значение имеют открытые окна. Он сам говорил, что Аветисянц был силачом, когда его привели сюда, и делал гимнастику с тяжёлыми

гирами, которые другие поднимали с большим трудом.

Четыре дня тому назад зашёл к нам дежурный и спросил, согласны ли мы сидеть втроём с товарищем, вышедшим из больницы и желающим сидеть вместе с Варденем. Мы согласились и просили его узнать у заведующего, не разрешит ли он открыть у нас окно. Но этого товарища к нам не привели, а посадили в одной камере с умалишённым, а окна у нас продолжают оставаться заколоченными. Вчера мы узнали, что дело М., а как говорят, и Варденя, по обвинению в убийстве¹ прекращено. Вардень относится к этому с недоверием, беспокоится и обращается письменно к заведующему: «Не откажите уведомить меня» и т. п. Прошло два дня, в ответ — ни единого слова. А ведь заведующий не плохой человек, любит поговорить и побалагурить с заключёнными и не плохо обращается с ними; допускает и некоторые льготы. Но многим уже боком выходит его доброта.

Вот уже неделя, как Варденя перевели на ухудшенное питание на том основании, что он обвиняется в убийстве. (То, что он обвиняется и по § 102², — это не в счёт.) Еды так мало, что человек всегда голоден, если у него нет денег. Кормят немного лучше, чем, например, в «Павиаке», но дают значительно меньше. Для тех, у которых мало денег или их вовсе нет, это прямо ужасно. Ничем нельзя отогнать мысли о голоде. Заключённые по большей части целыми днями лежат сонные, раздражённые, склонные к ссорам... Мучаются ужасно. А наши вахмистры греют на этом руки. Прежний вахмистр, неплохой

¹ В убийстве провокатора.

² То есть за принадлежность к партии.

человек, не раз проявлявший заботливость о заключённых, всё же, по слухам, за шесть лет службы успел скопить около 10 тысяч рублей. Теперешний вахмистр спекулировал на угле... Топил раз в два дня, а то и реже. Теперь спекулирует на молоке. Курьёзная история произошла с одним заключённым. Он покупал молоко на свои деньги. Оно оказалось разбавленным водой. Он вызвал интенданта... Интендант сказал, что молоко от коровы, принадлежащей вахмистру. Пришёл вахмистр, обещал доставлять лучшее молоко, если об этом инциденте никому из нас не станет известно. Интендант — старичок, уже давно на этом посту. Говорят о нём, что он хороший и отзывчивый человек, но это не мешает ему наживаться на нашем питании и хватать, где только можно. Офицер К. высчитал, что на каждом из получающих улучшенную пищу он зарабатывает до 11 копеек. К. как бывшему хозяину в своей батарее цены известны.

8 августа.

Три месяца тому назад (8 мая) Судебной палатой мне вынесен приговор в окончательной форме. 9 июня приговор отправлен к царю на утверждение, и только на днях он прислан обратно из Петербурга. Возможно, что меня вышлют только через месяц. Во всяком случае я уже скоро распрощаюсь с X павильоном. 16 месяцев я провёл здесь, и теперь мне кажется странным, что я должен уехать отсюда, или, вернее, что меня увезут отсюда — из этого ужасного и печального дома. Сибирь, куда меня сошлют, представляется мне страной свободы, сказочным сном, желанной мечтой.

Наряду с этим во мне рождается тревога. Я уйду, а эта ужасная жизнь здесь будет продолжаться по-

прежнему. Странно это и непонятно. Не ужасы этого мрачного дома приковывают к нему, а чувство по отношению к товарищам, друзьям, незнакомым соседям — чужим и всё же близким. Здесь мы почувствовали и осознали, как необходим человек человеку, чем является человек для человека. Думается мне, что отношения между людьми сложны, что чувство, вопреки тому, что оно является врождённой потребностью человека, стало привилегией только избранных. И если мы здесь тоскуем по цветам, то здесь же мы научились любить людей, как любим цветы. Именно здесь, где нет отчаянной борьбы за кусок хлеба, всплывает на поверхность то, что там по необходимости было скрыто в глубине человеческой души. И поэтому мы любим это место нашей казни, ибо здесь мы уяснили себе, что борьба, которая нас сюда привела, является также борьбой и за наше личное счастье, за освобождение от навязанного нам насилия, от тяготеющих над нами цепей!

1917 год

РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ¹

26 октября 1917 г.

Польский пролетариат всегда был в рядах вместе с русским. Декрет ² с энтузиазмом принимает социал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнёт.

Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, — те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдёте, но вы найдёте этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с такими союзниками мы достигнем мира.

Мы не выставляем отделения себя от революционной России. С ней мы всегда сталкиваемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров.

¹ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», Госиздат, 1928, стр. 17 и 65.

² Дзержинский выступает от польской социал-демократической рабочей партии.

³ Декрет-декларация о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.

**ПРЕДПИСАНИЕ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
МОРСКОМУ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ
КОМИТЕТУ¹ № 1348**

28 октября 1917 г.

Военно-революционным комитетом предписывается революционному Морскому комитету: членов бывшего Центрофлота, не желающих помогать в работе укрепления и спасения русской революции, отправить немедленно в Кронштадт до выяснения политического положения страны.

Председатель *Дзержинский*,

«Документы Великой пролетарской революции», т. I, стр. 74.

**ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
ДЗЕРЖИНСКОГО ДЕЛЕГАЦИИ ЛУЖСКОГО
СОВЕТА
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ**

31 октября 1917 г.

Платформа Военно-революционного комитета в нескольких словах может быть охарактеризована как давнее требование большинства революционной демократии: «вся власть советам как в центре, так и на местах».

Всероссийский съезд советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] был законным, ибо и после ухода оборонцев законный кворум имелся налицо.

Избранный этим Всероссийским съездом Центральный исполнительный комитет является, таким образом,

¹ Морской военно-революционный комитет организовался 26 октября из матросов — делегатов II Всероссийского съезда Советов. Он взял на себя временно функции по управлению флотом. — *Ред.*

законно избранным исполнительным органом съезда советов. Этот ЦИК сам настаивает на своём пополнении по норме представительства — 1 член ЦИК на 150 тыс[яч] избирателей. Кроме того, в этот ЦИК должны войти представители Викжеля и Всероссийского совета профессиональных союзов.

Перед этим именно органом должно быть ответственно революционное правительство, которое им же должно быть создано.

В настоящее время об этом ведутся переговоры, и они уже почти привели к соглашению, но оборонческие партии не соглашаются вступать в министерство, в которое будут входить и большевики.

Что касается фактов расправы с юнкерами и т. п., то это ложь и клевета, в чём Военно-революционный комитет ручается. Ярким доказательством является то обстоятельство, что в Петрограде переворот произошёл почти бескровно и гражданская война началась только с того момента, когда Керенский повёл обманутые им войска на Петроград. Более же подробно с нашей платформой можно ознакомиться по официальному органу «Известия Центрального исполнительного комитета Петроградского совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]» и тем воззваниям и декретам, которые изданы за подписью Всероссийского съезда Советов с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов], Военно-революционного комитета, Временного рабочего и крестьянского правительства и его газет.

31 октября 1917 г.

По желанию делегата из Луги дана эта резолюция — устное объяснение тов[арища] председателя Дзержинского.

В. Аванесов.

**ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
№ 2986 О РОЗЫСКЕ ПОХИЩЕННЫХ
ИЗ ЗИМНЕГО ДВОРЦА ЦЕННОСТЕЙ**

8 ноября 1917 г.

Военно-революционный комитет уполномачивает правительственного комиссара Зимнего дворца *В. В. Игнатова* или коменданта того же дворца прапорщика Преображенского полка *Ляпина* производить розыски похищенных из Зимнего дворца ценностей в ломбардах, на рынках, у антиквариев, а также в помещениях частных лиц, с правом отбирать эти вещи в присутствии представителей художественно-исторической комиссии Зимнего дворца, доводя об этом каждый раз до сведения Военно-революционного комитета.

Всем районным и подрайонным комиссариатам Петрограда предписывается оказывать означенным выше лицам полное содействие.

Председатель *Дзержинский*.

«Документы Великой пролетарской революции», т. I, стр. 207.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО
КОМИТЕТА № 4188**

19 ноября 1917 г.

Обсудив вопрос о реорганизации милиции в Петрограде, Военно-революционный комитет постановляет:

1. Предложить всем районным советам назначить комиссаров во все комиссариаты, где таковых не имеется.
2. Отстранить от должности всех милиционеров, не подчиняющихся советской власти.

3. Организовать при Петроградском совете раб[очих] и сол[датских] депутатов комиссии по реорганизации охраны города из представителей районных советов, центральной комендатуры рабочей Красной гвардии с временным участием трёх избранных от союза милиционеров товарищей.

Председатель *Ф. Дзержинский*.

«Документы Великой пролетарской революции», т. I, стр. 275.

**ОТНОШЕНИЕ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
ВО ВСЕ ПОЛКОВЫЕ И РОТНЫЕ КОМИТЕТЫ
ГАРНИЗОНА ПЕТРОГРАДА
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ № 4127**

19 ноября 1917 г.

Уважаемые товарищи!

В целях борьбы со спекуляцией тканями и снабжения ими деревни наш товарищ председатель центрального бюро по распределению тканей Мануильский провёл обязательное постановление об учёте всей ткани в Петрограде и об установлении на них твёрдых цен.

Между тем воинские части с разрешениями полковых и ротных комитетов осаждают фабрику «Паля» и бюро распределения тканей либо для частной продажи, либо для посылки в деревню. Удовлетворение такого рода ходатайств совершенно уничтожает всякий учёт и низводит на-нет какую бы то ни было планомерность в распределении тканей. Ввиду вышеупомянутого мы просим вас воздействовать на ваши части и объяснить товарищам солдатам, что удовлетворение ходатайств воинских частей невоз-

можно, равно как и прекратить выдачу удостоверений. Впредь всякий отпуск тканей воинским чинам без специального разрешения Военно-революционного комитета воспрещается.

С товарищеским приветом...

Пр[е]дседатель] *Дзержинский.*

«Документы Великой пролетарской революции», т. I, стр. 275—276.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ОДЕССКОМУ ОКРУЖНОМУ КОМИТЕТУ № 4356

21 ноября 1917 г.

Ставка сдалась¹. Восстание ударников сломлено. Духонин убит самосудом. Ответа от союзников не получено, с Германией ведутся переговоры об общем

¹ Сразу же после восстания петроградских рабочих и солдат ставка главнокомандующего, находившаяся в Могилёве, стала центром сосредоточения всех контрреволюционных сил. В начале ноября туда съехались лидеры правых эсеров и меньшевиков. Вместе с общеармейским комитетом они занялись организацией своего правительства в противовес Совету Народных Комиссаров. Совет Народных Комиссаров принял решительные меры к ликвидации контрреволюционной ставки. Из Петрограда и с фронта для занятия ставки были отправлены отряды солдат и матросов.

В ночь с 19 на 20 ноября из Могилёва бежали члены общеармейского комитета, офицеры оперативного отдела ставки, представители иностранных миссий. 20 ноября отряд матросов вступил в ставку. Духонин был арестован. У вагона, где он содержался, собрались солдаты, потребовавшие выдачи Духонина. Несмотря на увещания и сопротивление караула, Духонин был вытаснен из вагона и убит. — *Ред.*

перемирии. Левые эсеры вступают в Совет Народных Комиссаров. Учредительное созывается точно в срок (установленный) советом¹.

Главреком Ф. Дзержинский.
Гусев.

«Документы Великой пролетарской революции», т. 1, стр. 284.

¹ 27 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет о созыве Учредительного собрания в назначенный срок. Выборы были назначены на 12 ноября 1917 г. Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание, созданная Временным правительством, отказалась работать с советской властью. Постановлением Совнаркома она была распущена. Комиссаром по выборам в Учредительное собрание был назначен Урицкий. — *Ред.*

1918 год

**ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
КОМИССИИ
ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ
И СПЕКУЛЯЦИЕЙ**

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Нар[одных] Ком[иссаров] *приглашает всех граждан, пострадавших от вооружённых ограблений, явиться в уголовно-розыскную милицию (3-й Знаменский пер., рядом с Адресным столом) для опознания грабителей, задержанных при разоружении анархистских групп, в течение 3 дней от 12 до 2 час., считая первым днём 13 апреля.*

Председатель комиссии *Дзержинский.*

«Известия» № 73 от 13 апреля 1918 г.

О МЯТЕЖЕ «ЛЕВЫХ» ЭСЕРОВ¹

ДОКЛАД СОВНАРКОМУ

Прибыв на место преступления и увидев подложные документы Чрезвычайной комиссии, я сейчас же догадался, что это могло быть дело рук эсеровцев.

¹ Во время V съезда Советов «левые» эсеры с ведома и согласия Троцкого и Бухарина подняли контрреволюционный мятеж в Москве. Этот мятеж был частью контрреволюционного плана антисоветского заговора троцкистов, бухаринцев и «левых» эсеров, стремившихся во что бы то ни стало

Нужно было моментально, сейчас же поехать в отряд Попова (отряд Чрезвычайной комиссии, руководимый левым с.-р. Поповым), куда убийца мог скрыться. Я, не подозревая предательства, отправился с тремя товарищами без вооружённого отряда, не сомневаясь, что мне удастся разыскать убийцу. Председатель ЦИК Свердлов был также уверен, что личная моя поездка к отряду Попова даст возможность установить не только место пребывания убийцы, но выяснить, на-

сорвать Брестский мир, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и захватить власть в свои руки.

Мятеж начался убийством германского посла Мирбаха в Москве. Убийца — «левый» эсер Блюмкин — состоял сотрудником ВЧК и организовал своё свидание с Мирбахом при помощи документа, на котором стояла поддельная подпись Ф. Дзержинского.

Германские империалисты пытались немедленно использовать убийство Мирбаха в своих целях и нагло потребовали права ввода в Москву батальона немецких солдат якобы для охраны посольства.

В момент, когда пришло известие о мятеже, Дзержинский находился на съезде Советов.

Он немедленно отправился в Трёхсвятительский переулок, где был сосредоточен штаб мятежников и их отряд.

В это время Ленин и Свердлов приняли срочные меры к подавлению и ликвидации мятежа. Ленин объявил, что за жизнь т. Дзержинского головою отвечают тысячи мятежников. Когда большевистская фракция V съезда Советов слушала сообщение об успешном ходе ликвидации мятежа, — в зал неожиданно вошёл Дзержинский. Дзержинский выступил на съезде с кратким сообщением о мятеже.

Считая себя морально ответственным за проникновение в аппарат ВЧК предателей революции («левых» эсеров), Дзержинский обратился в Совнарком с просьбой освободить его от работы в ВЧК, назначив следствие. Это его заявление является само по себе документом, ярко характеризующим высокий нравственный облик Дзержинского, в огромной степени наделённого чувством личной ответственности и требовательности к самому себе. — *Ред.*

сколько это убийство не личный акт эсеровца, а заговор всей партии. Приехав к отряду Попова, на мой вопрос, где находится Блюмкин, получил в ответ, что его в отряде нет и что он поехал в какой-то госпиталь. Я потребовал, чтобы мне привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостовериться, что, действительно, Блюмкин уехал на извозчике. Таковых мне не привели. Заметив колебание Попова, а также шапку скрывавшегося Блюмкина на столе, я потребовал открытия всех помещений, приказав отряду, вооружённому с ног до головы, остаться на своих местах; в сопровождении трёх товарищей, с которыми я приехал, начал обходить помещения. В это время в сопровождении нескольких десятков вооружённых матросов подошли ко мне члены ЦК левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что я напрасно ищу Блюмкина, заявляя при этом, что Блюмкин убил графа Мирбаха по распоряжению ЦК П. С. Р. В ответ на это заявление я объявил Прошьяна и Карелина арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он как подчинённый мне не подчинится и не выдаст их, то я моментально пушу ему пулю в лоб как изменнику.

Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются приказанию, но вместо того, чтобы пойти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского, начальника их боевой дружины Фишмана и др., меня окружили со всех сторон матросы, вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал: позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, отрядом которого они состоят. Матросы

заколебались. Тогда Саблин, приведший 50 матросов из соседней комнаты, при помощи Прошьяна, который схватил меня за руки, обезоружил. После этого, когда отняли от нас оружие, Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом. Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна. Мы власти не хотим, пусть будет и здесь так, как на Украине, мы уйдём в подполье. Вы можете оставаться у власти, но вы должны бросить лакействовать у Мирбаха. Пусть Германия займёт Россию до Волги, Муравьёв идёт к нам в Москву, латыши 1-го стрелкового полка с нами, делегаты уже были; с нами Покровские казармы, с нами авиационные части; вот приехали делегаты от прибывших из Воронежа 2 тыс. донских казаков, Замоскворечье всё за нами. Все рабочие и красноармейцы Москвы идут с нами.

Когда я стал указывать, что они выполняют желания и планы английских и французских банкиров, являются предателями и изменниками революции, тогда вышла из другой комнаты Спиридонова и, чтобы поддержать настроение матросов обратилась к ним с речью что большевики — изменники революции, так как они лакействуют перед Мирбахом и выполняют его волю.

Когда я назвал Попова изменником, он мне сказал: «Я вам подчинялся и выполнял ваши требования до тех пор, пока не получил приказ из ЦК нашей партии, которому должен подчиняться».

Надо сказать, что большинство мятежников — это деморализованные черноморские матросы и бывшие разоружённые анархисты. Попов вместе с Александровичем от Комиссии на вербовал и принял этих людей в наш отряд, скрыв перед нами численность его. Отряд наш состоял из красноармейцев финнов. Большинство их ушло на чехословацкий фронт, мно-

гих Попов выгнал, и осталось их около 200 человек. Всего же во время мятежа в отряде оказалось около 2 тыс. человек. Однако, видя их нерешительность, Спиридонова и другие в комнате рядом устроили митинг; с другой стороны, их каптенармус выдавал им по две пары сапог, консервы, баранки и сахар. Их живые сообщения вскоре обнаружили; привели к нам пленником Винглинского. Из его отряда он заманил к себе обещанием раздачи консервов 20—40 человек. Здесь их задержали под страхом расстрела. Привели командира из Покровских казарм, который показал, что в Покровских казармах остались верны советской власти. Для того чтобы поднять бодрость духа, давали им водку, и почти все были выпивши. Сам Попов на глазах у всех и в присутствии одного из наших товарищей выпил стакан спирту. Насколько были выпивши, свидетельствует то, что у них разорвалась бомба и двух смертельно ранило. Вооружение их было — три броневика и три пушки *мортирные, роздали три тысячи бомб.

Днём стали обстреливать чердаки всех незанятых домов, стали обстреливать всех, пытавшихся уйти от патруля, расстреливали на месте. Так, например, из трёх разведчиков, посланных из Кремля, расстреляли одного. По рассказам спасшихся от этой беспорядочной стрельбы, пострадала масса посторонних лиц. Надо сказать, что все финны и солдаты из отряда Винглинского, обслуживавшие две маленькие пушки, были всецело на нашей стороне, но были терроризированы подавляющим большинством черноморцев. Сами черноморцы, хотя среди них раздавались угрожающие голоса, что следует расправиться с нами и с советской властью без церемоний, не смогли с нами поступать вызывающе, опасаясь остальных своих товарищей. Они уже чувствовали безнадёжность своего

положения. И когда я им указывал, что они сами призывают немцев, что в подполье могут уйти только главари и что приход немцев означает полнейшее порабощение народа,— они отвечали заученную фразу Спиридоновой.— не хотим лакействовать перед Мирбахом.

Вечером прибыл к нам Саблин и растерянный Попов и сообщили, что на съезде принята резолюция о подавлении левых эсеров. Затем Попов сказал: фракция левых эсеров, а с нею Спиридонова арестованы. Он грозил снести пол-Кремля, полтеатра и пол-Лубянки. Настроение в отряде с каждым известием становилось всё более подавленным. Когда загремели пушки и первый снаряд попал в их штаб, весь центральный комитет продефилировал перед нашими окошками в бегстве (уже в штатском платье, раньше они были в военном). «Подлые трусы и изменники убегают», — бросили мы им вдогонку.

С каждым новым выстрелом становилось всё меньше матросов во дворе, так как после разрушения здания штаба снаряды стали попадать в дом, в котором нас поместили. Мы организовали из сочувствующих нам солдат-финнов и других охрану себе и перешли с ними в мастерскую. Переходя, мы обратились к собравшимся там солдатам со словами: как не стыдно им поддерживать изменников революции. Тогда выскочил Саблин и, ругаясь, стал угрожать им, приказывая занять свои посты. Солдаты в мастерской передали нам оружие и бомбы.

После разрушения дома, где мы помещались, эсеры взяли лошадей и пушки без замков, вынутых сочувствующими нам солдатами, и увезли, причём заявили, что пошли к Курскому вокзалу. В числе арестованных были члены германского и датского посольств, вывесившие белые флаги.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ. ОТ ОТДЕЛА ПО БОРЬБЕ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ ПРИ ВЧК КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ

Президиумом Московского совета разрешён рабочим и беднейшему населению ввоз в Москву 1½ пуда продовольственных запасов.

Алчные хищники, мародёры, спекулянты не замедлят использовать эту меру в своих хищнических целях.

Различного рода мародёры, спекулянты, профессионалы мешочники хлынут в уезды закупать хлеб для сокрытия его и перепродажи, когда вздумается. Контрреволюционеры и их агенты не замедлят использовать всех своих наймитов для расстройства нашего транспорта путём переполнения поездов. Чрезвычайная комиссия, стоящая на страже интересов трудящихся, предупреждает врагов рабочих и беднейшего населения, что суровая беспощадная кара ждёт их за малейшее желание воспользоваться правами, предоставленными трудящимся. Все уличённые в скупке и перепродаже продуктов в целях спекуляции, систематически расстраивающие транспорт мешочники, различного рода мародёры будут сурово наказаны.

Одновременно Чрезвычайная комиссия обращается ко всем товарищам рабочим, а также и беднейшему населению, бдительно смотреть, чтоб мера, принятая для облегчения жизни трудящихся, не была бы использована врагами рабоче-крестьянской революции.

Председатель Комиссии *Ф. Дзержинский*

ИЗ ПИСЕМ К ЖЕНЕ

Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наш дом. некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце моё в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Всё моё время, это — одно непрерывное действие, чтобы устоять на посту до конца... Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и у меня твёрдая воля идти за мыслью до конца...

Кольцо врагов зажимает нас всё сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу... Каждый день заставляет нас прибегать ко всё более решительным мерам. В данный момент предстал пред нами величайший наш враг — настоящий голод...

Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пёс, растерзать врага.

Я почти совсем не выхожу из моего кабинета — здесь работаю, здесь же за ширмой стоит моя кровать.

Адрес мой: Б. Лубянка, 11. 27 мая 1918 г.

* *

*

В постоянной горячке я не могу сегодня сосредоточиться, анализировать и рассказывать. Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мною, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моём лице, — я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю...

А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий...

1918 г.

«Новый мир», январь 1938 г.

1919 год

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЧК.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК

17 февраля 1919 г.¹

Образование ВЧК совпало с роспуском Петроградского революционного комитета, т. е. она образовалась в тот момент, когда не оказывалось органа, который взял бы на себя борьбу с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Постановлением Совнаркома, 7 декабря 1917 г., была утверждена Коллегия ВЧК для беспощадной борьбы с контрреволюцией.

В это время мы наткнулись на неслыханный саботаж чиновничества, не пожелавшего нас признавать и тормозившего всю хозяйственную жизнь страны. В наши учреждения бросилась масса авантюристов с целью обделять свои делишки, пользуясь тем, что мы не могли наладить контроль, ввиду чего пришлось начать решительную борьбу по очистке наших учреждений от преступных элементов.

В то же время пришлось разоружать деморализованные вконец части, пришлось вести борьбу с контрреволюционными заговорами, бандитизмом и т. д.

С переездом из Петрограда в Москву особенное внимание пришлось обратить на борьбу с белогвардейским

¹ В газетной передаче.

офицерством и со всё более наглевшей контрреволюцией.

Для того чтобы разбить эту массу контрреволюционеров, нам пришлось действительно быть беспощадными и с этой целью нами было предпринято, с одной стороны, регистрация офицерства, а с другой — уничтожение всех тех, которые были уличены в принадлежности к участию в белогвардейских организациях.

С точки зрения организационного строительства это был период, когда ВЧК разрослась и расширилась до целого ряда губернских чрезвычайных комиссий.

Следующий момент — это момент восстания «левых» эсеров и чехословацкого фронта. Это был тот момент, когда создался новый внутренний фронт, который угрожал сердцу России — Москве, который занял Поволжье и который отрезал нас от хлебородных местностей. Вместе с этим, все наши враги, которые были внутри, судорожно работали над тем, чтобы разбить наши усилия по созданию нашей Красной Армии — армии рабочих и крестьян. И вот в этот период чехословацкого фронта, восстания «левых» эсеров и белого террора по отношению к нашим вождям — надо было призвать всё население к тому, чтобы на их белый террор ответить нашим красным террором. Красный террор был не чем иным, как выражением непреклонной воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас. В настоящее время положение совершенно отлично от того, что было раньше. Теперь нет той массы бывшего офицерства, которая устраивала против нас заговоры, мы их распылили и разбросали. С уничтожением их, той массовой борьбы, которая проявлена Ч.К. рань-

ше, тех условий, при которых необходимо было создать органы с чрезвычайными полномочиями на местах, в уездах, тех условий теперь нет.

И поэтому самые комиссии должны закончить период разрастания и должны суживаться, распуская ненужные органы. И Московская Всероссийская чрезвычайная комиссия уже вошла по этому поводу с представлением в Президиум Центрального исполнительного комитета, постановлением которого уездные чрезвычайные комиссии были упразднены и распущены.

Теперь нет нужды, повторяю, расправляться с массовым сплочением, с группами, теперь система борьбы с нами у наших врагов изменилась, и все старания их устремлены, с одной стороны, чтобы пролезть в наши советские учреждения, чтобы, работая в наших рядах, дожидаться того момента, когда внешние силы наших противников сломят нас, и взорвать нас изнутри; с другой стороны, они организывают шпионаж для предательства нашей Красной Армии. Мы знаем, что почти во всех наших учреждениях имеются враги. Но мы не можем разбить наши учреждения, мы должны найти нити и поймать их на месте преступления, и в этом смысле метод борьбы и розыска должен быть совершенно иной.

Но вместе с тем мы должны сказать врагам, что если они посмеют выступать, если налицо будут вооружённые выступления, то тогда все те полномочия, которые имели раньше Чрезв[ычайные] комиссии, они будут иметь их и дальше.

«Известия» № 37 от 18 февраля 1919 г.

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ¹

Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооружённому выступлению против советской власти. Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады.

Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская чрезвычайная комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооружённого восстания.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии
Ф. Дзержинский.

«Известия» № 71 от 2 апреля 1919 г.

ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Опыт полутора лет гражданской войны показал, что иностранные и отечественные империалисты не надеются в открытом бою победить революцию. Иностранные войска на Юге и на Севере отказываются воевать за интересы капитала против рабоче-крестьянской армии. Собственных военных сил у рос-

¹ Настоящее обращение было опубликовано в связи с телефонограммой председателя Совета обороны В. И. Ленина, предписавшего Всероссийской чрезвычайной комиссии принять самые срочные меры для подавления всяких попыток взрывов, порчи железнодорожных путей, призывов к забастовкам, предпринимаемых агентами Колчака, Деникина и «союзников» в Петрограде и в других местах с целью лишения населения воды, продовольствия и т. д., возбуждения недовольства и свержения советской власти. — *Ред.*

сийской контрреволюции не так много, чтобы она могла надеяться на успех. Одним из главных средств борьбы у контрреволюции является дезорганизация нашей обороны, нашего тыла.

Недавний случай предательства и измены под Петроградом, на Красной Горке и на Карельском участке северного фронта особенно наглядно показал, на что рассчитывают белогвардейцы. Они проникают на командные посты, в различные государственные учреждения, обслуживающие армию. Там они стремятся или прямой изменой, или дезорганизацией тыла и фронта подвергнуть революцию разгрому.

Потеряв надежду на успех в открытом бою, контрреволюция пытается заговорами и предательством, изменой и шпионажем победить рабочих и крестьян.

Именно поэтому Всероссийская чрезвычайная комиссия как орган борьбы с контрреволюцией считает своим долгом усилить расправу с виновными в подобного рода преступлениях. Всероссийская чрезвычайная комиссия отлично понимает, что раскрытием и пресечением всяких заговоров, всякого предательства и провокации она помогает нашей героической Красной Армии как можно скорее покончить с внутренними и внешними врагами и дать измученному народу отдых и возможность мирного, творческого труда.

Никакой пощады изобличённым в белогвардейских заговорах и организациях не будет.

За последние недели органам советской власти удалось захватить руководителей белогвардейских военных организаций, подготовлявших и отчасти пытавшихся уже осуществить вооружённое выступление в целях дать победу русским и иностранным империалистам на Севере и в других районах. Белогвардейские

предатели уничтожены. Среди них оказались, между прочим, *Будкевич А. В.* (начальник штаба Кронштадтской крепости); *Рыбалтовский А. Ю.* (начальник штаба Кронштадтской крепости); *Грицай С. А.* (помощник гл[авного] инженера Кронштадтского порта); *Ануров А. С.* (инж[енер]-мех[аник] миноносца «Достойный»); *Ливанов А. А.* (пом[ощник] командира эск[адренного] миноносца «Украина»); *Селлинга С. А.* (старший штурман лин[ейного] корабля «Петропавловск»); *Кулеш В. Я.* (писарь Кронштадтского порта, соц[иалист]-рев[олюционер]).

Помимо перечисленных преступников, арестовано и расстреляно большое количество лиц, изобличённых (частью сознавших) в участии в белогвардейских организациях военного характера. Относительно других ведётся следствие, которое даёт обильный материал для раскрытия белогвардейских организаций в различных городах и районах.

Всероссийская чрезвычайная комиссия объявляет, что, стоя на страже революции, она будет без всякой пощады расправляться со всеми участниками подобных организаций. Но так как из материала следствия с совершенной очевидностью выяснилось, что главари белогвардейцев втягивают в организацию массу лиц, даже не подозревающих о них, причём белогвардейцы не останавливаются ни перед каким обманом, Всероссийская чрезвычайная комиссия обращается настоящим с последним предостережением ко всем тем, кто втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации.

Всероссийская чрезвычайная комиссия предлагает таким лицам в недельный срок явиться к ней и гарантирует явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность. По истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками бе-

логвардейских организаций повлечёт за собой неизменно высшую кару — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи.

Настоящее предупреждение действительно со дня опубликования его в «Известиях ВЦИК».

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский.*

«Правда» № 151 от 12 июля 1919 г.

ОТ ВЧК

Всероссийской чрезвычайной комиссии стали известны многочисленные случаи попыток незаконного перехода русскими и иностранными подданными гражданами боевой линии фронта для следования за границу и обратно без установленных заграничных паспортов, виз Наркоминдела и удостоверений Особого отдела ВЧК в Москве.

ВЧК настоящим предупреждает, что лица, обнаруженные в прифронтовой полосе или на железных дорогах, ведущих к фронтам, и заподозренные в намерении незаконного выезда за границу, будут привлекаться по делам о военном шпионаже и сношениях с неприятелем, караться по всей строгости военно-революционных законов и присуждаться к наказанию не ниже заключения в концентрационные лагеря с принудительными работами до конца гражданской войны.

Таким же наказаниям будут подвергаться лица, уличённые в незаконной перевозке или пересылке писем хотя бы и невинного содержания.

Председатель ВЧК *Дзержинский.*
За Наркоминдел член коллегии *Литвинов.*

8 ноября 1919 г.

«Известия» № 252 от 11 ноября 1919 г.

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б)¹

Работа ВЧК за последние недели была очень удачна. Ещё при раскрытии шпионского заговора мы получали указания на существование ещё более крупного заговора в Москве. Затем в результате усиленной работы нам удалось открыть не только главварей, но ликвидировать всю организацию, возглавляемую знаменитым «Национальным центром». Председатель «Национального центра» Щепкин был захвачен, когда принимал донесение от посла Деникина.

Захвачены очень ценные документы, которые будут опубликованы. Затем мы напали на след военной организации, состоящей в связи с «Национальным центром», но имевшей свой собственный штаб добровольческой армии Московского района. Этот военный заговор тоже удалось ликвидировать.

В этих заговорах участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые эсеры. Общее политическое направление давали кадеты. Арестовано около 700 человек. Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр. На своих последних заседаниях они уже готовили окончательно своё выступление. Даже час назначен: 6 часов вечера. Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, овладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении советской власти и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров, и в их руках были три наши военные школы. Они

¹ В газетной передаче.

предполагали начать выступление в Вишняках, Волоколамске и Кунцево, отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе. У них был разработан подробный план действия. Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу, за Садовым кольцом предполагалось устроить баррикады, укрепиться по линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых пунктах наступление к центру. Я прочту сейчас вам объяснительную записку к плану, которая показывает, как точен и детализирован был их план действий (*читает*). Записка будет опубликована.

Они были настолько уверены в победе, что готовили даже целый ряд воззваний и приказов. Эти документы очень интересны. Они выявляют характер «Национального центра» и штаба добровольческой армии Московского района. «Национальным центром» руководили кадеты, в штабе же были в большинстве черносотенцы. Это отразилось на характере их воззваний. (*Читает воззвания «Национального центра».*)

Воззвания будут опубликованы.

Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупали его в наших складах и образовывали свои склады.

Силы их по подсчётам равнялись 800 человек кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось послать своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо. Для этой цели они использовали и наших товарищей, пользуясь их легковерием и привычкой устраивать своих знакомых.

Указав ещё на целый ряд фактов и наших недо-
чётов и перечислив ряд мер, намеченных Комитетом
Обороны, т. Дзержинский говорит:

— Успешность нашей борьбы с заговорами воз-
можна, если все намеченные меры встретят под-
держку со стороны каждого партийного товарища в
повседневной жизни.

«Известия» № 215 от 27 сентября 1919 г.

1920 год

НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

ВСЕМ ГУБЧЕКА

Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркаска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованных армий контрреволюции подрывает в корне надежды и расчёты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путём заговоров, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской республики против двинутых на неё Антантой контрреволюционных сил Рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что взятие Ростова и пленение Колчака дают им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток, путём вооружённого вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов, вновь нарушить устойчивое положение советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устройению социалистического хозяйства неизбежно может вынудить возвращение к методам террора.

Таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствающие классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вместе с тем Чрезвычайные комиссии получают возможность и обязанность обратить усиленное внимание на борьбу с основным нашим для данного момента внутренним врагом — с хозяйственной разрухой, со спекуляцией, с преступлениями по должности, содействуя всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни и устраняя все препятствия, создаваемые саботажем, недисциплинированностью или злонамеренностью.

Исходя из вышесказанного, ВЧК постановляет:

1. Прекратить с момента опубликования этого постановления применение высшей меры наказания (расстрел) по приговорам ВЧК и всех её местных органов.
2. Поручить т. Дзержинскому войти в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК с предложением о полной отмене высшей меры наказания не только по приговорам Чрезвычайных комиссий, но и по при-

говорам городских, губернских, а также Верховного при ВЦИК революционных трибуналов.

3. Постановление ввести в действие по телеграфу.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский.

«Правда» № 9 от 15 января 1920 г.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ КООПЕРАТОРЫ (ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ)

В период налаживания хозяйственной жизни страны советская власть естественно и неизбежно должна была прибегнуть в области снабжения и распределения среди населения предметов первой необходимости к услугам и опыту старых кооператоров. Пользуясь иногда громадным доверием со стороны органов нашей власти и работая внешне рука об руку с ними, эти лица постоянно указывали, что, несмотря на разность политических убеждений и взглядов на развёртывающиеся сейчас мировые события и на ход нашей революции, они, тем не менее, могут идейно и честно работать вместе с коммунистами на почве кооперации, так как последняя абсолютно нейтральна. Любимым мотивом этой отживающей ныне свой век старой кооперации, оправдывающим её существование, являлись: аполитичность кооперации, краснокрестный характер её деятельности, невмешательство в государственную политику власти и т. п. Но всё это было только на словах. На деле «нейтральность» по отношению к советской власти превращалась внутри страны в глухую подпольную борьбу со всей линией нашей экономической политики, в то время как за советским рубежом кооперация, попавшая в сферу влияния белогвардейщины, немедленно сбрасывала маску «нейтральности» и на этот раз искренно и дружно вливалась свои

силы в единый фронт врагов большевизма. Так, например, в своём докладе Деникину, напечатанном в № 2 «Бюллетеня кооперации Юга России» от 10-го декабря 1919 г., член правления Центросоюза Н. М. Михайлов заявляет: «Везде, где кооперативные организации входили в сферу влияния Добрармии, они немедленно и на этот раз искренно и охотно устанавливали тесные отношения свои, иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти».

В настоящее время ВЧК располагает достаточным количеством материалов, которые с неопровержимой ясностью вскрывают эту подпольную сторону деятельности сохранившейся ещё в правлении Центросоюза группы старых кооператоров. Путём следствия по делу о многочисленных злоупотреблениях в петроградских отделениях Центросоюза и Центросекции (происходивших ещё до слияния этих двух организаций в одно целое) установлено, что эта группа за спиной остальной части правления проводила свою закулисную политику, идущую вразрез с интересами и заданиями советской власти. Будучи через А. М. Беркенгейма, в своё время пробравшегося в Англию и сыгравшего такую «громкую» роль в вопросе о товарообмене, связаны с возглавляемым Беркенгеймом объединением русских кооператоров, эти лица получали от него инструкции и директивы, которые в конечном результате сводились к восстановлению в России свободной торговли, денационализации банков и пр., т. е., другими словами, к свержению советской власти экономическим путём, что вполне совпадает с тезисами Михайлова в докладе Деникину.

Так, в прошлом году, накануне ожидавшейся оккупации Петрограда, названной частью правления Центросоюза, согласно полученным из Англии от

Беркенгейма инструкциям, были даны директивы заведующему петроградским отделением Ц[ентро]союза В. П. Крохмалю (б[ывший] член ЦК меньшевиков) относительно ряда финансовых операций и дальнейшей деятельности отделения на случай занятия Петрограда белыми, причём в директивах этих ясно видна была рука настоящих закулисных их вдохновителей, т. е. заграничного капитала. Между прочим, в них говорится:

«Разыщите экспортные товары, затратьте на них все имеющиеся у вас средства, затратьте всё, что вы выручите от продажи наших товаров, и шлите всё это нам. О выгоде особенно не заботьтесь. Продавайте по ценам, которые сможете выручить, покупайте, почём можете купить, а прибыли и убытки посчитаем потом.

Не очень разборчивы будьте и в отношении товаров. Лён, пенька, лес — нам здесь всё пригодится. До книг включительно. (Мы слышали, что в Петрограде имеются по сравнительно недорогой цене издания русских классиков, а здесь этот товар сейчас в большом спросе. Рекомендуем поэтому серьёзно об этом подумать.

В поисках экспортных товаров не следует ограничиваться Петроградом, а обследовать и округу, оставив, конечно, для неё некоторую долю товара. В нужных случаях входите в контакт и работайте через другие кооперативные организации.

Вообще говоря, это — самый большой вопрос, и от удачного его разрешения зависит всё будущее наших отношений».

На основании этих данных Всероссийская чрезвычайная комиссия сочла нужным арестовать членов правления Центросоюза Д. С. Коробова, В. А. Кузнецова, А. П. Лаврухина и произвести по данному делу всестороннее расследование.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский

«Правда» № 90 от 28 апреля 1920 г.

УБИЙСТВО ЧЛЕНОВ ЦК ФКП ОТ ВЧК

Во вторник 31 августа было произведено в Петрограде гнусное убийство членов центрального комитета Финляндской коммунистической партии и активных работников её. В помещении на улице Красных Зорь, 26—28, где помещается финский рабочий клуб имени Куусинена, в 9-м часу вечера, во время собрания активных работников партии, вошли вооружённые лица (финны) и при входе выстрелами из револьверов убили наповал члена ЦК ФКП т. *Ивана Рахья* и ранили чертёжника *Элиса Суркаулс*, после чего вошли в зал заседания и начали стрелять, выбирая наиболее ответственных работников, убив члена ЦК т. *Вяйне Искинен*, кассира военной организации *Константина Линдквиста*, заведующего пропагандой т. *Туомаса Хюрскюмурто*, заведующего регистрационным отделом т. *Фёдора Куттунена*, красного командира т. *Иогана Виисасаари* и члена партии *Иогана Сайнио*. При стрельбе были ранены: член ЦК т. *Густав Эвя*, секретарь военной организации *Элизавета Саволайнен* (умерла от ран), заведующий административным отделом т. *Яков Рахья*, заведующий агитацией т. *Иоган Лехтинен*, заведующий конспиративными квартирами т. *Иоган Састемойнен*, член коллегии бюро т. *Иоган Вастен*, секретарь бюро т. *Микко Виркки* и члены партии *Аатто Лайне*, *Айно Петерсон* и *Армас Поккинен*.

После произведённого злодейства убийцы удалились из помещения и были разоружены прибывшей на выстрелы милицией. Созданная по горячим следам для расследования дела комиссия, под председательством т. Дзержинского, сразу же напала на хитро обдуманый план и тонко сплетённую нить финских белогвардейцев. Пользуясь эмигрантской склокой,

происхождение которой относится ещё к моменту зарождения финляндской революции, и неопытностью некоторой группы финской молодёжи, ловкая рука белогвардейского замысла сделала эту молодёжь слепым орудием своих планов. Следствие по делу в срочном порядке ведётся ВЧК, и результаты будут своевременно опубликованы.

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*

«Правда» № 197 от 7 сентября 1920 г.

307

СООБЩЕНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ЧЛЕНОВ ЦК ФИНЛЯНДСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Совершённое 31 августа 1920 г. в Петербурге нападение на Финляндский центральный комитет и убийство многих членов ФЦК и некоторых ответственных работников из финских коммунистов с самого начала следствия показало, что убийцами руководила опытная белогвардейская рука. В дальнейшем следствие дало неопровержимые доказательства того, что непосредственно совершившие этот безумный шаг физические виновники преступления являлись лишь игрушкой и пешками тех, кто под маской друзей рабочего класса старался всячески разбить единство пролетариата и не дать финским коммунистам возможности возродить пролетарское движение в Финляндии.

Тайные белогвардейцы, выдавая себя за правоверных коммунистов, проникли в ряды находившихся в России финских рабочих и систематически вели агитацию против Финского центрального комитета коммунистов, выставляя против Финского ЦК самые вздорные провокационные обвинения, обвиняли испытанных борцов революции в том, что они якобы

состоят на службе в охранном отделении Финляндии, что они якобы являются агентами Антанты. Под флагом оппозиции Финскому ЦК они на деле разлагали финскую организацию и прилагали все усилия к тому, чтобы во что бы то ни стало опорочить тт. финнов-коммунистов. Не было лжи и клеветы, перед которой остановились бы эти агенты и слуги буржуазии и контрреволюции.

Несмотря на очевидную вздорность всех выдвигаемых против Финского ЦК обвинений, следственная комиссия при ВЧК сочла необходимым опросить целый ряд лиц, указанных членами оппозиции, и, как следовало ожидать, все обвинения оказались злостной клеветой, не имеющей за собой и тени действительности.

А между тем пущенная клевета делала своё дело; белогвардейцы и их агенты, стараясь оставаться в тени, доказывали, что иного исхода кроме убийства не осталось, что кровавая расправа — единственный путь для очищения финской партии от нежелательных для оппозиции членов партии. Подготовив таким образом почву, шпионы и провокаторы стали искать исполнителей своего плана. И естественно, что они остановились на группе молодых членов партии, не прошедших долгой политической школы, недостаточно опытных в житейском отношении и поэтому легко поддающихся провокации. Этим объясняется, что среди убийц были люди, в личном отношении вполне безупречные, — Пасси, Хеглунд, Палхо и некоторые другие. Насколько перечисленные лица были молоды в партийном отношении, это видно хотя бы из того, что все они, будучи членами комитета оппозиции, вместе с тем не считали нужным испросить у руководящих кругов оппозиции принципиальное согласие на террористический акт или хотя бы узнать принципиальное отношение комитета к такому акту.

Весьма показательны также и то обстоятельство, что спустя несколько дней после убийства сами убийцы признали, что убийство явилось ошибкой, причём некоторые из них говорили, что нужно было апеллировать в ЦК РКП. Один из них, Хеглунд, заявил на допросе, что «благодаря убийству, революции всё же нанесён вред, и белогвардейцы получают известное основание для агитации против коммунистов», а другой — Нюланд Сало показал: «Я признаю, что мы допустили ошибку, не исчерпавши всех средств и не обратившись в ЦК партии коммунистов. Если этим убийством принесена большая невзгода и ущерб делу революции, то я об этом сожалею, причём я полагаю, что я недостаточно разбираюсь в политике. Я допускаю, что, возможно, среди нас были ещё товарищи, подобно мне плохо разбирающиеся в политике».

Кроме активных деятелей оппозиции и самих убийц резко отрицательное отношение к убийству выражали и многие другие привлечённые к делу видные представители той же оппозиции.

В деле имеются определённые указания на то, что ещё в 1918 г. прибыло в Россию несколько лиц с целью организации убийства членов Финского красного правительства, в составе коего были некоторые, избранные впоследствии в состав Финского ЦК. Прибывшие лица в течение двух с лишним лет вели свою подготовительную работу, пытаясь внести разложение в среду финских коммунистов и создать группу лиц, способных привести в исполнение их отвратительный план. Одной из виднейших фигур среди этих подстрекателей является *Войто* (он же Виктор) *Элоранто*, который появился в Петербургской губернии вскоре после поражения пролетарской революции в Финляндии. Среди большинства эмигрировавших в Россию финских коммунистов, состоящих

почти сплошь из рабочих, Войто Элоранто, как журналист и неоднократно в качестве социал-демократа избиравшийся депутатом в сейм, пользовался большим влиянием и популярностью. Следует при этом заметить, что почти никому не была известна роль В. Элоранто во время революции 1905—[19]06 гг. Знали лишь одно, что в этот период Элоранто имел какое-то отношение к организованной тогда Финской красной гвардии. Во время следствия выяснилось, что Элоранто состоял одним из ближайших помощников начальника Финской красной гвардии Кокка, что, несмотря на самые тщательные розыски Кокка по всей России, не предпринималось никаких розысков его помощника Элоранто, что хотя финской полиции было известно о том, что несколько месяцев спустя после Свеаборгского восстания Элоранто из Финляндии ездил в Лондон на свидание с Кокком, однако Элоранто не подвергался никаким преследованиям. И это в то время, когда финская буржуазия всячески старалась доказать свою готовность расправиться беспощаднейшим образом со всеми финнами, имевшими отношение к революции, что и было официально засвидетельствовано генерал-губернатором Финляндии Герардом в его верноподданническом донесении царю Николаю. Вскоре после этого Элоранто избирается депутатом сейма, он входит в с[оциал]-д[емократическую] фракцию, он редактирует с[оциал]-д[емократическую] газету. Если принять во внимание, что сейм неоднократно распускался за свою оппозиционность и что к крайней оппозиции принадлежал в числе прочих и Элоранто, то становится странным, как буржуазия могла безразлично отнестись к Элоранто и не припомнить его дружбу с капитаном Кокком и его сотрудничество с последним. Через несколько лет Элоранто из с.-д. депутата превращается в довольно

крупного фермера, у которого имеется 400 голов сви-ней и у которого в имении работают до 20 человек рабочих.

Вследствие близости Элоранто к «оппозиции» он на другой же день после совершения убийства был подвергнут аресту, причём при обыске у него обнаружено письмо, в котором он, высказывая по поводу имевшего место убийства сожаление, старается установить свою непричастность к нему, хотя, казалось бы, человеку непричастному не надо ни в чём оправдываться. Это обстоятельство, а затем и выяснившееся на следствии весьма подозрительное в политическом отношении прошлое Элоранто заставили следствие обратить особенно серьёзное внимание на роль Элоранто в настоящем деле. В отличие от непосредственных участников террористического акта, открыто признавших в своём участии, Войто Элоранто при всех допросах отрицал какое-либо участие в убийстве, заявлял, что он не знал о предполагавшемся убийстве и что он вообще не раз высказывался против того, чтобы путём убийства разрешать партийные разногласия. Уже одно последнее заявление было подозрительно, так как не может притти в голову кому-либо мысль быть против такого образа действий, если о нём не было и речи.

Следствием установлено, что все участники убийства в день совершения убийства находились на квартире Элоранто, где и было принято решение осуществить их преступный план. Сам Элоранто в это время находился у себя на квартире, но только в своё оправдание указывал, что находился всё время на кухне и потому не мог знать, о чём шла речь на указанном совещании. Но все эти объяснения Элоранто оказались ложными, когда согласно показаниям друга самого Элоранто, Пулканена, выяснилось,

что именно в часы, указанные самим Элоранто, он, Элоранто, ни разу не заходил в кухню, а, наоборот, был с финнами, обсуждавшими план убийства членов Финского ЦК. Таким образом, стало ясно, что Войто Элоранто знал о предполагавшемся убийстве, принимал участие в обсуждении и решении этого вопроса и после совещания удалился лишь с мыслью об одном — замести свои следы, ввести в заблуждение авторитетнейшие органы советской власти и коммунистической партии. Характер деятельности Элоранто выяснился окончательно, когда следствием было задержано письмо, предназначенное для рабочих, находящихся в самой Финляндии. В этом письме, составленном за несколько часов до совершения убийства, говорится об убийстве как о совершившемся факте и объясняются причины этого убийства, причём ещё раз повторяются все те клеветнические выпады против членов Финского ЦК, о которых говорилось выше. Расколов находящийся в России финский пролетариат, белогвардейцы хотели то же самое проделать и в Финляндии. И само собой понятно, что этим они сослужили бы финской буржуазии большую службу. По обоснованию содержания письма, построению его частей, повторению мыслей, неоднократно высказываемых Элоранто на собраниях, по общему литературному стилю и по отдельным характерным выражениям нетрудно было убедиться, что письмо это было составлено не кем иным, как самим Элоранто.

Имевшиеся в письмах подписи Элоранто и Басси были сделаны не ими самими, а Туаманеном, сознавшимся в этом. Следствием было установлено, что Туаманен находился в прямых отношениях с финскими белогвардейцами, от которых он снабжался паспортами для получения возможности перехода из

России в Финляндию, через Туаманена и подобных ему лиц держалась связь с финской белогвардейщиной, а для отвода глаз эти господа занимались контрабандой в нашу пользу.

Помимо этих данных в следственном производстве имеются свидетельские показания о том, что в первых числах августа, т. е. недели за 3—4 до убийства, на заседании одного из белогвардейских кружков в Финляндии, настойчиво говорилось о необходимости расправиться с членами Финского ЦК.

В настоящее время следствие самым тщательным образом выясняет роль каждого из обвиняемых в отдельности. Соответствующие материалы будут опубликованы своевременно.

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*

3 декабря 1920 г.

«Известия» № 274 от 5 декабря 1920 г.

1921 год

ГРАЖДАНЕ! ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ!

Вечное позорище царской России — система откупа, лихоимства и взяточничества свила себе прочное гнездо в наиболее чувствительной области нашего хозяйственного организма — в железнодорожном хозяйстве. Взятка на железных дорогах стала явлением столь «нормальным», что у многих товарищей железнодорожников притупилась чувствительность.

На железных дорогах всё возможно купить и продать за определённую мзду, которая умелыми подлыми руками развратителя пропорционально распределяется между стрелочником и высшими рангами. Спекулянты массами за взятку заполняют протекционные вагоны, прорезают в них Россию вдоль и поперёк и обволакивают молодую Советскую Республику своей паучьей сетью. Всякая прицепка, отцепка, дальнейшее продвижение, будь то отдельного протекционного вагона, эшелона беженцев, продгруза отдельной организации, — всё находится в прямой зависимости от взятки.

Бедствия, причиняемые этим злом государству, неисчислимы и кошмарны по своим последствиям.

Беженцы из голодного Поволжья, передвигающиеся по нарядам Главэвака, застревают на узловых станциях и обрекаются на нечеловеческие мучения; рабочие организации, отправившиеся для покупки хлеба для голодных семейств, кочуют месяцами, «за отсутствием подвижного состава»; продовольствие,

идущее для спасения детей и женщин Поволжья, где-то блуждает или мрачно стоит на путях в ожидании «чего-то недостающего».

А за этим мрачным занавесом разыгрываются сцены бесстыдного, подлого подкупа и бесшабашного разгула кучки, продающей трудовую Россию, выбивающуюся из сил в тисках вражеского окружения, экономической разрухи, что покрывает неслыханным позором славное имя железнодорожного пролетариата.

Государственные органы — трибуналы и ТЧК, призванные для борьбы со взяточничеством, больше не допустят подобного позора.

Взяточничество на железных дорогах должно быть и будет искоренено.

Аппарат транспортных чр[езвычайных] к[омиссий] не ослабел. В его распоряжении есть достаточно средств для обнаружения взяточников.

Где бы негодай ни сидел, в кабинете ли за зелёным столом или в сторожевой будке, — он будет извлечён и предстанет перед судом Р[еволюционного] Трибунала, карающий молот которого опустится со всей сокрушительной мощью и гневом, на которые он способен, так как нет пощады смертельным врагам нашего возрождения. Никакие обстоятельства не будут учитываться при вынесении приговора взяточнику. Самая суровая кара ждёт его.

Вместе с тем советская власть призывает всех честных граждан, в ком живо гнетущее сознание несмываемого позора и разлагающего влияния взяток, притти на помощь для обнаружения и извлечения негодаев-взяточников.

Будьте зорки и бдительны! Пролетарские руки не должны и не могут быть замараны взятками!

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ВЧК¹

Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью... Я пришёл к этому выводу... исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие! Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — всё для них! Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК, конечно при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат один из наиболее чётко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность и даже хищничество! Мы всё больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?

...Тут нужна большая чёткость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормошить. Я думаю, мы всего этого достигнем.

«Правда» № 166 от 22 июля 1926 г.
Из статьи Луначарского «Ф. Э. Дзержинский
в Наркомпросе».

¹ Высказывание Дзержинского в беседе с народным комиссаром просвещения РСФСР А. В. Луначарским. — *Ред.*



Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ, 1922 г.

(Фото)

1922 год

ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ ¹

Создание ВЧК было ответом на организованное сопротивление советской власти со стороны буржуазно-помещичьих кругов. Белый террор, саботаж, выстрелы в вождей революции, противодействие советскому строительству и покушение на самое существование диктатуры пролетариата сделали ВЧК боевым органом революции, поставили её в авангард борьбы рабочего класса с капиталом.

ВЧК сделалась грозным символом для всех тех, кто не мог примириться с завоеваниями трудящихся, кто мечтал о воскрешении старого режима, кто готовил петлю для рабочих и крестьян. ВЧК стала на страже революции и с честью выполняла возложенную на неё трудную задачу.

В самый разгар гражданской войны, когда нас сжимало огненное кольцо блокады, когда нас давили голод, холод и разруха, когда внутренние белогвардейцы и заграничные империалисты подбирались к сердцу республики, ВЧК и её органы на местах развивали самоотверженную героическую работу.

Длинной шеренгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду. ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетариат выделил для работы в ЧК лучших сынов своих. И неудивительно, что враги наши бешено ненави-

¹ Беседа с корреспондентом «Правды».

дела ЧК и чекистов. Их ненависть — вполне заслуженна. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе.

Закончилась война. Наступила полоса мирного строительства. Явилась необходимость перестроить наши чрезвычайные органы. Организовывается ГПУ. Теперь нам нужно особенно зорко присматриваться к антисоветским течениям и группировкам.

ГПУ сжало свой аппарат, но оно укрепило его качественно. ГПУ сознаёт, что задачи, которые оно должно разрешить, огромны, но доверие широких пролетарских масс даёт работникам ГПУ твёрдую уверенность в том, что они своё дело сделают.

Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК, а затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу — сокрушить внутреннюю контрреволюцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней. Это доверие пришлось завоевывать долгой, упорной, самоотверженной, полной жертв борьбой, в результате которой ВЧК стала грозным защитником рабоче-крестьянской власти. Контрреволюция у нас разбита, но она ещё сильна, питаясь силами, средствами и замыслами мировой контрреволюции и приливом энергии возрождающейся буржуазии.

Нынешнее ГПУ и сейчас с той же энергией и преданностью делу рабочей революции и коммунизму будет добиваться доверия рабочих и крестьян для окончательной победы над происками мировой контрреволюции и для обеспечения победы Советским республикам на мирном фронте восстановления разрушенного хозяйства.

13 декабря
«Правда» № 286 от 17 декабря 1922 г.

Ф. Дзержинский

1923 год

ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ

ОБРАЩЕНИЕ КОМИССИИ ВЦИК ПО УЛУЧШЕНИЮ
ЖИЗНИ ДЕТЕЙ.

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СССР ИСПОЛКОМУ КОМИНТЕРНА,
ПРОФИНТЕРНУ, КОМИНТЕРНУ МОЛОДЁЖИ, МЕЖРАБПОМУ

Товарищи!

Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточённой кровавой борьбы с её заклятыми врагами — внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, неизвестной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа трудящихся досталась не даром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых ещё долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко ещё не полная обеспеченность детского населения страны.

На долю первой в мире республики труда досталось тяжёлое наследие царского строя; войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на

героические усилия, проявленные советской властью в деле обеспечения всеми необходимыми материальными благами, в деле воспитания и охраны жизни и здоровья, всё же на территории Союза социалистических республик осталось ещё громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжёлыми последствиями и заставляет бить тревогу.

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых нехватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым, как диетпитание, бельё, обувь, оборудование и т. п.

Кроме указанного кадра беспризорных детей имеется ещё большой контингент нуждающихся в помощи детей, имеющих родителей или родственников, но хозяйственная мощь которых разрушена войной и голодом (инвалиды, беженцы войны и голода, безработные); им также нужна скорая действительная помощь.

Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь ещё детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика. На эту опасность для детей нельзя закрывать глаза, необходимо теперь же, немедленно, пока ещё не поздно, общими усилиями устранить её.

Учитывая это тяжёлое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с НКПросом и НКЗдравом, при деятельном участии партийных и профессиональных организаций, с 30 апреля по 6 мая с. г. «Неделю беспризорного и больного ребёнка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом прийти во время её на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размерами вашей помощи. Помните, что только общими объединёнными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжёлом фронте детской беспризорности.

Одновременно с этим деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на её призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

Председатель комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей *Ф. Дзержинский*

«Известия» № 71 от 31 марта 1923 г.

О СОСТОЯНИИ ТРАНСПОРТА

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ЦК СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ
7 февраля 1923 г.

Я не буду затруднять вашего внимания подробными цифрами и данными, ибо вы имели возможность познакомиться с ними из наших текущих отчётов и в общей и в союзной прессе. Задача моя должна заключаться в том, чтобы наметить здесь те основные моменты и задачи, которые НКПС должен был разрешить и разрешить в отчётный период и которые сейчас, как боевые задачи, стоят перед нами.

Общее состояние и работа сети. За это время сеть наша увеличилась на 4 346 вёрст — за счёт сети бывшей Дальне-Восточной республики. Перевозки за это время в общем и целом шли вперёд. В сентябре они определялись цифрой ежедневной погрузки в 10 515 вагонов, в октябре — 12 032, в ноябре — немножко снизились — 11 566, в декабре — 12 340. Программа, которую нам наметил Госплан в 202 млн. паровозовёрст, в календарном году будет превзойдена.

Что касается состояния паровозного парка, то оно следующее: 1 января 1922 г. больных паровозов было 61,6%, 1 января 1923 г. — 56,1. По капитальному ремонту в январе 1922 г. мы выпустили 48, а в декабре — 107 единиц, т. е. более чем в два раза. По месяцам капитальный ремонт был выполнен в следующих процентах: в октябре — 108, в ноябре — 110, в декабре — 117. Что касается ремонта пассажирских вагонов, то по капитальному ремонту в октябре выпущено 344%, в ноябре — 400%, в декабре — 421% от задания. По среднему ремонту мы отстали: замечается некоторая регрессия: в октябре — 91%, в ноябре — 88%, в декабре — 85%. На многих дорогах это определяется недостатком материалов. Ремонт товарных вагонов шёл так: октябрь по конвенцион-

ному осмотру — 85% задания, ноябрь — 103%, декабрь — 111%. В общем работа по товарным вагонам и общие результаты следующие: 1 июля [19]22 г. больных вагонов было 34,2%, 1 января 1923 г. процент больных вагонов снизился до 28,9. В настоящее время общее количество паровозов — 19 300, здоровых — 8 160, в работе — 6 200—6 300, в холодном резерве около 2 000.

Эти основные данные указывают, что транспорт за это время жил и боролся за своё существование.

Финансовое положение транспорта. Если мы перейдём к финансовому положению, то увидим, какая жестокая борьба должна была быть развёрнута со стороны органов транспорта, чтобы свести концы с концами и выполнить возложенные на него задачи. Уже прошла половина второго квартала, а годичный бюджет наш ещё не утверждён. Он только прошёл через бюджетное совещание НКФ и рассматривается в Госплане.

Этот бюджет был нами составлен в следующих выражениях: по расходной части — 640 млн. золотых руб. — в отличие от прошлого бюджета он составлен в золотых рублях — и в доходной части, исходя из расчёта тарифов, равных четырём пятым тарифов дввоенного времени, — 332 млн., т. е. мы свели бюджет с дефицитом в 308 млн. золотых рублей.

Составляя смету, мы исключили из смет дорог всё то, без чего можно обойтись, урезали их в максимальной степени и, таким образом, составили общую смету. НКФ подошёл к этому вопросу иначе. Он исходил из опыта январского (не нашего, а из опыта НКФ), т. е. он строил свои подсчёты, опираясь на практику предыдущих месяцев, исходя из увеличения провозного тарифа, и таким образом определял наш доход на данный месяц. При определении же расхода он брал те наши требования, которые

являются необходимыми, и урезывал их соответственно состоянию государственных средств. Значит, доходы наши подсчитывались по той фактической реальной работе, которую транспорт производил, а расходы основывались на подсчётах Наркомфина, а не наших реальных действительных расходах. На такую смету нам пришлось жить в январе месяце. Благодаря тому, что нам удалось доказать действительное положение транспорта и ту задолженность, которая вследствие этих методов Наркомфина образовалась на наших дорогах, — нам удалось для покрытия декабрьской задолженности получить 50 млн. знаками 1923 г. Благодаря тому участию, которое в этой кампании приняли и союзные органы, и партийные товарищи, нам удалось фонд заработной платы несколько повысить. Наркомфин определил наш расход в 810 млн., а доход в 600 млн., т. е. дефицит, остающийся для покрытия Наркомфином, оказался равным 210 млн. Из 210 млн. было забронировано на уголь, нефть, металл и отчасти на шпалы и дровозаготовки до 201 млн. По расписанию осталось бы 9 млн., которые мы должны были распределить между водниками, судоремонтом, портами, дать на дровозаготовки, содержать центральные учреждения и т. д. и из этой же суммы покрыть ту задолженность, которая оказалась на крайне слабых, нуждающихся дорогах. Благодаря величайшему нажиму нам удалось поднять бюджет с 810 до 892,5 млн., из них — в части заработной платы — на 27,5 млн.

Для того чтобы охарактеризовать, в каком тяжёлом положении мы находимся в связи с таким порядком финансирования, достаточно указать, что мы должны бросить на текущие эксплуатационные расходы тот кредит, который мы получили от Госбанка — 20 млн., и должны бросить на то же дело от 40 до

50 млн., которые мы должны были получить ещё в январе как оборотный капитал.

Мы полагали этот оборотный капитал направить на те дороги, которые могут поднять свой оборотный капитал по состоянию своего хозяйства. Конечно, вести такое хозяйство могут только те дороги, которые более или менее стоят на твёрдых ногах. В первую очередь мы дадим эти средства им. Но тут возникает разница между нами и Наркомфином в подходе к этому вопросу. Наркомфин полагает, что момент прибыльности наших отдельных дорог уже наступил; он говорит, что наше февральское расходное расписание было составлено таким образом, что расходы железных дорог, т. е. II § нашей сметы по эксплуатации железных дорог, плюс заработная плата составляли около 500 млн., тогда как доход всех железных дорог составлял по расчётам Наркомфина 600 млн. Это обозначало, что все наши дороги вместе взятые дали 100-миллионную прибыль. Это — миф, это — выдумка, это — иллюзия, ибо из этого положения вытекало, что у нас должен быть не только ряд доходных дорог, но должны быть и такие доходные дороги, которые должны своими доходами покрыть дефицитные дороги.

Для того чтобы охарактеризовать, какую долю принял на себя транспорт в покрытии расходов, я продемонстрирую следующую таблицу.

Если взять октябрь, то мы видим, что мы из своей выручки покрыли 50 % расхода. Наркомфин дал нам тоже 50 %. В ноябре месяце выручка составила от расходной сметы 60 %, а Наркомфин дал 40 %. В декабре выручка составляла уже меньшую часть, а именно — 57 %, а Наркомфин дал 43 %. Мы видим, что в ноябре Наркомфин покрыл 40 % наших расходов, а в декабре — 43 %. Эти 43 % получились

потому, что 5 января нам удалось получить на покрытие задолженности 50 млн.; после включения этих 50 млн. в нашу смету получается цифра 43%.

Если перейдём к январю, то мы увидим, что наша выручка составляла 63%, Наркомфин дал 37%. Что касается февраля, то первоначальное предположение было: дать нам из всей нашей сметы 28%, а остальные 72% покрыть выручкой. После того как нам удалось увеличить до 892 млн. нашу смету, дотация Наркомфина будет равняться 33%. Таким образом, Наркомфин нам давал: 50%, 40%, 43%, 37% и 33%, это за последние 5 месяцев.

Каков должен быть порядок финансирования? Он должен быть определённым. Мы должны составить нашу производственную программу не по нашим аппетитам, а по нашей необходимости и потребности, т. е., исходя из той работы транспорта, которую страна к нам предъявляет. Исходя из нашей минимальной потребности, мы должны составить нашу производственную программу, закрепить её, дать её железным дорогам для выполнения и корректива и поставить другой вопрос: может ли государство осуществить эту нашу минимальную производственную программу, исходя из того состояния государственной кассы, которое сейчас имеется?

Государство, учитывая значение транспорта, рассматривая те средства, которые у него имеются, должно дать нам максимально возможную для государства часть. Производственная программа — это одно; те средства, которые мы получаем от государства, — это другое. Ясно, что средства мы получаем меньшие, чем наши производственные программы. И дело транспорта, — дело, развивающее жизнь транспорта, который живёт, за это говорят все цифры, и мы все это знаем, — дело его изыскать эти необходимые средства.

Мы должны настаивать на том, чтобы мы перешли на так называемый сальдо-бюджет. Некоторые думают, что при переходе на сальдо-бюджет наши железные дороги смогут располагать средствами, как им заблагорассудится. Я решительно против этого. Сальдо-бюджет — это есть способ и метод, чтобы те средства, которые государство сможет сейчас отпустить, не понижали, не обрывали нашу производственную программу: производственная программа должна остаться и должна быть обязательной для каждой дороги. От этой программы дорога может отходить, только передвинув кредит в известных границах, в установленных пределах; кроме того, ясно, что те железные дороги, которые могут свести концы с концами, должны учитывать положение других железных дорог, и поэтому мы должны сказать совершенно определенно, что железные дороги должны платить % % отчисления в центральную кассу.

Нам необходимо перейти минимум на кварталный бюджет.

Каким же должен быть аппарат, в котором должны рассматриваться вопросы нашей производственной программы и наши сметы? Этим аппаратом должен быть финансово-контрольный комитет.

Топливный вопрос. В борьбе и поисках средств мы в первую очередь должны обратить свои взоры на топливо. По-моему, мы имеем выручку меньшую, чем могли бы иметь, потому что нет топлива, потому что мы должны покупать его на рынке, чтобы перевозить частные грузы, должны возить на топливе грузоотправителей, что ставит нас в полную зависимость от грузоотправителей. Топливо, в частности уголь, страшно дорого; оно обходится сейчас государству в 21 коп. золотом; стоит вопрос о том, чтобы

ещё увеличить эту цену, тогда как в довоенное время оно стоило от 8 до 12 коп. пуд.

Нам необходимо начать серьёзную, не на словах, а на деле, борьбу с пережогом, т. е. упорядочить наше топливное хозяйство. Основание для этой борьбы должно заключаться в том, чтобы служащие и рабочие транспорта сами были обеспечены топливом, хотя бы в минимальном, но достаточном размере. И тут вопрос о пережоге является простым балластом.

Этот коренной вопрос надо решить и решить окончательно.

Производительность труда и заработная плата. Затем следующий вопрос, который должен упорядочить наше хозяйство, это — поднятие производительности труда как мастерских, так и в движении. Я уже указывал, что производительность мастерских поднялась, по движению тоже почти все коэффициенты увеличились и улучшились. Но это достижение получено в связи с той кампанией, которая была нами предпринята по зарплате и по удовлетворению потребностей рабочих и служащих. Тут один вопрос, о котором я говорил на вашем съезде, остаётся и до сих пор. Это — несоответствие между работой, которую мы даём, и тем аппаратом, который у нас есть и без которого мы почти-что обойтись не можем.

Вопрос увеличения заработной платы должен быть вопросом сокращения штатов, приведения наших аппаратов в большее соответствие, чем это было до сих пор.

Дальше мы должны подходить к этому вопросу таким образом, чтобы вытеснить с транспорта всех хищников и примазавшихся. Мы сможем поставить себе определённые цели и в соответствии с ресурсами государства сможем определить, в каком проценте мы сократимся, каким образом поднимем уровень

жизни каждого рабочего и на какой процент должно быть увеличение общего фонда государства в связи с тем, что наша работа будет давать больший эффект.

Я хотел обратить внимание ещё на одно — на необходимость урегулирования источника наших доходов — провозных тарифов. Мы полагаем, что для избежания потерь от падения курса рубля и для избежания слишком резких повышений, вредных для грузооборота, необходимо принятие закона о механическом повышении тарифов соответственно падению курса рубля.

Организационные вопросы. Я не могу не остановиться на организационных вопросах и прежде всего на наших правлениях железных дорог. Надо сказать, что у нас начался самый жестокий поход против них, застрельщиками же этой кампании была РКИ.

Кто является врагами правлений? Врагами правлений являются многие начальники дорог и администраторы. Почему? Какому начальнику дороги приятно иметь на своей шее контроль? Никакому. До создания правлений ничего подобного не было, ведь контроль со стороны НКПС был далёкий, недействительный, и, конечно, для тех, кто желает жить бесконтрольно, — конечно, для них правления железных дорог не по душе.

Дальше, кто возражает против правлений? Против правлений возражает кое-кто и у нас в НКПС. У многих проявляется тенденция рассматривать эти правления как надстройку. Почему? Кому же приятно отдавать свою власть другому хозяйственному органу, который должен стать хозяином? Кому это приятно? Ясно, — это приятно только тем, кто видит цель создания правлений — укрепление и восстановление советского транспорта.

Наконец, у нас имеются ещё противники среди работников профсоюза, которые говорят: «Как на

него нажмёшь... на правление?.. Оно где-то в стороне, а начальник дороги тут, под боком, — я его подожду, а иногда и покомандовать вместо него могу». Есть такие тенденции кое-где и кое у кого, рассуждение здесь понятное: при правлениях тут как-то не так, потому что есть известный орган, который должен держать в своих руках всю хозяйственную сторону дела и от которого зависит распоряжение финансами дорог. Но если подходить к этому делу с точки зрения идеи и мысли, то я должен сказать, что наш советский транспорт будет жить, либо возглавляемый правлениями, либо он как таковой жить вовсе не будет, потому что восстановить из пепла нам транспорт, не имея подобранных людей, не имея хозоргана, нельзя.

НКПС требует некоторых дополнений. Как у нас построен комиссариат? У нас в комиссариате есть рабочие ячейки: ЦЭ — движение, ЦТ — тяга, ЦП — путь, ЦШ — телеграф, ЦФ — финансы, ЦХ — хозяйственно-материальное снабжение и т. д., одним словом, весь комиссариат разбит на функциональные части, и нет органов и ячеек, выражающих дороги как хозяйственную единицу в целом. Поэтому мне кажется, что когда мы переходим к вопросу о сметах отдельных дорог, когда мы уж перешли на путь децентрализации транспорта, мы должны иметь соответствующую форму этих единиц в НКПС, выражающую их. Эта форма выразилась пока в мысли создания особого совещания.

В заключение я хочу сказать, что мы сейчас живём во время для нас очень трудное, очень тяжёлое, но время хорошее, потому что перед нами поставлены конкретные, реальные задачи, которые мы должны разрешить.

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

Время словесных споров кончилось. Пленум Центрального Комитета нашей партии единодушно дал твёрдую директиву признать вопрос поднятия производительности труда основной нашей задачей. Надо перейти к делу. Вся ответственность за выполнение этой задачи падает на нас, хозяйственников, на всех, кому советская власть доверила руководство нашей государственной промышленностью. Колоссальная, тяжёлая работа, рассчитанная на долгие годы упорной борьбы, инициативы, преодоления миллионов препятствий. Кропотливая работа, как плановая, обнимающая всю промышленность, каждую отрасль, каждый трест и каждый завод, так вместе с темходящая до каждой детали и мелочи. И в перспективе — наш новый строй, сильный продуманным планом и коллективным творчеством и волей, обгоняющий своей производительностью труда и своей победой над силами природы старый анархический буржуазный мир и побеждающий его уже навсегда.

Вся сущность коммунизма и власти рабочих — в поднятии производительности труда на высшую ступень против капитализма.

Сейчас мы не изжили ещё опустошений, причинённых империалистической войной и белыми генералами помещиков, капиталистов и интервенционистов.

поднявших гражданскую войну, чтобы оставить государству рабочих и крестьян опустошённую страну.

Эти опустошения не только материальные. Эти опустошения коснулись и организации производства, и распределения, и обучения.

И нам приходится заново всё создавать. Об этом нельзя забывать. И как ни низок ещё достигнутый нами уровень, мы достигли уже огромнейших успехов, если вспомнить эти неслыханные опустошения. Это является залогом, что наш Союз Советских Социалистических Республик достигнет той цели, которую он себе сейчас поставил, как ни тяжела задача. Раз опасность замечена, вскрыта, раз задача определена и осознана — успех нашего дела обеспечен. Вскрытая опасность — медленный рост производительности труда, этого единственного источника всех наших средств и всей нашей мощи, производительности, не могущей удовлетворить всё растущие потребности страны — рабочих и крестьян, не могущей обеспечить роста реальной зарплаты и большего потребления крестьян путём удешевления изделий промышленности, как средств производства сельского хозяйства, так и предметов личного потребления. Эта вскрытая опасность грозит и рабочему, и крестьянину, и их союзу, если не будут приняты меры. Задача определена: *поднятие всеми мерами, доступными рабочему классу, держащему власть в государстве, производительности своего труда, расширение и удешевление своего производства.*

Меры, которые должны быть приняты, намечены в наших тезисах... Но тезисы не могут исчерпать всех мер, не могут предвидеть всех деталей и конкретных условий нашей чрезвычайно сложной и разнообразной хозяйственной обстановки. Намечаемые и преподанные нами меры даны для ориентировки —

для линии исканий. Задача изысканий мер реальных, не требующих для своего осуществления пока несуществующих в стране средств, мер, применимых на данном заводе, в данном тресте, — это *самостоятельная задача каждого хозяйственника*. Его задача проявить не только свою инициативу в этой области, но и содействовать всеми мерами проявлению и использованию творческой коллективной инициативы тех, кто работает у станка и чья мысль во время восьмичасовой тяжёлой работы направлена к тому, как улучшить дело, как дать в то же время при той же затрате сил и материалов больше продукции. Каждый хозяйственник должен знать лично вручённое ему дело, знать, какова у него производительность, каковы издержки, каковы цены, сравнить с довоенным временем, помня, что он производит для удовлетворения нужд страны, помня о тех задачах, которые страна перед ним ставит, а у нас есть часто руководители, которые сами не знают дела, не изучают его тщательно: знают это их аппараты да столы, в которых хранятся горы объёмистых докладов.

Тот, кто желает достигнуть действительных результатов, должен всё дело сам знать и изучать и не скрывать недостатков и теневых сторон, не закрывать на них глаза, а вскрыть недостатки и преодолеть их. И наших борцов на хозяйственном фронте не должно смущать злобное шипение и карканье врагов наших — белогвардейцев всех мастей, от черносотенцев до меньшевиков, которые пытаются вскрытыми нами же нашими недостатками порочить наш строй и каркать ему гибель. Это их шипение бесплодно. *Вся сила нашей пролетарской власти именно в том, что мы не скрываем своих ошибок, недостатков, наоборот, сами их вскрываем и гласно анализируем и, опираясь на сознание и волю миллионов, вовлекая в*

творчество эти миллионы, преодолеваем эти ошибки и недостатки и выходим победителями, идём вперёд быстрым темпом, в то время как враги наши всё более и более разлагаются, как смердящий труп.

В намеченной нами кампании за поднятие производительности труда *надо остерегаться прожектёрства*. Это прожектёрство может погубить всё дело. Лозунг *«внимание мелочам», «тщательная отделка деталей»* — при ясном сознании великой конечной цели, которая нами поставлена, должен стать лозунгом в этой кампании всех хозяйственников. Мы находимся ещё на столь низком уровне и потому, что у нас ещё много пренебрежения к этим мелочам. А между тем совокупность этих мелочей делает то, что труд обесценивается, результат его непропорционально мал по отношению к затраченным силам и материалам: этот результат поедается мелочами. В этих «мелочах» у нас больше всего безобразий. Они всем известны. Для примера приведу один факт: на одном заводе юга, требующем от государства огромных дотаций и жертв, от недосмотра в котельной мы терпели ежедневную потерю, не замечаемую долго вследствие небрежности, до 2 тыс. рублей в день. Благодаря такой небрежности, благодаря невниманию к мелочам, мы теряем сотни миллионов, и производительность так низка.

Часто многие говорят: вот дайте мне столько-то миллионов оборотных средств, дайте столько-то на улучшение и восстановление технического оборудования, тогда я дам вам требуемый результат. Такая постановка в корне неправильна, она свидетельствует, что эти товарищи не сознают реальной обстановки и своей задачи. У нас сейчас этих средств нет. Их именно надо создать — в этом ведь самая задача. Единственный источник это и есть поднятие произво-

дительности труда при той технике и при тех средствах, которые имеются. Надо улучшать организацию труда и производства на существующей технической и финансовой базе, которая в процессе этого улучшения и сама будет расширяться и укрепляться. Какими путями? И вот здесь некоторыми поднят совершенно *бесплодный для дела спор* об интенсивности труда или о введении технических улучшений. Товарищ Сарабьянов совершенно прав, когда в своей статье в «Правде» квалифицировал такую постановку с *«или — или»* метафизикой. Но от всякой метафизики, как и от всякого тумана и мутной воды, *для пролетарского дела только вред*. В самом деле, если бы так вопрос стоял, выполнение поставленной задачи было бы безнадёжно. Мы попали бы в заколдованный круг: средств на технические улучшения нет, личная интенсивность и инициатива уже достигли пределов. Полная безнадёжность, не отвечающая правде жизни! Для того, чтобы получить средства на необходимое улучшение техники, необходимо увеличение личных усилий всех участников производства *как* в смысле прямой интенсивности труда, *так* и его большей организованности и большей личной выучки — квалификации. И когда у нас говорят, что в личной интенсивности в общем мы уже достигли пределов, говорят прямую неправду. Это каждый в живой жизни знает. Спросите же заграничного рабочего, сравните его интенсивность с нашей, и вы увидите поразительно низкую нашу интенсивность. Указание на то, что за границей — капиталистический строй, а у нас — советский, не может быть в пользу нашей низкой интенсивности. Ибо наш труд должен восстановить хозяйство и мощь Советского государства, т. е. самих же рабочих и крестьян, а не капиталистов, ибо чем выше социальный строй, тем выше в нём должна быть

интенсивность труда. Наша низкая интенсивность во вред самим рабочим и крестьянам и на пользу нашим врагам, капиталистам, окружающим нас стальным кольцом. Восьмичасовой рабочий день — величайшее завоевание революции, долженствующий дать бóльшую продукцию, чем рабский 10—12-часовой рабочий день, у нас сплошь и рядом не заполняется полезной работой, сокращается в начале и в конце дня, сокращается отлучками в середине дня, разрывается ими на много кусочков, и в результате производительность этого рабочего дня сплошь и рядом не только не выше 10—12-часового рабочего дня, но гораздо ниже, частью ниже даже выработки 8 часов из рабских 10—12 часов. И говорить при этом, что мы достигли в общем довоенной интенсивности — прямая неправда, вредная неправда, несущая в результате безнадёжность — откуда черпать силы и средства для удовлетворения растущих потребностей рабочих и всего населения. И те хозяйственники, которые, сравнивая нашу интенсивность и производительность труда с довоенной, сравнивают выработку на час, а не на весь рабочий день, не на весь месяц, не на весь год, совершают большую ошибку. Наш короткий восьмичасовой день должен дать не меньше, чем старый 10—12-часовой, а *больше*, ибо, работая 8 часов в день, рабочий сохраняет больше сил и может больше сосредоточиться на работе. Восьмичасовой рабочий день должен дать не меньше, а больше, ибо этот труд должен обеспечить потребности рабочего и государства, жизнь которых и потребности не укоротились при восьмичасовом рабочем дне, а составляют в сутки всё те же 24 часа. Восьмичасовой рабочий день должен у нас дать *больше*, ибо мы должны восстановить разрушенное войнами государство для пользы рабочих и крестьян.

Вопрос интенсивности труда ярко и широко охвачен и сформулирован по докладу т. Куйбышева 2-й Всесоюзной конференцией по НОТ при единодушной поддержке всех присутствующих на конференции работников как по хозяйственной, так и по профессиональной линии. Вот что сказала конференция:

«Мы живём в условиях государственного капитализма, в условиях конкурентной борьбы государственного капитала с частным, причём мощь национализированной промышленности, и без того технически несовершенной, подорвана мировой и гражданской войной. В этой обстановке тягчайшей экономической борьбы пролетарское государство вынуждено брать на свои плечи целый ряд задач, без выполнения которых оно не было бы пролетарским государством и не могло бы существовать как таковое. Мы вынуждены к экономической борьбе (а не к сотрудничеству) с капиталистическим Западом, мы должны взять на себя задачу смычки государственной промышленности с сельским хозяйством, в которой находит себе отражение союз двух классов, обеспечивающий успех победы революции. При такой политической и экономической ситуации является ребячеством или непониманием задач рабочего класса, или замаскированной борьбой с пролетарской диктатурой пренебрежение к вопросам повышения продуктивности живого человеческого труда в стране, где этот живой труд играет колоссальную роль в силу слабого развития техники.

В этой обстановке рабочее государство должно заимствовать из попыток западноевропейских и американских инженеров все положительные стороны их деятельности, игнорируя капиталистическую накипь на их работе. Это указал ещё в 1918 г. тов. Ленин. Он писал в «Очередных задачах советской власти»:

«На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора». И дальше: «Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее». Конечно, ударе-ние в работе при увеличении продуктивности жи-вого человеческого труда в условиях Советского государства мы должны делать на повышение ква-лификации труда и улучшение его качества путём применения добытых наукой и практикой приёмов работ, экономящих затрату человеческой энергии. Но было бы ошибкой принципиально отрицать возмож-ность повышения интенсификации труда в тех обла-стях промышленности, где современный уровень интенсификации труда отстаёт от соответствующего уровня в капиталистических странах. Повышение интенсификации труда при условии диктатуры про-летариата не является эксплуатацией рабочего клас-са, а лишь усилиями самого рабочего класса в деле отстаивания завоёванных им у буржуазии экономи-ческих позиций».

В нашей низкой производительности труда и да-леко не достаточной интенсивности безусловно немало виноваты те, кому вверено руководство и организация нашей промышленности на всех её стадиях, начиная от мастера в цехе и кончая правлением треста и его председателем. Нередко, опасаясь мелких и крупных личных неприятностей, забывают интересы дела, ин-тересы класса и государства и смотрят сквозь пальцы на недочёты, которые нельзя исправить без предъ-явления к работающим жёстких требований — выпол-нения долга. Очень часто скрывают эти недочёты и не выявляют их, тогда как часто для того, чтобы прекратить зло, достаточно его выявить. И в самом

деле, если бы мы, хозяйственники, в этом вопросе были на высоте задачи, разве надо было бы потратить столько времени и сил для споров, для доказательства бесспорной для каждого практика истины, что производительность труда у нас безобразно низка, и что рост её далеко отстал от роста заработной платы? Хозяйственник должен иметь мужество — на каком бы посту он ни был — *говорить громко правду, то, что есть, он должен быть борцом за рабоче-крестьянское государство, он должен подвести материальную базу для удовлетворения нужд рабочих и крестьян и создания материальной мощи государства. Это наша прямая задача. Без борьбы её выполнить нельзя.*

Наконец, не надо никогда забывать, что производительность и интенсивность, загрузка рабочего дня зависят не только от воли рабочих, но в очень большой мере зависят от правильной организации труда и производства, предусматривающей все детали, все условия, умеющей их сочетать так, чтобы дать максимальный результат. Ответственность за эту организацию возложена на нас целиком. Об этом не нужно никогда забывать и не следует нам, хозяйственникам, винить за недостаточность работы в этом направлении, за её неуспешность кого-то другого. *Рабочее государство на нас возложило эту обязанность, и мы её должны выполнить.* Сейчас мы получили высшую поддержку в этой работе — *поддержку партии*, мы должны *завоевать поддержку масс и профсоюзов*, завоевать своей настойчивостью и преданностью делу восстановления и развития пролетарской промышленности.

За великое дело, товарищи!

О ЗАДАЧАХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА

ИЗ РЕЧИ НА СОБРАНИИ ТОВАРИЩЕЙ
ПО ТРЁХЛЕТНЕЙ РАБОТЕ НА ТРАНСПОРТЕ,
В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА РАБОТУ В ВСНХ,

9 ФЕВРАЛЯ 1924 г.

Товарищи! Новый пост, на который меня назначили, это — пост высокоответственный, на котором мне предстоит работа, к которой я так же мало подготовлен, как это было три года тому назад, когда меня, по предложению Владимира Ильича, правительство назначило народным комиссаром путей сообщения.

Если оглянуться сейчас на эти прошедшие три года, то надо будет сказать, что первый год я как активный руководитель транспорта почти что не существовал. Припомните то время, когда мне приходилось на заседаниях коллегии учиться у вас тому, что такое капитальный или средний ремонт, что такое техническая, коммерческая и другие скорости, что такое целый ряд других коэффициентов и измерителей, не зная которых нельзя ни в какой мере управлять транспортом.

Но я имел тогда смелость, будучи народным комиссаром путей сообщения, учиться и приобретать необходимые мне знания. Это может позволить себе только пролетарская советская республика назначать наркомы или, как раньше это называлось, министрами людей, которые имеют твёрдую, железную волю учиться и побеждать, не зная ещё самого дела и рассчитывая на то, что те люди, те работники и товарищи, которые непосредственно руководят этим делом, научат и воспитают из своего наркома достойного работника, в данном случае — транспорта.

И когда я слышу здесь похвалы мне и речи о моих заслугах, я должен сказать, что это величай-

шее и огромное преувеличение. Я говорю это не из скромности, а потому, что надо всем работникам дать себе ясный и точный ответ, какие рычаги двигают и двигали вперёд наш транспорт. Первой причиной в данном случае была та, что во главе Народного комиссариата путей сообщения был человек, которому советская власть и правящая партия доверяли. Это есть первое необходимое условие.

Второе условие — это то, чтобы данное лицо, поставленное на этот пост, понимало, что надо учиться делу, что надо заслужить непосредственное доверие всех тех, кто фактически строит и кто фактически может построить правильную работу и может уничтожить ту разруху, которая в то время была и отчасти ещё не изжита. Сила нашего построения управления заключалась в том, что был вызван к сознательной творческой жизни и привлечён на непосредственную работу пролетариат транспорта.

Мы вышли из состояния гражданской войны, когда в среде железнодорожников оказалась расщелька между специалистами, коммунистами и рабочими. Эта расщелька была наследием гражданской войны и находила себе опору в бедности нашей страны.

И вот для того, чтобы восстановить транспорт, мы, коммунисты, упразднив институт комиссаров, заключили договор именно с теми, контролёрами которых были комиссары, установив, что мы должны попытаться составить единое целое, единую волю для создания и воссоздания нашего советского транспорта.

Одной из основных причин недостаточных ещё результатов воссоздания нашего советского транспорта была та, что мы стали сознавать, что транспорт не может быть тем, чем он был в эпоху до-военную, в эпоху дореволюционную.

Мы решили, что транспорт может и должен выйти из рамок чисто транспортных, должен ставить перед собой общие вопросы и общие задачи.

Естественно, что при таком положении транспорта в общей системе народного хозяйства, при том положении, когда нам пришлось вести борьбу по общей линии и за удешевление топлива, и за удешевление металла, и за увеличение добычи руды, нет ничего удивительного в том, что наше правительство — главу того ведомства, которое имело в своём поле зрения все недостатки центральных отраслей народного хозяйства, взяло и назначило руководить Высшим Советом Народного Хозяйства.

...Я спрашиваю себя: смогу ли я с той проблемой, с той задачей, которую я поставил перед Советом Труда и Оборона, справиться? И когда здесь в приветствиях некоторых товарищей была высказана уверенность, что я справлюсь с этой задачей, то должен сказать, что я лично не имею такой уверенности, не имею... если вы, товарищи, и в НКПС и во всех органах на местах не поможете нам в том, чтобы Высший Совет Народного Хозяйства совместно с транспортом в своей практической работе и в своей политической жизни могли встать на высоту государственного разрешения вопросов.

Мы соприкасаемся с металлом и нефтью, соприкасаемся с целым рядом отраслей народного хозяйства. И тем товарищам, которые надеются, что Дзержинский будет союзником транспорта в ВСНХ, я отвечаю, что этот блок, этот союз будет осуществим, должен быть осуществим в первую очередь со стороны транспорта по отношению к Высшему Совету Народного Хозяйства. Вы должны будете оказать эту поддержку.

Мне кажется, что нам нужно будет создать орган нашего блока, нашей взаимной поддержки. Этот орган

должен будет поставить своей первой задачей выявление наших недостатков, выявление наших недочётов.

Тот блок, за который я давно ратовал, те задачи, которые стоят перед транспортом и ВСНХ в объективных условиях, в которых нам придётся жить, помогут претворить мечту, мысль и надежду, которые мы имеем, в действительное и реальное дело. Цели транспорта и цели ВСНХ СССР, цели всей промышленности — одни и те же. И те товарищи, которые иногда высказывались в прессе, что интересы промышленности и транспорта противоречивы — те товарищи неправильно подходят к данному вопросу. Они противоречивы лишь тогда, когда подходят к разрешению этих задач с точки зрения мелочей, преходящих интересов, с точки зрения ведомства. Точно так же мы можем найти целый ряд противоречий между одним видом транспорта и другим, между одной железной дорогой и другой. Я думаю, что идея блока, идея единства социалистического хозяйства должна быть и вами, и отдельными трестами, и отдельными отраслями народного хозяйства, находящимися в ВСНХ, поддержана. Тогда эта идея воплотится в жизнь, и по мере её осуществления будет возрождаться всё наше народное хозяйство.

Поэтому, товарищи, уходя на совершенно новое дело, я надеюсь, что при той поддержке, которую я буду иметь со стороны сотрудников и работников ВСНХ, какую я имел со стороны работников транспорта, когда меня назначили наркомом путей сообщения, мы, имея одну цель, одни задачи и будучи органически связаны интересами, сознавая необходимость единства всего нашего социалистического хозяйства, находясь в разных рамках различных организаций, будем соприкасаться и взаимно помогать друг другу и в текущей жизни сойдёмся у одной и

той же цели, ведущей к тому, чтобы транспорт и промышленность могли сказать крестьянам: отныне мы не живём высокими непосильными ценами на наши изделия.

...При объединённой работе, при полной поддержке, не для сокрытия своих недочётов и недостатков, а с целью преодоления их, мы выполним то задание, которое история на нас возложила.

«Торгово-промышленная газета» № 34
от 12 февраля 1924 г.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВА И ИНИЦИАТИВА РАБОТНИКА

**ИЗ РЕЧИ НА ПЛЕНУМЕ СОВЕТА СЪЕЗДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И ТОРГОВЛИ 23 ФЕВРАЛЯ 1924 г.**

Без определённого бюрократического аппарата, который работал бы с точностью часового механизма, управлять нельзя. ВСНХ должен быть таким точным аппаратом. Он должен быть укреплён и усилен, но, вместе с тем, то, что создаёт жизнь, не есть аппарат. Жизнь создаёт мысль и волю; жизнь и силу создаёт коммунистическая воля, воля советская, и осознание той задачи, которая перед нами стоит. Вот почему не может быть никакого аппарата без этой мысли, без этой инициативы, без этой силы воли работника. Никакой аппарат не может выполнить то, что может выполнить только эта воля, только эта мысль.

Поэтому я думаю, что нельзя иначе руководить, нельзя иначе управлять таким большим, колоссально огромным делом, как ВСНХ, как только путём полного доверия к работникам, которые назначены с нами и которым в руки дана ответственность за отрасль, во главе которой они стоят. Тут должен быть применён принцип огромной централизации мысли, основной линии, без всяких уклонов.

Я говорю об общей линии. Централизм здесь должен быть жёстким, но вместе с тем система управления не может быть проводима путём приказов. Линия эта должна покоиться на доверии, т. е. на децентрализации. Тот, кому поручен трест, вручена организация того или иного местного органа, должен иметь и всё доверие, и всю ответственность, и возможность проявления инициативы. Политика проведения общей линии, политика руководства как хозяйственного, так и общего не может укладываться в строгие приказы «быть по сему».

Для того чтобы наш центральный аппарат действовал с точностью часового механизма, места должны иметь право возвышать голос и возражать, если они находят, что работа идёт не так, как следует, и если вместо организации вносится дезорганизация; нельзя так слепо думать, что всё, что исходит из центра, хорошо. Я, будучи на транспорте, указывал уполномоченным Наркомпути на дорогах, что они должны иметь право обращения и к наркому, и к заместителю его, и вообще к кому следует с тем, чтобы иметь возможность действовать не точно по приказу, а как подсказывает жизнь, практика, ибо часто бывает, что приказ приводит к совсем другим действиям, чем ожидалось от данного приказа.

Эти права не должны писаться в конституции на договорных основаниях, но должны вытекать из сознания полной ответственности.

...В заключение я хочу сказать о себе. Я сейчас должен учиться делу и должен учиться этому от вас. Если я научусь, то этим я оправдаю то доверие, которое выразило мне правительство. Но это возможно лишь в том случае, если вы поможете приобрести мне те знания, без которых стоять во главе такого большого комиссариата невозможно.

Я надеюсь, что руководимые одною общей мыслью — восстановить нашу государственную промышленность и желанием составить на этой почве дружную семью товарищей, которым дано столь ответственное дело, мы с задачей нашей справимся.

«Торгово-промышленная газета» № 45
от 24 февраля 1924 г.

О ПРОМРАБОТЕ ВУЗОВЦЕВ В ВСНХ

Для работы в ВСНХ через ЦК партии было направлено 75 студентов, оканчивавших в 1924 году ВУЗ.

Методы и цель привлечения вузовцев к работе в ВСНХ Ф. Э. Дзержинский в специальной директиве определил так: *«Их нужно не только распределить, но каждого из них узнать, проинструктировать, завязать с ними прочную связь и давать указания уже в процессе самой работы. Главная их задача — учиться делать самому, учиться видеть и анализировать, учиться вышкивать всё то, что способно поднять производительность, достигнуть и перешагнуть за границу, имея всегда в перспективе великую цель и великую задачу».*

«Торгово-промышленная газета» № 229
от 8 октября 1924 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ПРАВЛЕНИЯМ СИНДИКАТОВ, ТРЕСТОВ И КРАСНЫМ ДИРЕКТОРАМ¹

...Промышленность наша, это — база нашего строящегося социалистического государства. От успехов нашей промышленности, от её развития зависит укрепление союза рабочих и крестьян, мощь советской власти.

¹ Печатается с сокращениями.

База этого союза, его неперемное условие — всё расширяющееся производство изделий широкого потребления, всё возрастающее их удешевление, а значит, и орудий их производства и передвижения (тяжёлая индустрия). База этого союза и нового коммунистического общества — производство. Но точно так же, как в октябрьские дни победа рабочих и крестьян была обеспечена их полной жертв активностью и сознательностью, так и на фронте производства, в условиях господства рабочих и низвержения буржуазии и её собственности на фабрики и заводы, только активное и сознательное участие широких рабочих масс может нам обеспечить победу. Кто из хозяйственников этого не понимает, кто не ставит себе в своей практической повседневной работе этой задачи — вовлечения этих масс в число сознательных участников производства, — тому не укрепить, не наладить нашей государственной промышленности.

Сотни тысяч рабочих от станка откликнулись на зов заменить нашего вождя, когда его не стало. Ленинский призыв — вот ваша база, ваша опора; ваша первейшая обязанность стать во главе его на производственном фронте, воспитать из него сознательных борцов на этом фронте.

...У нас хозяйственники часто находятся во власти совершенно вредной идеи, покоящейся, быть может, на излишнем самомнении и проистекающей от нашей общей малокультурности, что всякое вмешательство и критика организации их производства организациями, не составляющими казённый аппарат заводоуправления, а также рабочими массами, есть элемент, разлагающий производство и мешающий хозяйственнику нести полную ответственность за порученное ему дело.

Так могут думать товарищи, не отдающие себе отчёта в той огромной роли, какую коллективное

творчество масс и их организаций — партия, профсоюзы и т. п. — играют во всех без исключения областях рабочего государства. Директор завода в рабочем государстве поставлен в неизмеримо лучшие условия, чем его предшественник в буржуазном государстве, ибо этот последний мог встречать со стороны всех участников производства либо формальное отношение к своим начинаниям, либо отношение совершенно враждебное, ибо цели старого директора и работавших в предприятии были диаметрально противоположны. Красный же директор имеет на своей стороне моральную поддержку рабочих масс, и это избавляет его от многих ошибок и неудач, которые были бы неизбежны, если бы он был совершенно одинок.

Но чтобы выявить эту сознательность и активность рабочих масс к улучшению производства, не надо бояться критики, не надо затушёвывать недостатки, наоборот, надо облегчать их выявление и не видеть во всём дискредитирования. Дискредитирован может быть только тот, кто скрывает свои недостатки, кто со злом не желает бороться, т. е. тот, кто и должен быть дискредитирован. Надо уметь видеть правду и воспринимать её от масс и от всех участников производства. Нет ничего хуже самопохвалы и самодовольства. Итти вперёд можно лишь тогда, когда шаг за шагом отыскиваешь зло и преодолеваешь его. Вместе с тем надо покончить с установившейся у нас практикой подлаживания к массе, к рабочим. Надо помнить, что у нас рабочие, как и мы сами, ещё не культурны, что у них часто групповые интересы преобладают над интересами всего рабочего класса, часто недостаточно сознают, что только их полезный труд, продуктивность их труда могут создать коммунистическое государство, сохранить их советскую власть. Каждый хозяйственник должен вести

борьбу за завоевание авторитета и доверия рабочих масс, но борьба за это доверие никоим образом не должна пользоваться орудием демагогии, подлажива-ния к массам, удовлетворения их, в ущерб и за счёт государства, за счёт интересов союза с крестьянством, местных требований. Этот путь демагогии самый, пожалуй, вредный путь, усыпляющий массы, отталкивающий их от основных задач рабочего класса в производстве, умаляющий те жертвы, которые рабочим классом принесены, и в конечном счёте губящий нашу промышленность.

Эта увязка с массами, это участие в работах комиссий или производственно-технических совещаний, или в организациях другой формы не означает отнюдь, что с вас как с хозяйственников снимается единоличная ответственность или что эти комиссии приобретают административные или какие-либо распорядительные функции. Вся ответственность и дальше лежит на вас, и только вы имеете право распоряжаться. Но вы приобретаете при этом условии возможность увязки всех вопросов производства с рабочими массами и не только огромный опыт, увеличенный опытом тех, кто работает у станка, но и колоссальную силу, потому что ваши распоряжения не будут только голыми, бюрократическими приказами, а будут поддержаны и проведены в жизнь всеми участниками производства. В этом методе работы заключается также могущественнейшее средство воспитания малосознательных, отсталых рабочих масс и проявления в них сознательного отношения к производственным заданиям.

Председатель ВСНХ СССР *Ф. Дзержинский*.

18 июня 1924 г.

*Торгово-промышленная газета № 136
от 19 июня 1924 г.

К ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ ВЫСШЕЙ ПОГРАНИЧНОЙ ШКОЛЫ

В вашем лице граница получает командиров-чекистов, впервые в наших условиях получивших теоретическую подготовку.

На Пограничную охрану республика возлагает большую, ответственную задачу. Особенно теперь, когда после поражения врагов на внешних военных фронтах, после разгрома внутренней контрреволюции, попыток уничтожить советскую власть изнутри, началась полоса признаний Союза капиталистическими государствами, когда многим кажется, что все трудности пройдены и остались позади, что наступило время нашей творческой работы в более благоприятных и спокойных условиях. В это именно время наши органы, и в частности Пограничная охрана, должны быть особенно на чеку.

Грузинская авантюра — ещё одно лишнее доказательство, что международный капитал продолжает попытки сорвать нашу тяжёлую, кропотливую работу по воссозданию союзного хозяйства.

Ограждать страну от проникновения агентов международного капитала, их шпионов, организаторов восстаний, поджигателей, взрывателей; пресекать в корне попытки экономической контрабандой сорвать монополию внешней торговли — вот основные задачи, которые лежат перед вами и Пограничной охраной в целом.

Вы возвращаетесь на границу, когда черновая работа по упорядочению дела охраны уже выполнена; однако вам предстоит ещё долгое время работать в тяжёлых условиях, с удесятёрённой энергией, чтобы в кратчайший срок с минимальными затратами материальных средств (которых в Республике так мало),

сберегая каждую копейку, поставить работу Пограничной охраны на должную высоту.

Чекист-командир и политработник, служащий примером преданности делу рабочего класса, передающий свои знания младшим товарищам, неустанно пополняющий собственные познания, чтобы лучше справиться с порученным делом, помнящий всегда, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата, — вот каким хочет видеть вас партия и советская власть.

Ф. Дзержинский.

Москва,

сентябрь 1924 г.

Музей войск НКВД СССР.

1925 год

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ ВСЕСОЮЗНОГО
СЪЕЗДА МЕСТНЫХ ТОРГОВ¹

1 апреля 1925 г..

РОЛЬ ТОРГОВЛИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Товарищи! Я бы хотел в своём приветственном слове остановиться на тех главнейших задачах, которые стоят перед всей нашей страной и перед вами в частности в той области, которой вы специально занимаетесь, — в области торговли.

Научились ли мы этому делу, как нас учил Владимир Ильич? Мне кажется, что здесь мы все вместе и каждый из нас порознь должны будем сказать, что в этой области мы научились меньше всего; в этой области нас бьют ещё больше всего, в этой области мы ещё ходим ощупью и ищем путей, которые должны привести нас к позициям, которые мы себе ставим как цель. В самом деле, что такое торговля при новой экономической политике в Советском государстве, в государстве союза пролетариата с крестьянством? При капиталистическом строе торговля имеет целью наживу, обогащение, увеличение торгового капитала как самодовлеющей силы. *(При советском строе торговля является основным механизмом, осуществляющим смычку рабочих национализированной государственной промышленности с многомиллионным*

¹ Печатается с сокращениями.

крестьянством. Наш торговый аппарат должен содействовать осуществлению правильного, с точки зрения принципов союза рабочих и крестьян, распределения национального дохода. Вместе с тем, *товарообмен между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством должен явиться одним из основных побудителей для развития товарности хозяйства*, т. е. в условиях Советского государства побудителем развития увеличения потребления. Ибо в условиях новой экономической политики, как переходной стадии к социалистическому хозяйству, *увеличение товарооборота и товарообмена является, вместе с тем, увеличением потребления*. Расширение потребления, в свою очередь, является необходимым условием для дальнейшего развёртывания производства. Таким образом, торговля в условиях советского хозяйства является основным рычагом для укрепления смычки и для усиления нашего строя.

НАШИ УСПЕХИ ЕЩЁ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫ

Между тем именно в этой области мы больше всего отстали, здесь мы можем похвалиться минимальными достижениями. И мне кажется, что на таких съездах и таких собраниях нам нужно прежде всего указывать не только и не столько на те успехи, которые имеются по сравнению с прошлым и позапрошлым годом или по сравнению с тем, какой у нас был товарообмен и распределение в эпоху военного коммунизма. *Ясно, что если мы будем устанавливать динамику от нуля, то тогда, при самых низких абсолютных величинах, мы получим как будто бы большой темп развития*. Если же дело рассматривать с точки зрения действительных достижений, то мы должны признаться, что успехи наши в этой области самые минимальные как в отношении материальных

успехов, так и идейных, организационных, в смысле понимания линии, в смысле увязки торговых аппаратов между собой, увязки торговли с промышленностью и с другими отраслями хозяйства. От увязки и фактической, и идеологической *мы ещё очень далеки в сравнении с тем, что должно было быть.*

Мы наблюдаем в области торговли, в гораздо большей степени, чем в области промышленности, взаимную конкуренцию, большую распылённость, большую замкнутость и большой идейный разброд, что препятствует нормальному развитию товарооборота. Достаточно указать на тот факт, что до сих пор не решено, при ком же быть торгам и местной торговле, — при Комвнупорге или при ВСНХ? И должен сказать, что многие товарищи с мест подходят к этому вопросу не с принципиальной стороны.

Между тем правильное решение вопроса затрудняется прежде всего благодаря незнанию того, что из себя представляют эти местные торги, какое они имеют лицо, какие они имеют функции. Это показывает, насколько ещё отстало у нас важнейшее дело государственного значения, — дело торговой организации и торговли, осуществляющей смычку с крестьянством.

Я думаю, что съезд ваш выполнил бы девять десятых своих заданий, если бы он установил те недочёты, которые существуют в нашей торговой деятельности, выявил бы их и таким образом положил бы основу для того, чтобы эти недостатки, эти дефекты изжить.

В ЧЁМ НАША СИЛА

Наша сила заключается именно в том, что мы болячек наших не скрываем, ибо перед нами стоят колоссальнейшие, огромнейшие задания и цели. И только сознавая эти цели в мировом масштабе, мы можем открыто выявить все наши недочёты. Бе-

логвардейцы и западноевропейские наши конкуренты не понимают этого и очень часто именно меня, который вёл кампанию за поднятие производительности труда, который выявляет в металлопромышленности и в других отраслях промышленности болячки, — меня провозглашали в белогвардейской прессе своим союзником; думаю, что от таких союзников им не поздоровится (с м е х).

Так же, как говорится, «что русскому здорово, то немцу смерть», — так же мы можем сказать сейчас: то, «что советскому строю здорово, то буржуазному каюк», — и мы эту роскошь выявления недочётов позволить себе можем.

В области торговли сплошь и рядом раздаются нарекания на недостаток капиталов. Я думаю, что съезд ваш присоединит ещё один голос к этому сонму криков о недостатке средств. Но я хотел бы указать, что дело не в том, что у нас недостаток средств, а прежде всего в том, что мы ещё не научились имеющиеся средства достаточно гибко использовать. Для большевиков, для нашей страны средства не являются той исходной величиной, на основе которой только и можно строить. При правильной нашей политике необходимые нам средства могут быть получены нашими собственными усилиями. Бытие определяет сознание, а историю делают руки человеческие, — и октябрьский переворот показал, что может сделать воля, сплочённая воля и единство действия рабочего класса.

Вы помните пророчества буржуазных учёных относительно гибели наших железных дорог и всей нашей промышленности, о тех баснословных суммах, которые, по их расчётам, необходимы были для восстановления нашего хозяйства, — а мы всё-таки, несмотря на все их пророчества, живём и двигаемся вперёд.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА — УДЕШЕВЛЕНИЕ ТОВАРОВ

Точно так же, когда сейчас конкретно и реально перед нами встаёт задача товарообращения, *мы не должны сосредоточивать своего внимания на жалобах о том, что «нет средств», а должны действительно реально поработать над тем, как эти средства найти.* И мне кажется, что средства у нас, в стране с 135-миллионным населением, должны найтись, если мы сумеем их искать. А как их искать? Средства могут быть тогда, когда население может иметь сбережения. Сбережения населения и есть тот источник и налоговых и всяких других доходов, откуда можно черпать средства для возрождения страны. Сбережений тем больше, чем дешевле жизнь. Чем больше сбережений, тем в большей степени государственная промышленность и торговля получают большую естественную базу для своего развития. И надо спросить: *что в этой области, в области сбережений населения, в области удешевления жизни, — что сделано нами в области снижения торговых расходов и что можно сделать?* И здесь надо совершенно определённо сказать: именно в этой области более всего сказываются недочёты нашей работы.

Мы знаем, что кое-чем в области развёртывания производства, кое-чем в области сокращения производственной себестоимости мы похвастаться можем. Снижение оптовых цен вам известно. Мы можем кое-чем похвастаться и в расширении производства и в перспективах, которые создаются на почве удешевления, на почве уменьшения себестоимости. В области же торговли, к сожалению, похвастаться многим нельзя. Кто отвечает за розницу? Почему розничные цены отстают от темпа снижения отпускных оптовых цен? Этот факт ясно показывает, что *наш торговый аппарат не уяснил себе своих реальных,*

действительных задач. Если бы было иначе, то мы не имели бы этого ужасного расхождения розничных и оптовых цен.

Говорят — зачем стремиться к уменьшению розничных цен, когда и при той рознице, которая сейчас имеется, мы товар свой распродаём? Это не наша точка зрения, это не советская точка зрения, это буржуазная точка зрения, основанная на идеологии мелкого торговца.

К сожалению, такая идеология, такая традиция от старого строя у нас ещё осталась. У нас во многих учреждениях остался такой взгляд: «продаём свои товары, — ну и слава богу. Берут — и ладно». Даже возражают против того, чтобы снижать, — зачем снижать цены, когда и по этим ценам товар берут. Мне такой подход кажется неправильным. Такая точка зрения неправильна, ибо, *когда сейчас нам говорят про ликвидированный товарный голод, про то, что мы уже подходим к равновесию между спросом и потреблением, — то это неверно.* Утверждаю, что это схоластическая точка зрения, а не боевая, не марксистская, и не наша, не советская.

Вы помните, осенью 1923 г. у нас склады сельскохозяйственных машин были переполнены, некуда машин было девать? Вы помните, как президиум ВСНХ и Госплан принимали постановления относительно запрещения под страхом суда расширения этой промышленности? И тем не менее, в тот момент, когда был принят декрет относительно снижения цен на сельскохозяйственные машины до уровня довоенных, то оказалось, что у нас в стране величайший, неслыханный голод, и что мы должны огромное количество машин привозить из-за границы.

Ясно, что задача нашей торговли и нашей промышленности заключается не в удовлетворении тог

или иного завода, торго или синдиката тем, что он может полностью продать по сходным для него ценам, — *а наша задача развивать потребление, наша задача развивать потребности страны. А этого мы можем достигнуть единственным, самым лучшим путём — путём удешевления товаров.*

При удешевлении, я повторяю, основная база — уровень жизни крестьянства и рабочих — повышается, сбережения увеличиваются, — а это и *есть та финансовая база, которая нам нужна.* Ибо, что такое капитал, что такое те средства, в которых мы нуждаемся? Это — кристаллизованный труд. Совершенно ясно, что когда население может частицу своего труда не съесть сразу, а откладывать, то оно создаёт ту финансовую базу, которая нам необходима, без которой мы не можем развиваться и существовать.

НАШ ТОРГОВЫЙ АППАРАТ СЛИШКОМ ДОРОГ

Когда некоторые из вас будут жаловаться и ссылаться на то, что у нас нет достаточных средств, то *надо спросить себя, не есть ли дороговизна нашей работы одна из причин недостатка средств?* Надо спросить себя, сколько же стоит стране этот наш торговый советский аппарат? Правда, я не думал, что наш торговый аппарат стоит так много, как это теперь выяснилось.

Недавно в СТО Попов докладывал о народном балансе, национальном доходе, чистой продукции без расхода на сырьё, топливо, материалы и амортизацию.

Как же распределяется этот национальный доход? У нас, по расчётам Попова, весь доход в червонных рублях составляет несколько более 11,5 млрд. руб. Из него 5,7 млрд. руб. составляет чистая продукция сельского хозяйства, 2 629 млн. руб. — фабрично-за-

водской промышленности, 1 903 млн. руб. — кустарно-ремесленной промышленности. У транспорта, как железнодорожного, так и водного и гужевого, остаётся 894 млн. руб. В товарном обороте, в торговле внутренней и внешней осталось 2 444 млн. руб.¹

Что касается строительства, то в строительстве имеется дефицит, так как изнашиваемое строительство, изнашиваемые постройки не покрываются фактически и, таким образом, частично уничтожаются.

Если выразить в процентных отношениях, то мы получаем следующее: на сельское хозяйство приходится 49% национального дохода, тогда как в 1913 г. было 54%. Весь национальный доход промышленности сейчас 22,5% при 21,7% до войны. На транспорте сейчас 7,7% при 8,9% до войны (в 1913 г.). В строительном деле ничего нет, до войны было 7,1%. На торговлю сейчас падает 21% национального дохода, тогда как до войны было 8,3%.

Вот, дорогие товарищи, как обстоит дело, — обойдена ли торговля или нет, имеются ли капиталы и средства у торговли или нет?

Правда, в эту сумму торговли включены и все подати, не прямые, а косвенные, которые извлекаются из промышленности как акцизы и пошлины. Но на акцизы и пошлины вместе в этом году пошло около 500 млн. руб. Если из 2 444 млн. руб. извлечь 500 млн. руб., то всё же получится около 2 млрд. руб.

Не забывайте, что и до войны были косвенные налоги, и в эти 8,3% несомненно входят и они.

Где же эти огромные средства? Видим ли мы действительно в торговом обороте огромное, большое накопление? Мы этого накопления не видим, ибо мы жалуемся, и правильно жалуемся, на недостаток капиталов. Но что это обозначает? Это обозначает, что

¹ Цифры относятся к 1924 г. — *Ред.*

сама торговля слишком много поглощает, слишком много потребляет, результат работы её торгового аппарата не отвечает тем заданиям, которые перед ним стоят.

Мы знаем, что в области производительности труда в промышленности нами много делается. И много намечено и кое-что сделано. Создаётся общественное мнение, рабочее советское общественное мнение, толкающее каждого более ленивого индивидуума, который хотел бы только урвать, по пути сплочения и выполнения общегосударственных целей. *В области торговли нет этой кампании, нет ещё складывающегося общественного мнения и общественной инициативы.*

Наши торговые аппараты действительно разбухли, они стали колоссальными, взаимно конкурирующими, выполняющими параллельные функции. И мне кажется, что когда вы будете рассматривать те задачи, которые стоят перед вами, то необходимо остановиться на том, как дорого стоит ваша торговля по сравнению с другими видами торговли, которые мы имеем.

Крепкие своею увязкой с промышленностью, крепкие единой линией, общей для производства и для торговли, вы должны быть настолько честолобивыми, если можно так выразиться, чтобы взять на себя задачу стать образцовыми по дешевизне и скорости продвижения товаров к потребителю.

ТОРГОВЛЯ — ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И ПОТРЕБИТЕЛЕМ

Вы возникли на местах не случайно, а с целью местного обслуживания промышленности. Ведь, в самом деле, разве промышленность существует для того, чтобы только изготавливать свои изделия? Промышленность существует для того, чтобы удовлетво-

рить потребность населения. Через кого же она это выполняет? Через торговлю. Как же можно эти две части разделить? Разве мы в Советском государстве, отбросившем индивидуальную наживу, индивидуальное обогащение того или другого собственника, — *разве мы можем выполнять свои задачи в производстве или торговле, если мы расчленим эти функции. Если мы расчленим и отделим производство от распределения?* Ясно, что такое разделение, такой отрыв неминуемо должен был бы привести — и он вёл к этому в тех случаях, когда это было, — к неслыханной и величайшей бюрократизации наших распределенческих и производственных аппаратов.

Сейчас очень много говорят о принудительном ассортименте, — и правильно говорят, ибо, благодаря тому, что мы монополисты, благодаря тому, что товар мы даём в недостаточном количестве, у многих закружилась голова: «начихать на всё, бери то, что тебе дают». Вот такая антипролетарская, антисоветская психология создавалась именно потому, что не было непосредственной прямой смычки с потребителем. *Одна из важнейших задач торгов точно так же, как и всех непосредственно торгующих организаций, — не быть только представителями трестовских узких интересов, но, соприкасаясь с потребителем, с его нуждами, влиять в пределах тех сил и возможностей, которые будут у каждой организации, на соответствующую продукцию, соответствующее качество продукции, влиять на то, чтобы производство удовлетворило нужды потребителя.*

Какова же в системе наших торговых аппаратов должна быть роль торгов? Я должен сказать, что если стараться создать какую-то схему единую, ненарушимую, единообразную для всех районов и для всех мест, то это будет большая ошибка. Ибо, в самом

деле, мы занимаем шестую часть суши земного шара, мы имеем в пределах нашего Союза самые разнообразные хозяйства, начиная от натурального до новых систем, уже с социалистическим началом. *И мощь нашего Союза заключается именно в том, что прежде всего мы должны удовлетворять нужды масс, а так как эти широкие массы — крестьянские массы живут в различных условиях, то ясно, что должны быть различные, разнообразные, не одинаковые формы организации торговли, которые были бы приспособлены к нуждам и к условиям данного района.* Путём создания разнообразных организационных форм торги наряду с другими видами торговли должны и могут получить совершенно определённое место в общей системе товарообмена. Мы имеем синдикаты — крупных оптовиков, мы имеем кооперацию, обслуживающую население розничной торговлей, мы имеем *торги, которые являются на местах, с одной стороны, средним оптом — в пределах размаха и потребностей данной губернии — с другой стороны, являются в той или другой форме и должны явиться органом увязки промышленности данной местности с населением.* И очень часто там, где только позволяют условия, *торги являются органом, заменяющим торговые аппараты наших трестов и промышленных организаций.*

Конечно, под одну гребёнку стричь нельзя. Мы имеем хорошо поставленные тресты, которые имеют уже исторически и правильно сложившийся торговый аппарат. Ясно, что торги всегда найдут и должны найти пути к тому, чтобы связаться с такими трестами. Но во многих других местах отдельные наши промышленные организации не должны развивать своих торговых аппаратов параллельно уже существующим.

О КООПЕРАЦИИ И ЧАСТНОЙ ТОРГОВЛЕ

Кроме того, роль торгов может быть велика и в области частной торговли. Я хотел бы несколько остановиться на вопросе о частной торговле и частном торговце.

Я лично не большой поклонник частного капитала в большом опте и в среднем опте. Но я считаю, что мы без частного низового торговца обойтись никоим образом не можем.

Мне кажется, что эта позиция, что эта точка зрения не есть ликвидация кооперации, не есть ликвидация наших позиций. Когда мы переходили от военного коммунизма к нэпу, то это не был шаг назад, ибо в практической, реальной жизни это привело к развитию производительных сил страны и подъёму уровня жизни населения нашего Союза.

В период военного коммунизма, в период фронтов нам нужно было вести борьбу с частной торговлей, ибо при частной торговле, при частном товарообороте мы были бы биты. Мы не могли бы все силы и средства, которые находились на нашей территории, бросить для единственной цели, которая была самой основной, самой важной — отстоять наше существование. Но сейчас, когда мы поставили перед собою задачу торговли, мы обязаны использовать в наших интересах весь тот опыт, которым располагает частный торговый аппарат.

В области торговли мы никакого опыта не имели. В области торговли мы не имели того индустриального, того победоносного, того идейно сплочённого пролетариата, который был у нас в промышленности, в производстве, и поэтому нам трудно было отстаивать свои позиции. И вот для того, чтобы в этот первоначальный период борьбы сохранить своё существование, нам необходимо было так же, как в

период непосредственно гражданской войны, скрутить в бараний рог частный капитал и частного торговца. Но сейчас — сейчас другие времена. При всех недостатках, которые имеются в области торговли, *мы сейчас всё же завоевали исходную базу для нашей торговли, как и для промышленности, — именно завоевали, создав основную нашу позицию — кооперативную сеть.* Мы часто ругаем кооперацию, но мы ругаем так, да позволено мне будет сказать, как любящий отец своего сына ругает, видя, что он ещё недостаточно развит и делает массу промахов. Но эти кооперативные позиции мы с большими жертвами отстаивали, мы их имеем и не сдадим. Наоборот; для того чтобы эти кооперативные позиции наши отстоять, нам необходимо *не дать кооперированным рабочим и крестьянам брать на себя сейчас, до их усиления, ту задачу, которую они выполнить не в состоянии,* не дать такую ношу, которую кооперация не в состоянии выдержать. Очень часто, к сожалению, кооперация тоже рассуждает схоластически, под влиянием того тяжёлого положения, в котором она находится, и говорит государству: «дай мне средства», забывая, что если бы государство было богато, если бы в государстве было больше сбережений, то кооперация и без этой помощи стояла бы на сильных ногах. Поэтому нельзя увеличивать эту ношу для кооперации, нельзя большую ношу, при всё развивающемся нашем товарообороте, сваливать на кооперацию. *Кооперация должна закрепиться на тех командных высотах, которые она уже заняла.*

Поэтому нам нужно в этой области излечить наши слабые стороны, *надо перейти к новым методам.*

Не нужно бояться, что это отступление. Нам нужно привлечь частного торговца.

В самом деле, разве в деревне, где ещё нет достаточной товаропроводящей сети, где ещё нет достаточного товарооборота, — разве там наша кооперация при нашем законодательстве незыблема? Наше законодательство, — я не в упрёк ему говорю, — это законодательство о социальном страховании, кодекс законов о труде, — разве мы в состоянии его выполнить в этих деревушках, разве мы в состоянии выполнить функции товарообмена и увеличения товарности? *Наши аппараты не могут именно из-за нашего законодательства выполнять эти функции, ибо содержание их будет стоить слишком дорого.* Ведь это факт.

Я уже указывал, что наша страна — это не есть страна, в которой был высоко развит капитализм. Это страна, в которой имеются различнейшие формы хозяйства, и поэтому торговля и торговый аппарат должны быть приноровлены к этим условиям, тогда как наше законодательство приноровлено к промышленным центрам, к промышленному сконцентрированному хозяйству. Это не значит, что мы должны менять своё законодательство. Это не значит, что мы можем кооперацию в деревне построить на другом законе, чем в городе. Нет, — но вся страна и крестьянство должны знать, что цель, к которой они должны стремиться, будет достигнута при повышении уровня жизни, при увеличении производительности той земли, на которой они работают, и при использовании всего, что только можно использовать в интересах нашего строительства.

Кого же мы можем привлечь в деревне? Тот *крестьянин, который сберёт 100 или 200 рублей, может быть деревенским посредником, он может быть деревенским торговцем.* Он увеличит товарооборот. Он будет увеличивать потребление крестьянства, предлагая ему тот или другой товар.

Если мы в своих руках будем иметь командные высоты нашей торговли, всё развивающуюся, в меру своих средств, организацию крупного опта, синдикатов, если на местах мы будем иметь организацию местной промышленности, аппарат среднего опта — торги, то эти торги и эти отделения синдикатов смогут быть базой не только для кооперации, но и для мелкой частной торговли, смогут давить на частного розничника, требуя от него совершенно определённых цен.

Только таким путём мы можем увеличить, как мне представляется, товарооборот, т. е. увеличить потребление, ибо в конечном счёте увеличение товарооборота только и означает, что страна больше потребляет. Ясно, что для того, чтобы частный торговец мог выполнять эти функции и перешёл на службу к государственному капитализму, к государственной торговле и к государственной национализированной промышленности, — надо этого частного торговца взять под защиту.

Никому другому, как нам с вами, страна поручила довести до крестьянина товар, вырабатываемый на наших фабриках, в таких размерах, в которых действительно ощущается потребность у нашего населения. И поэтому мы должны твёрдо сказать: кооперацию мы должны всеми силами поддерживать, чтобы она не упала, чтобы она стала крепкой, и вместе с тем мы должны искать новых путей для проведения своего товара, для увеличения потребления, для увеличения товарооборота.

Надо этот вопрос поставить во всей широте у себя на местах. *Надо отбросить предрассудки и помнить, что, как говорил Владимир Ильич, — то, что вчера было достоинством, сегодня может быть недостатком.* Надо помнить цель, общую линию, помнить, зачем мы существуем, чего мы добиваемся.

УДОВЛЕТВОРИТЬ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ — ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА

В каждый исторический период мы должны себя спрашивать — что представляет из себя та или иная сила, не повернется ли эта сила против нас? Из-за того, что у нас имеется высшее законодательство, к которому подходят лишь отдельные местности нашей страны, — только из-за этого делать товар баснословно дорогим — невозможно.

Потребности крестьянства и рабочих растут, потребности крестьянства могут удовлетворяться исключительно расширением торговли и доведением дешевого товара до него; удовлетворение потребностей рабочих может осуществляться расширением производства, увеличением производительности труда, и здесь сплетаются, таким образом, интересы рабочих и интересы широких крестьянских масс.

Моё приветственное слово и так слишком затянулось, я кончаю. Производство и торговля изделиями промышленности нераздельны, — это один процесс одного целого. Ясно, что должна быть специализированная организация, точно так же, как в каждом развитом организме имеются разные органы, которые, вместе взятые, составляют одно целое.

Та задача, которую имеет перед собой сейчас промышленность в торговой части, является главнейшей задачей всей страны и притом труднейшей задачей. Мне кажется, что поскольку производство и торговля будут неразрывны, поскольку их будет объединять одна мысль, одна линия и одна цель, и не только вообще, а именно в повседневной нашей жизни, постольку та задача, которую перед нами страна поставила, будет полностью выполнена.

Я желаю вам на вашем съезде успеха в изыскании путей к успешному проведению тех задач, которые сейчас стоят перед нами. (Аплодисменты.)

О МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТИ
ДОКЛАД НА XIV КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)
29 апреля 1925 г.

Товарищи! Ряд товарищей, работающих в других отраслях, не в металлопромышленности, высказывали мне упрёк, что я в своих основных положениях о металлопромышленности не упомянул о других отраслях, которые, по их мнению, не менее важны, чем металлопромышленность. Но мне кажется, что они неправы. Они неправы, и доказательством этому служит то, что именно наш партийный съезд указал на то, что в настоящее время надо всё внимание обратить на поднятие металлопромышленности, — и недаром и не напрасно, ибо в настоящее время металлопромышленность, её состояние и её уровень определяют уровень, динамику и тенденцию развития всех остальных отраслей. В самом деле, несколько лет тому назад мы видели, что весь уровень нашей жизни — не только хозяйственной, но и политической — определяли три фактора. Это были продовольствие, транспорт и топливо. И мы видели, как нам приходилось и в СТО и в партийных организациях постоянно следить за тем, когда прибудет в тот или другой промышленный центр или в нашу армию достаточное количество продовольствия, следить за каждым вагоном, за продвижением его, намечать карту движения грузов. Точно так же, как мы следили по картам за военными действиями наших фронтов, точно так же по карте мы следили за продвижением каждого вагона. Вы помните то время, когда отсутствие топлива определяло весь уровень нашей жизни. Но это уже позади, и сейчас не что-нибудь другое, а именно металлопромышленность является тем минимумом, который определяет собой общий темп и общее состояние всего нашего народного хозяйства.

И в самом деле, вместо кризиса, недостатка и голода в топливе мы в прошлом году имели кризис сбыта донецкого топлива. Но разве этот именно кризис сбыта не определялся в первую очередь тем, что развитие нашей металлургии было настолько мизерно и ничтожно, что оно не требовало того количества топлива, угля, как раньше? То же во всех остальных отраслях не только промышленности, но и всего народного хозяйства: металлопромышленность сейчас определяет темп их развития.

Возьмём сельское хозяйство. Мы знаем, как страдает сельское хозяйство от недостатка не только сельскохозяйственных машин, но простых орудий; страдает от отсутствия железа, чтобы подправить свой совершенно износившийся хозяйственный инвентарь. Мы знаем, как это отсутствие уменьшает урожайность, уменьшает производительность труда крестьянина. То же самое сейчас и с транспортом. Транспорт сейчас стоит перед некоторыми заминками именно в ближайшие годы, если наша металлопромышленность не подтянется для удовлетворения тех потребностей, которые имеются на транспорте, в смысле восстановления путей, постройки новых вагонов и даже паровозов, которые сейчас имеются в избытке, но которых в ближайшее время будет недостаточно. И какую бы отрасль мы ни взяли, — если возьмём электрификацию, то мы знаем, что при том ничтожном количестве меди, которое мы добываем, мы электрифицировать страну нашу не сможем и развернуть электропромышленность не будем иметь возможности. То же с нефтяным делом, которое требует огромного количества металла.

То же самое и с нашей лёгкой промышленностью. Если взять самую основную — текстильную промышленность, то она тоже не может развернуться, не

получая достаточного количества металлических изделий от нашей металлопромышленности. Мы видим, что именно тот темп, который получился во всём народном хозяйстве, требует восстановления изнашиваемого основного капитала, требует восстановления, переоборудования и создания новых средств производства. Только широко развитая металлопромышленность, как по металлургии, так и по машиностроению, может удовлетворить эти потребности. Поэтому не напрасно наш партсъезд, наши партийные организации и нынешняя партконференция посвящают этому вопросу своё внимание. Если мы эту задачу разрешим, если мы дадим для её разрешения правильное направление, тем самым мы разрешим насущнейшие проблемы всех остальных отраслей народного хозяйства.

В самом деле, если мы посмотрим, как развивалась металлопромышленность по сравнению с остальными отраслями, мы увидим, что металлопромышленность и связанные с нею другие отрасли, как рудная промышленность, занимали и занимают весьма низкое место. Вся промышленность в целом за прошлый год достигала 42—45% довоенного уровня. При темпе, который взят в этом году, промышленность достигнет 65—70%. Металлопромышленность же, составлявшая в прошлом году только 30% довоенного, в этом году, при колоссальном темпе, который мы взяли и надеемся выполнить, достигнет только 47,7% довоенного, при общем уровне в 70%. Рудная промышленность в прошлом году достигала 14%, в этом году — 24—25% довоенного. Некоторые товарищи спрашивают: «Почему мы так поздно взялись за расширение и восстановление нашей металлопромышленности?» Здесь, товарищи, есть некоторые объективные условия, не

зависящие от нашей воли, которые и определяют время развития той или другой отрасли. В самом деле, когда в начале операционного года, в октябре — ноябре, мы предстали перед СТО с расширенной программой, мы не могли достаточно убедительно доказать необходимость этого расширения, не могли достаточно убедительно доказать потому, что мы сами имеем организацию, руководящую металлопромышленностью, — наши тресты и центральную организацию — ВСНХ, которые не выяснили себе в достаточной мере все элементы этого развития. И поэтому мы предъявили требования государству, не зная всех элементов и тех средств, которые находятся внутри нашей промышленности. Таким образом, мы не имели возможности доказать и установить размеры этих требований.

Точно так же, товарищи, финансовое положение страны к началу операционного года было неясно, поэтому казалось, что те жертвы, которые необходимо было принести металлопромышленности, были для страны непосильны. И только тогда, когда выяснились возможности, когда выяснилось, что в стране имеется достаточно сил, чтобы преодолеть недочёты в отдельных областях, когда мы внутри самой металлопромышленности выявили средства и силы, которые были самой металлопромышленности необходимы, когда мы преодолели то позорное явление, которое имело место, именно задолженность по зарплате, несвоевременную выплату её, только тогда, когда мы очистили поле борьбы, выяснили ситуацию и те средства, которые у нас имелись, — мы получили уверенность в том, что расширенную программу, которую мы предлагали, можно было фактически выполнить даже гораздо более усиленным темпом.

Из моих основных положений вы видите, как этот рост шёл: от роста на 44% против фактического

выпуска прошлого года по программе, утверждённой СТО, как предварительной, мы приходим теперь к необходимости идти тем темпом, которым шли в первое полугодие, к необходимости расширения программы до 82% против выпуска прошлого года, т. е. против 191 млн. довоенных рублей продукции прошлого года. В этом году намечается нами продукция в 350 млн. довоенных рублей. Я должен сказать, что столь быстрое и столь сильное требование расширения не есть фантазия, если взглянуть на то, что уже продано трестами из этой расширенной программы.

Я могу огласить следующие данные:

В червонных рублях по продажной цене нашими трестами из своей продукции в 528 млн. за первое полугодие на 1 апреля уже продано 453 млн., т. е. 86% всей годовой продукции.

По металлургии продано на 1 апреля 98% — почти полностью, по цветному металлу — 76%, по машиностроению — 80%, по сельхозмашинам — 56%.

Таким образом, эта запородажа показывает, что наша программа не является фантастической ни с точки зрения платёжеспособного спроса, ни с точки зрения общей потребности как населения, так и государственной промышленности и сельского хозяйства, восстанавливающего свой основной капитал.

Именно на то, что эта программа не преувеличена, указывают и те огромные накладки, которые имеются в розничной продаже на металлические изделия. По обследованию, произведённому Главметаллом по целому ряду губерний, выясняется, что накладки на металлоизделия имеют место от 50 до 120%.

Конечно, эти накладки колоссальнейшие и огромнейшие, возможные лишь на почве недостатка насыщения рынка металлоизделиями.

Точно так же указывает на то, что наша программа не преувеличена, и то обстоятельство, что основа металлопромышленности — металлургия чёрных металлов — по сравнению с довоенным временем даёт очень ничтожный процент по основному продукту, который определяет весь уровень, — по чугуну, где мы имеем при этой расширенной программе всего 28% довоенного времени.

И ясно, что если исходить из платёжеспособного спроса, то в этом отношении мы должны были бы расширить нашу программу ещё более значительно. Но я должен сказать, что именно на этом пути более сильное расширение представляет большие трудности, может быть, не столько финансового порядка, сколько организационного, так как наша организация металлопромышленности не в состоянии ещё пойти на такой величайший рост, недостаточно крепка для этого. И поэтому от целого ряда заказов нам приходится отказываться, и целый ряд наших заказчиков беспокоится. Действительно, сумеем ли мы и те заказы, которые нам даны, выполнить? Так, например, для восстановления коммунального хозяйства по заказу трамвайных рельсов в Москве мы обязались, если мне память не изменяет, к 1 мая изготовить 90 тыс. пудов этих рельсов, а до сих пор мы сумели доставить только 20—30 тыс., и, по всей вероятности, будет опоздание с выполнением заказа. В строительном сезоне, который начинается при том уровне строительства, который намечен в этом году (а в этом году строительство намечается на 300—350 млн. руб., как городское и рабочие жилища, так и фабрично-заводское), нашей металлопромышленности надо будет напрячь все силы для того, чтобы поспеть за удовлетворением потребностей этого строительства. И до сих пор мы шли в темпе нашей

программы в ногу с расширением заказов. За первое полугодие мы в общем и целом по всей металлопромышленности выполнили 90% расширенной программы. Если разделить всю нашу программу пополам и признать, что в первую половину года надо было бы произвести столько же, сколько и во вторую, то тогда мы произвели не полных 100%, а 90%; но если принять во внимание, что темп роста из квартала в квартал равняется 14%, и если принять во внимание, что в первое полугодие на ряде машиностроительных заводов был сделан целый ряд подготовительных работ, которые потребовали колоссального напряжения и большой работы без соответствующего эффекта в выпуске в первое полугодие, — то мы можем надеяться, что во втором полугодии мы догоним. Если бы мы шли в том же самом темпе во втором полугодии, то мы ту программу, которую испрашиваем — в 350 млн. руб., выполнили бы с превышением на 11 млн., т. е. в 361 млн. руб. Но во втором полугодии будут отпуска, таким образом, в некоторых отраслях будет несколько замедленный темп развития. Судя именно по тому темпу и той работе, которая произведена, можно полагать, что программа, испрашиваемая нами, будет выполнена.

Я хочу в этом росте охарактеризовать, что более всего развивается, какие районы. Это тем более важно, что именно на местах раздавались жалобы, что тот или другой район, та или другая республика обижены в своём развитии. Я должен указать, что, во всяком случае, в обиде не может быть Юг, ибо развитие Юга, развитие украинской металлопромышленности, действительно идёт семимильными шагами. (*Голос с места: «Медленными шагами».*) У Радченко, очевидно, желания больше, чем возможности. Но это очень похвально, потому что, если бы

наши желания были меньше наших возможностей, то, конечно, никакого прогресса не было бы.

Я думаю, что Радченко, поскольку он сам руководит партийной работой в Донбассе, сможет представить нам все меры и средства для ускорения этого темпа развития. Темп развития на Юге идёт в следующей пропорции. В прошлом году выплавка чугуна по всему Союзу равнялась почти 40 млн. пудов, в этом году нами намечается 72 млн. пудов, т. е. увеличение, как видите, на 81%. Что касается Юга, то Юг выплавил 22 млн., в этом году выплавляет 48 млн., т. е. вы видите увеличение больше чем в два раза. (*Радченко с места: «А прибыль забыли?» Смах.*) Относительно прибыли мы скажем... Урал в этом году даёт 47% увеличения: с 15 млн. пудов до 22; то же самое и по выплавке стали и по прокату.

Если помимо всего этого говорить относительно всей продукции чёрной металлургии (а вы знаете, что продукция металлургии помимо чугуна, стали и проката включает ещё целый ряд других изделий), то рост в денежных выражениях будет следующий: Юг — 34 млн. продукции в прошлом году, в этом году 66 млн., т. е. увеличение в денежном выражении на 93%. Урал даёт увеличение на 86%, Центр — на 46%.

Вот относительное значение районов, и это соответствует тому естественному богатству и положению, которое имеется в этих районах.

Юг выступил, можно сказать, последним на арену советской продукции, и темп его развития таков, что он в продолжение короткого времени уже приобретает то место, которое занимал до войны. Все данные говорят за то, что именно при советском развитии в металлургии Юг займёт первенствующее место.

Я должен сказать, что из тех колоссов, которые в своё время были в действии на Юге, один колосс давал

ежегодную продукцию больше 20 млн. пудов изделий. Этот колосс, так называемый Днепровский завод, со вчерашнего дня, 28 апреля, в 2 часа, был открыт, и на нём была пущена первая домна. (Аплодисменты.)

(Радченко. «Когда следующая?»)

Очень быстро. (Аплодисменты.) Что касается домн, то на 1 октября 1924 г. на Юге было 8 домн; к концу этого года намечаем к пуску 13 домн. На 1 марта их было 9, и, таким образом, с 1 марта до конца года на Юге 4 домны будут пущены вновь. На Урале мы имели на 1 октября 14 домн, к 1 октября этого года будем иметь 20. В Центре — домн меньше всего, сейчас имеется 6, ещё одна будет пущена, итого — 7. Таким образом, увеличение будет с 27 домн до 43. Вот та основа развития нашей металлургии, которая обеспечивает нам полностью ту программу, которую мы наметили.

Если перейти теперь к металлургии цветных металлов, то я должен указать, что в прошлом году нами было добыто меди по Уралмеди 177 тыс. пудов. В этом году после тех ассигнований, которые были отпущены правительством, на основании программы, которая представлена здесь вашему вниманию, мы должны будем на Урале добыть меди 350 тыс. пудов и в остальных районах, как Зангезур, — 50 тыс., Таналык — 40 тыс. и в Полесском — 20 тыс., всего 460 тыс. пудов меди. Должен указать, что это наш самый слабый участок. А вы знаете, как необходима медь для нашей электрификации. Достаточно указать на то, что при нашей программе в этом году в 460 тыс. пудов наша минимальная потребность для всей страны выражается приблизительно в 1 млн. 500 тыс. или в 1 млн. 600 тыс. пудов. Поэтому темп развития, взятый по меди, хотя и значителен — от 177 до 350 тыс. пудов, т. е. почти в два раза боль-

ше, — но по нашим потребностям он ещё недостаточен. Вообще вопрос о цветных металлах, вопрос о цветной металлургии является самым основным вопросом в нашей металлопромышленности. Та программа на ближайшие годы, которая была представлена нами в Совет труда и обороны, была признана последним недостаточной. Поэтому нам было поручено, насколько возможно, более быстрым темпом развернуть эту программу. С этой целью, для того чтобы выяснить наши ресурсы, для того чтобы мы могли поставить это дело на надлежащую научную высоту, нами был созван съезд выдающихся учёных и работников по цветным металлам, которые в течение целой недели (с 30 марта до 5 апреля) заседали и привели в ясность все те элементы, которые уже имеются. Оказывается, что, по подсчётам этого съезда, среднее годовое потребление цветных металлов на ближайшее пятилетие выражается в количестве: ежегодно до 35 тыс. тонн меди, столько же свинца, 17 тыс. тонн цинка, 5 тыс. тонн алюминия, 3 тыс. тонн олова, всего на сумму около 60 млн. руб. Это значит, что на протяжении 5 лет нам пришлось бы заплатить за границей до 300 млн. руб. на удовлетворение наших неотложных потребностей в цветных металлах. Совещание ясно доказало, что у нас внутри СССР имеются колоссальнейшие, как уже разведанные, так и ещё недостаточно разведанные, залежи этих цветных металлов. Поэтому, затратив то, что необходимо на год для покупки за границей цветных металлов, — 60 млн. руб. на постановку этого дела у нас, мы могли бы полностью покрыть ту ежегодную потребность на ближайшее пятилетие, на которую здесь указывалось. Это показывает, насколько важной задачей является действительно заняться этим делом. Сейчас в отношении меди

реальные запасы, уже разведанные, имеются в количестве около миллиона тонн, т. е. 60 млн. пудов меди.

То же самое в отношении других цветных металлов, например, свинца, цинка, алюминия. Сейчас на взятых нами непосредственно для производства Риддеровских рудниках возможно развитие ежегодной добычи такое, что через 2 года можно будет получить оттуда 3 тыс. тонн свинца и 2¹/₂ тыс. тонн цинка. То же самое в вопросе с алюминием. У нас имеются так называемые тихвинские бокситы, необходимые для производства алюминия. Мы знаем, какое огромное значение имеет алюминий как в военном деле, так и в домашнем обиходе (посуда и другие изделия). Вопрос поднятия и постановки у нас производства алюминия является первоочередной задачей. Совет труда и обороны, для того чтобы подвести базу под финансирование именно производства цветных металлов, для того чтобы приостановить то разбазаривание остатков цветных металлов, которые у нас имеются как в Госфонде, так и по нашим трестам, образовал специальный фонд именно для восстановления производства добычи цветных металлов, фонд, в который эти остатки запасов цветных металлов, находящиеся в стране, вошли.

Теперь мы перейдём к машиностроению. Здесь намечается расширение программы в общем тоже на 83% против предыдущего года, причём самое крупное увеличение даёт ряд отраслей. Например, Госшвеймашина, где, как мы знаем, производство швейных машин было на очень низком уровне. Оно поднимается теперь с 1 млн. 158 тыс. продукции в довоенных рублях до 4 млн. 380 тыс. Затем автомобильное дело, которое было совершенно зачаточным. В этом году приступили к постройке новых автомобилей, а не только ремонтировали старые.

Должен сказать, что мы, раньше чем наладим дело постройки новых производств, должны будем потратить много средств и сил на учёбу. Без этого абсолютно немислимо поставить никакого нового дела. То же самое мы имеем и в автомобильном деле. В этом году увеличение намечено почти в три раза. Но должен сказать, что автомобильное дело в этом году, как дело новое, по всей вероятности, даст нам убыток. Далее, развернулось производство Московского машиностроительного треста в 2 раза, Южмаштреста тоже почти в 2 раза. Гомза увеличила производство меньше сравнительно с предыдущим годом — на 65%, но это увеличение даст, может быть, базу для того, чтобы именно Гомза как машиностроительный трест тяжёлого типа перестала быть столь убыточной, как в прошлом году. Что касается Ленинмаштреста, то увеличение у него на 60%.

Я должен указать, чего мы достигли по машиностроению в области новых производств. По тракторостроению (это новое совершенно дело) можно сказать то же самое, что было мною сказано относительно автомобильного дела. Мы только учимся. И тут вот товарищи, которые учились и которые учатся (у них желания были точно так же, как у Радченко, больше возможностей), заявили огромную программу, которая была нами сокращена и в уже сокращённом против их заявок виде составляла 2 550 штук тракторов. А после полугодовой работы оказалось, что максимум, что тресты смогут выполнить, — это только 1 450 штук.

Но всё-таки, несмотря на то, что мы в этой области достигаем только половины того, что предполагали, я, однако, должен сказать, что опыт постройки и учёба дали нам больше пользы, чем те 1 100 тракторов, которых мы невыполним и которые можно будет привезти из-за границы, потому что если бы

мы сейчас поставили вопрос относительно постройки нового тракторного завода, то без этих опытов (на Путиловском заводе, на Харьковском паровозостроительном заводе и на Коломенском заводе), без той учёбы, которую рабочие и технический персонал и инженеры приобретают, мы никогда не могли бы приступить к тому, чтобы построить новый специальный тракторный завод.

Я должен сказать, что именно в нашем машиностроении мы достигли успехов в целом ряде отраслей. Так, по дизелестроению, по турбиностроению имеются особенно большие достижения ленинградских трестов и заводов. Точно так же по вопросу текстильного машиностроения. Можно сказать с уверенностью, что мы эту техническую задачу постановки текстильного машиностроения у нас разрешили. Мы впервые поставили производство ткацких автоматов в количестве 3 тыс. штук. Потребность в текстильном машиностроении из года в год будет у нас расти ввиду значительной степени изношенности основного капитала. Мы предполагаем, что заказы, равные 8 млн. руб. в этом году, через 2 года увеличатся до 16 млн.

Что касается судостроения, то здесь ввиду финансового положения судостроительного треста, у которого оборотные капиталы оказались недостаточными для принятой программы, положение тяжёлое. Но вместе с тем это новое дело. Вы знаете, что мы в этом году приступили к постройке торговых судов, которых давно уже совершенно не строили. Это дело так воодушевило рабочих, что та программа работ, которая была намечена на этот год из двухлетней нашей программы, выполняется гораздо скорее, чем это предполагалось. И это достоинство судостроительного треста — без увеличения количества рабочих, без увеличения штатов работать быстрее, чем

предполагалось, — обращается до некоторой степени против самого треста. Дело в том, что к концу года вследствие недостатка оборотных средств судостроительный трест окажется совершенно не в состоянии выполнить и удержать намечающийся темп без сокращения рабочих и приостановки работ, если его оборотные средства не будут пополнены в этом году на сумму около 4 млн. руб. для того, чтобы оплатить авансом ту работу, которая будет произведена в этом году и сдана будет в будущем году.

Вот вкратце обзор деятельности металлопромышленности по отдельным отраслям. Если мы теперь обратимся к вопросу, для кого наша металлопромышленность работает, то здесь важно выяснить, в каком темпе росла продукция на так называемый широкий рынок.

ОТЧЁТНЫЕ ДАННЫЕ (В ТЫС. ЧЕРВОННЫХ РУБ.)
РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАЛЛОПРОДУКЦИИ ЗА 1923/24 г.
И ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ НА 1924/25 г. СОГЛАСНО
РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММЕ

	1923/24 г.	1924/25 г.	Больше в руб- лях на	%, 1924/25 г. к 1923/24 г.
Госбюджетн. органы (НКПС, Военвед и прочие нар- коматы) . . .	103 512	119 553	16 041	115
Промышлен- ность . . .	98 106	130 865	32 759	133
Коммухозы . . .	5 728	23 764	18 086	415
Широкий ры- нок	84 824	192 665	107 841	227
(В том числе и с.-х. маши- ны)	(с.-х. 13 400)	(с.-х. 36 000)	(с.-х. 22 600)	269
Всего	292 170	466 847	174 677	160

Те споры, которые два года назад велись, предназначена ли металлопромышленность для широкого рынка или она должна исключительно базироваться на государственных заказчиках, сейчас отошли в область предания. Сейчас именно основную базу нашей металлической промышленности в целом (я не говорю о специальных паровозостроительных заводах, я говорю об основной нашей металлопромышленности) составляет широкий рынок. И именно в этом вся сила и всё будущее нашей металлопромышленности. И я опасаясь, — а это очень возможно, — что та борьба, которая была до сих пор между нами, между металлопромышленностью и государственными заказчиками, борьба, направленная к тому, чтобы поднять количество государственных заказов нашим заводам, что эта борьба превратится в совершенно обратную, а именно, что госзаказчики будут добиваться и упрощать нас принимать их заказы, а у нас при выполнении этих заказов будут некоторые трудности. Ясно, что мы эти трудности будем преодолевать, ибо госзаказы, строго обоснованные и проведённые через государственные учреждения, должны быть для нас обязательны. Но этим я хочу характеризовать те тенденции в развитии нашей металлопромышленности, которые могут поставить её на здоровые ноги. Мы слышали очень часто и очень много о том, что довоенная промышленность не существовала бы без государственных больших заказов, без субсидий и т. д. Те тенденции, которые сейчас развиваются в нашей металлопромышленности, говорят за то, что металлопромышленность может стать на крепкие ноги, базирясь лицом к населению, к широкому рынку, к широким потребностям, к развитию страны. Нашей металлургии нет больше надобности базироваться на одних государственных заказах. И вот, действительно,

если взглянуть на приведённую выше таблицу, вы увидите, что в этом году программа на так называемый широкий рынок по сравнению с прошлым годом увеличилась на 107 млн. руб., т. е. стала в $2\frac{1}{4}$ раза больше, чем в прошлом году. Вся продукция металлопромышленности на широкий рынок была в прошлом году 84 млн., а сейчас она составляет 192 млн., как видите, прирост очень большой, больше, чем вся продукция прошлого года. И, однако, мы не удовлетворили всех потребностей широкого рынка, между тем как прирост по остальным отраслям самый минимальный и самый незначительный. И действительно, если взять по другим отраслям, взять хотя бы НКПС, мы видим, что в прошлом году у него заказов было на 89 млн., а в этом году предполагается выполнить на 97 млн. — увеличение в 9%. Я должен здесь при случае сказать, что такой незначительный рост металлических заводов НКПС является угрожающим в сравнении с ростом работы НКПС; если мы возьмём рост выручки, который определяет собою и потребности, — доход определяет и расход, потому что доход получается от грузооборота, от работы, — если сравнить доход НКПС за первое полугодие прошлого года с первым полугодием этого года, то рост выручки увеличится на 44%: в прошлом году был доход в 283 млн., а в этом году 408 млн.

Поэтому рост заказов по металлопромышленности на 9% при росте выручки на 44% абсолютно недостаточен и свидетельствует о том, что тут что-то не так. И действительно, как мы знаем из доклада Рудзутака на пленуме ЦК РКП, участвовавшие крушения, некоторые затруднения, которые были временно на Самаро-Златоустовской и на Сибирской железных дорогах, где грузооборот дошёл до 100% довоенного, и всё

состояние путей требуют и требовали бы обращения большего внимания на металлозаказы.

Теперь какая потребность промышленности по металлу?

В текстильной промышленности в прошлом году заказов на 6 млн., в этом году на 12 млн.; в нефтяной — в прошлом году — на 20 млн., в этом — на 37 млн.; в каменноугольной промышленности положение осталось без изменений ввиду того, что, как вы знаете, каменноугольная промышленность в этом году переживала кризис сбыта. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что с развитием металлургии на юге, с развитием всей хозяйственной жизни, как она намечается, в виде увеличивающегося грузооборота, угольная проблема, проблема добычи топлива в достаточно необходимом количестве для поднявшегося уровня жизни станет ближайшей проблемой дня. И поэтому и здесь то же явление: развитие каменноугольной промышленности без металла невозможно. В электротехнической промышленности заказы увеличились с 8 млн. до $9\frac{1}{2}$ — явно недостаточно, в пищевой и консервной — с 1 млн. 700 тыс. увеличились до 7 млн. 600 тыс.; со стороны электрификации — с 1 млн. 200 тыс. до 2 млн. 600 тыс., в остальных отраслях промышленности — с 51 млн. до 53 млн. Сама металлопромышленность нуждалась в прошлом году в металле на 37 млн., в этом году на 62 млн. Что касается широкого спроса, т. е. того, что идёт через госторговлю, кооперацию, через частный спрос, через сбыт, — в прошлом году было на 71 млн., в этом году на 156 млн., без сельскохозяйственного машиностроения, которое увеличилось с 13 млн. до 36 млн., т. е. почти в три раза.

Если выразить это в процентах, то мы видим, что в прошлом году госбюджетные заказчики составляли

32% нашей продукции, в этом году — 24, в прошлом году промышленность — 43%, в этом году — 39; значит, госзаказы относительно уменьшились, а широкий спрос увеличился с 22 до 32% в общем балансе нашей металлопромышленной продукции. О том, что потребности эти растут, так же как растёт и платёжеспособность страны, свидетельствует и рост нашей импортной программы по металлопромышленности.

Ведь, в самом деле, при общей продукции металлопромышленности около 700 млн., падающей на территорию СССР, Россия царского времени ещё ввозила на 350 млн. руб. всяких металлоизделий и машин. А в текущем году урезанная Высшим Советом Народного Хозяйства программа по металлоизделиям, представленная в СТО, равнялась 126 млн. руб. против 44 млн. руб. в прошлом году, т. е. мы видим увеличение почти в три раза. Но эту урезанную программу Совету Труда и Оборона в интересах нашего внешнего валютного баланса пришлось ещё урезать до 90 млн. И я думаю, что именно при этой урезке, при том недостаточном удовлетворении потребностей страны нашей в расширенном производстве мы и наша промышленность и целый ряд отраслей могут очутиться в очень тяжёлом положении. Это обязывает нас, как металлопромышленников, так и всех тех, которые работают в этой области, форсировать и изыскивать все меры к тому, чтобы увеличить экспорт из СССР, чтобы за его счёт усилить импорт, ибо без ввоза новых машин, без ввоза даже отдельных готовых изделий, мы не в состоянии удовлетворить платёжеспособный спрос населения; между тем совершенно ясно, что население и остальные отрасли промышленности существуют не для металлопромышленности.

а что металлопромышленность, как и вся остальная промышленность наша, существует для всего населения. Поэтому эта узкая политика, узкоцеховая политика, которая иногда проявлялась в том, чтобы не давать ввозить, она в корне и решительно неправильна. Она тем более неправильна именно при том темпе роста, который у нас сейчас намечается. Мы не в состоянии нашей промышленностью, можно сказать, ничтожной по сравнению со всей потребностью, в незначительной даже доле удовлетворить этих потребностей, повторяю, платёжеспособных потребностей. Поэтому так важен импорт для нас, для металлопромышленности, так важно сочетание импорта с нашим внутренним производством таким образом, чтобы они представляли одно целое, снабжающее потребности страны. Это сочетание необходимо, и со стороны металлопромышленности необходимо сознательно это проводить. Но для этого, для того чтобы мы могли ввозить необходимое количество как сырья, так и полуфабрикатов, готовых изделий, для этого необходимо, повторяю, увеличить наш экспорт в других областях. Каков голод на изделия металлопромышленности, вам, товарищи, должно быть больше известно, чем мне, так как вам приходится сталкиваться с этим в вашей работе на местах...

И вот, для того чтобы удовлетворить потребности, нам необходимо не только форсировать импорт, т. е. находить, что мы должны экспортировать, для того чтобы мы могли привозить машины, но одновременно мы должны кустарную металлопромышленность поставить на ноги. Я должен сказать, что с лёгкой руки некоторых товарищей, если вспомнить XII съезд, наше отношение к мелкой кустарной промышленности очень часто было такое, как к конкурентам, как к врагам, как к совершенно чуждым элементам. Это

в корне неправильная позиция. Кустари — это бедняки, те бедняки, которые были в полной кабале у всяких скупщиков в своё время и которые зарабатывали меньше и хуже, чем чистокровные пролетарии на фабриках и заводах. Между тем по своему социальному положению кустари — это будущие пролетарии. И вместе с тем без них, без их помощи мы не в состоянии удовлетворить потребностей широких слоёв населения, в первую очередь, крестьянства. Это надо осознать. Крупная промышленность не может держать в голоде страну из-за ничтожных размеров своих изделий. Это в рабоче-крестьянской стране было бы приговором для крупной промышленности. Именно мы должны в нашей работе и планах базироваться на тех кустарях, которые могут в значительной мере восполнить недостачу продукции крупной промышленности, тем более, что кустарная промышленность может базироваться только на крупной. Кроме того, поддержка кустарей имеет и то огромное политическое значение, что она даёт возможность избыточному населению в деревне найти для себя заработок, пролетарский заработок. И, кроме того, если мы думаем и имеем в перспективе грандиозный план развития у нас крупной промышленности, освобождающей человека от рабства у природы, мы должны смотреть на кустарей, как на ту пролетарскую базу, на которой можно будет построить в будущем наши новые заводы. Их количество огромно. До войны, по имеющимся у меня данным, их было несколько сот тысяч. Выделяли они целый ряд изделий. Я начну с тех производств, которые были основой их существования: сельскохозяйственные машины, орудия, серпы, разная металлическая посуда, арматура всевозможная, скобяные изделия, ножевые, охотничьи ружья, производство гвоздей.

болтов и т. д. Они производили не только предметы домашнего обихода, но и средства производства и также всякие точные приборы и инструменты, в которых нуждаются и наша крупная промышленность и наша наука. На кустарную промышленность придётся обратить огромное внимание. Точно так же, как придётся обратить внимание на недостатки, которые были в Высшем Совете Народного Хозяйства, придётся указать и на недостаточное внимание, которое до сих пор наблюдалось по отношению к промысловой кооперации. Совместно с промысловой кооперацией ВСНХ надо будет ознакомиться с этим вопросом, чтобы организовать для кустарей помощь в виде кредита, полуфабрикатов сырья, чтобы обеспечить их таким кредитом, который дал бы им возможность действительно развивать своё дело.

Если перейти теперь к тому, сколько стране стоит и стоила металлопромышленность, какова была её себестоимость, какие были финансовые результаты работы металлопромышленности, я должен сказать, что результаты плачевны вообще и в смысле постановки дела. Передо мной сводка трестов и предприятий, 52 названия. Мы видим по этой сводке, по данным, имеющимся там, что всего насчитывается убытка за прошлый год 31 млн., прибыли же около 12 млн. Надо спросить, верно ли это. Мы видим здесь такие цифры, как, например, по чёрной металлургии на Урале — 15 млн. убытка, по Югостали — 5 млн. прибыли, по цветной металлургии — 2 млн. 800 тыс. прибыли. По Гомзе убытку — 4 млн. 300 тыс., по Элмаштресту — 4 млн. 700 тыс. Можно ли этим цифрам доверять? Овладели ли мы делом наших балансов и подсчётом прибылей и убытков? Мне кажется, нет, недостаточно овладели. Мы, руководители металлопромышленности, должны перед партконфе-

ренцией сознаться, что это дело у нас обстоит из рук вон плохо. Что такое 15 млн. рублей убытка для Урала? Это обозначает, что уральские тресты желают, извините за выражение, петь Лазаря. Для чего? Для того, чтобы мы их поддержали ещё за счёт государственных средств. У них больше возможностей, а поэтому в этот убыток входит не убыток самого производства, этот убыток есть результат переоценки имущества. Если мы год назад пуд чугуна продавали по 1 р. 50 к., мы теперь продаём по 95 коп. за пуд, чугуна же у нас больше, чем было в прошлом году. Однако если помножить большее количество на меньший множитель, то можно получить меньшую сумму. Если на тысячу помножить 150, то получится 150 тыс., а если эту же тысячу помножить на 95, то будет 95 тыс. Таким образом, получается 55 тыс. убытка, тогда когда никакого убытка нет. Я имею ту же тысячу пудов чугуна. Нерабочую часть основного капитала консервированного завода, на котором они не работают, но за который приходится много платить, списывают в убытки тех заводов, которые работают, хотя те, которые работают, дают непосредственную прибыль.

Но тут я огласил, что именно эта наша калькуляция и баланс ещё до конца не рассмотрены, а при рассмотрении получаются такие вещи, как, например, то, что сейчас трест выдвинул 5 млн. 300 тыс. прибыли по Югостали, что радует совершенно правильно сердце Радченко, а месяц назад Югосталь представила справку, которая здесь есть, что прибыль по Югостали равняется 14 млн. 318 тыс. Куда же девались эти 9 млн., Радченко? Теперь нам представляют, что там, может быть, будет 1½ млн. убытка.

Я должен указать на некоторые характерные цифры по части этих прибылей и убытков.

Мы знаем, что украинцы предложили трестам во что бы то ни стало снизить коэффициент продажи сельскохозяйственных машин таким образом, чтобы было рубль за рубль. В прошлом году они получили 1 млн. 100 тыс. убытка, а говорят, что этот коэффициент даст им прибыль. Так что, я повторяю, в этой области прибылей и убытков надо быть очень осторожным, и надо, конечно, считать эти цифры относительными.

Я должен сказать, что наши тресты привыкли к тому, что если они не будут петь Лазаря, им не окажут поддержки. Сейчас при той поддержке, которую металлопромышленность и остальные отрасли получают от советской власти и партии, мы должны с этой практикой покончить, потому что совершенно ясно, что эти цифры вводят и нас самих, руководителей промышленности и партии, в заблуждение и не дают возможности разбираться как следует.

Правда, вследствие наших неувязок получается очень часто, что, скажем, Внуторг или Госплан или другие организации постановляют: а, у них прибыль, давайте снизим цены. Недостаточно осторожно подходят к этому вопросу, и очень часто такой грубый подход со стороны руководящих хозяйственных органов и заставляет тресты не слишком выставлять напоказ свои достижения, потому что стоит только показать, так сейчас может наступить некоторая, неблагоприятная для развития, реакция.

Но если мы теперь перейдём к тем расчётам себестоимости, которые мы приводили, я должен сказать, что именно в нашем производстве мы в прошлом 1923/24 г., в общем и целом, можно считать, имели прибыль в размере около 13 млн. руб.: по чёрному металлу около 10 млн., по цветному — около 3 млн.

По машиностроению мы имели убыток в $5\frac{1}{2}$ млн., по судостроению — в 3 млн. 200 тыс. руб., по сельскохозяйственным машинам — 1 млн. 300 тыс. Таким образом, плюс на минус получается общая прибыль в сумме 3 млн. 200 тыс. руб.

Если взять нашу расширенную программу, которую мы вашему вниманию предлагаем, то мы полагаем, что разница между себестоимостью производства и продажной ценой — той, которая сейчас имеет место, — будет в 21 млн. прибыли. По чёрной металлургии — 16 млн., по цветной — 3 млн., по машиностроению — 900 тыс. и т. д., по судостроению убыток, по Сельмашу тоже убыток в 300 тыс. Ясно, что прибыль теоретическая. Если, например, нам, как это предлагают некоторые, сократить цены на металлоизделия на 5%, то при нашей продукции в 500 млн. 5% составят 25 млн. руб., т. е. 21 млн. руб. прибыли превратится в убыток. Если говорить относительно, а именно, каковы коэффициенты вздорожания себестоимости, то это коэффициенты следующие: в прошлом году против довоенных цен было 1,73; при той программе, которая нами предварительно была утверждена, коэффициент был 1,55, а при испрашиваемой программе — 1,45, т. е. мы видим, что удешевление себестоимости будет вместо 1,73 в прошлом году — 1,45 в нынешнем. Если выразить это в абсолютных рублях, то можно сказать следующее. Если бы мы производили нынешнюю расширенную продукцию по тем ценам, как в прошлом году, то мы произвели бы на сумму не 500 млн., а 601 млн., т. е. на 100 млн. с лишком больше, чем мы предполагаем в этом году. Это достигнуто путём расширения металлопромышленности, более правильной организации производства, при более полной нагрузке заводов. Таким образом, коэффициенты следующие. Коэффициент вздорожания

оптовых цен, а не себестоимости, в первом квартале прошлого года был 2,082, в этом году в феврале 1,708, т. е. уменьшился на 18%, тогда как сельскохозяйственный индекс увеличился с 0,998 до 1,690. Это в феврале, а в апреле увеличился на 69%. Мы в апреле достигли схождения лезвий «ножниц». Я должен сказать, что эти индексы вздорожания, которые мы имеем, не меньше и за границей. Укажу на индекс вздорожания по литейному чугуну за границей. В Англии — 1,75 против довоенного, во Франции — 2,06, в Германии — 1,61, в Соединённых Штатах — 1,44. Между тем у нас индекс вздорожания для плановых цен по литейному чугуну — 1,43, а для остальных цен — 1,50, так что, кроме Соединённых Штатов, во всех остальных странах индекс вздорожания больше, чем у нас. Конечно, надо оговориться и сказать, что этот индекс вздорожания не говорит об абсолютной цене чугуна у нас.

У нас чугун литейный стоит 1 р. 05 к., тогда как в Англии он стоит 60 коп., во Франции — 51 коп. и в Германии — 65 коп. Таким образом, мы видим, что в абсолютных цифрах чугун у них дешевле, но по сравнению с ценами довоенными он поднялся в не меньшей степени, чем у нас.

Цены с октября 1923 г. до марта 1925 г. снизились: на чугун передельный — на 37%, на чугун литейный — на 36, ферро-марганец — на 35, железо сортовое — на 25, трубы сварные — на 46%. Таким образом, мы видим, как наша промышленность, возрождаясь и расширяясь, с неудержимым темпом идёт к удешевлению.

С этим вопросом расширения и удешевления связан основной вопрос — вопрос производительности труда, вопрос положения рабочих. ЦК союза металлистов выпустил к этой партийной конференции бро-

шюру на эту тему, и я должен сказать, что в общем и целом с постановкой вопроса и с выводами я согласен. Действительно, в области производительности труда, особенно в металлургии, мы достигли значительных результатов. Например, если взять металлургию чёрных металлов и выпуск изделий на одного рабочего, то мы увидим, что он был в первом квартале прошлого года — 67, а в январе этого года — 112, т. е., как видите, увеличение почти на 74%. То же самое мы видим по всем отраслям металлопромышленности — выпуск изделий на одного рабочего за этот срок увеличился на 56%. Ясно, что этот темп очень быстрый и очень хороший. Если мы и дальше так пойдём, то ясно, что мы перегоним за границу и перегоним прежде всего те довоенные нормы, которые покамест для нас являются идеалом.

Если говорить о росте заработной платы, то мы видим, что этот рост зарплаты несколько отставал от роста производительности труда. Иначе и не могло быть, ибо если бы зарплата росла быстрее, чем производительность труда, то это кончилось бы полнейшим крахом нашей промышленности. За это время по всей металлопромышленности нормальная заработная плата в червонных рублях увеличилась на 49% при увеличении производительности труда на 56%. Если же говорить о том, сколько зарплаты приходилось на единицу изделия, то тут успех был небольшой. Мы видим, что на единицу выпуска на один довоенный рубль в первый квартал прошлого года было 42 коп., а в январе этого года 40 коп., разница небольшая, нет и двух копеек на довоенный рубль выпуска. Это, можно сказать, явление нормальное, потому что если вы возьмёте зарплату металлистов, то надо прямо сказать, что металлисты, горняки и железнодорожники, эти самые основные

категории пролетариата, больше всего отстали в смысле сравнения с довоенным временем. В Москве и Ленинграде зарплата сравнительно с довоенной высока. Так, например, по данным МГСПС, зарплата металлиста в товарных рублях в октябре составляла от довоенного уровня 120%, т. е. на 20% в Москве была выше довоенной. В Ленинграде, где довоенные ставки были очень высоки, можно сказать, что они сравнялись с довоенными, — а 100% ленинградских не меньше 120% московских. Но если изъять Москву и Ленинград, то заработная плата металлистов не выше 60—65% довоенной. Если мы возьмём Гомзу, Югосталь и Урал, то мы увидим, что там заработная плата по сравнению с довоенной невелика. Совершенно ясно, что между производительностью труда и заработной платой, как правильно указывает эта брошюра, есть естественная зависимость, и те нормы, которые мы сейчас согласовали с ЦК союза, являются жёсткими нормами. Надо прямо сказать, что это жёсткие нормы, которые могут дать свои результаты лишь при двух условиях. Одно условие: до нового операционного года мы эти нормы не должны пересматривать, они должны оставаться без изменения в том виде, как мы их приняли. Другое условие: мы, хозяйственники, — председатели трестов, заводоуправления, должны принять все меры к тому, чтобы дать рабочему возможность выработать свою норму с пользой для себя. А это возможно лишь тогда, когда действительно директор, заводоуправление, трест будут заботиться о рациональной организации данной промышленности, данного завода, о рационализации и улучшении техники и сокращении всяких накладных расходов, о том, чтобы не было так, как часто наблюдается теперь, что рабочий принуждён простаивать по полчаса, по часу, пока ему подадут

материал, подвезут сырьё и т. д., когда мастеровой, который должен стоять у станка и иметь всё у себя под руками, должен сам носить брёвна и другой материал и тратить драгоценное время квалифицированного рабочего на действия, ему неприсущие. Сейчас мы должны потратить все силы на то, чтобы дать возможность рабочему отдавать свои силы, своё знание делу. Поэтому лозунгом должно быть безусловное увеличение производительности труда и заработной платы.

Но если исходить из того только, что заработная плата у металлистов сравнительно низка, и сказать, что заработная плата безусловно должна быть увеличена, без всяких условий, то это будет неправильной точкой зрения, неправильным подходом. Почему неправильным подходом? Вы, товарищи, помните то недавнее ещё время, о котором я говорил, когда мы не уплачивали рабочему ту ничтожную заработную плату, которая ему от нас причиталась. Если мы вернёмся к тому времени, если мы будем независимо от развития производительности труда, независимо от нашей производственной базы, вслепую увеличивать заработную плату только потому, что её надо увеличить, то мы поставим металлопромышленность в ужасающее положение. Мы должны те огромные средства, которые даёт нам государство, вкладывать в промышленность так, чтобы улучшить технику, увеличить основной капитал, так, чтобы рабочий мог при новых инструментах, при новых станках, при новой организации дела сделать свою работу и, таким образом, мог бы выполнить два задания — смычку со всем населением удешевлением себестоимости, т. е. удешевлением цен, с одной стороны, и с другой стороны, не остановить роста заработной платы, который может идти таким путём, что на единицу

изделия заработная плата должна сокращаться. Что это значит? Это значит, что то количество рабочего времени, которое находится в этой единице изделия, должно уменьшиться. Если у нас в единице данного изделия 1 час рабочего труда, то дело хозяйственников, профсоюзов, производственных совещаний, директоров заводов и всех организаций, причастных к производству, — наше дело дать возможность рабочему этот предмет сделать в полчаса. Тогда он в течение дня произведёт не 8 предметов, а 16. Он работает гораздо больше, и мы можем на известный процент удешевить данное изделие, накопить некоторые средства для дальнейшего оборудования и переоборудования наших заводов.

Какие перспективы в этой области? Колоссальнейшие. Действительно, по довоенным нормам, которые нами ещё не достигнуты вообще (а эти довоенные нормы, как правильно говорится в этом издании Центрального комитета союза, не являются никоим образом идеалом), по подсчётам Главметалла, в металлургии — для того, чтобы выработать один пуд изделия, необходимо переработать 5 пудов сырья и всего прочего. Организуя правильно транспортировку внутри завода, организуя правильно отдельные этапы производственного процесса и объединяя их, мы могли бы уже при тех улучшениях, которые существуют в природе, увеличить при 8-часовом рабочем дне производительность труда на 50%, т. е. увеличить выпуск на человека количества изделий на 50% против довоенного при тогдашнем 10-часовом и 12-часовом рабочем дне. Вот в этой области мы и должны действительно работать.

Но, товарищи, для того чтобы работать хорошо в этой области, надо покончить с остатками комчванства, будто бы нам, коммунистам, море по колено,

перейдём его и т. д., с остатками, которые у нас ещё имеются. Я должен сказать, что без знаний, без учёбы нашей собственной, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала, без поддержки науки, которая именно имеет целью поднять нашу промышленность и подвести научную базу под производственные процессы, мы без этого не сможем выполнить той задачи по поднятию производительности труда, которая перед нами поставлена, т. е. мы будем обречены на то, что буржуазная заграница нас всегда будет бить, ибо она умеет заставить работать для себя и науку, и учёных, и технический персонал. Как же мы подходим ещё сейчас к техническому персоналу? Я должен сказать, что у нас очень много пережитков в этой области. Мы помним ещё то время, когда держали дубину в руках и должны были держать для того, чтобы не позволить им изменять, а кто изменяет, того стукнуть и уничтожить. Остатков той психологии, которая была тогда уместна, у нас ещё очень много держится до сих пор. Может быть, вам несколько странно, что я, председатель ГПУ, такие речи говорю. (Смех.) Но вы тем более должны прислушаться к тому, что говорит в этой области председатель ГПУ. (Аплодисменты.) Я должен прямо сказать: мы рассматриваем их часто как изменников, как наёмников. Мы обсуждаем очень часто: прибавить ему спецставку, дать ему или не дать? И наша мысль по отношению к спецу, про которого мы знаем, что без него трудно, наша мысль направлена к тому, как его купить. Я думаю, неправилен такой подход. Мы, которые, несмотря на их саботаж, овладели всей промышленностью, импонируем им могуществом пролетарского Союза, и мы можем их завоевать, как коллег, как тех товарищей, с которыми мы вместе работаем.

Необходимо создание новых бытовых и дружественных отношений к ним, для того чтобы, действительно, отделить непримиримых, которые за пазухой держат камень, от других, которые в довольно большом количестве у нас имеются. Вместе с тем для этого надо дать им какую-то конституцию на заводе и в управлении фабрикой. В самом деле, если мы посмотрим на вопросы внутреннего распорядка, то каково положение технического персонала в цехе? Ведь от него всё зависит; ведь он должен не за страх, а за совесть отмечать все недостатки квалификации, он не должен их покрывать, он должен их указывать и сказать: учись, и в пределах отведённого ему времени он должен учить и заставлять работать. Вопрос относительно того, чтобы мы подняли на высшую степень науку и создали товарищеские условия работы нашему техническому персоналу, как низовому, так и верхушечному, является основной задачей, без которой мы экономически победить буржуазную Европу не сможем. Если бы вы ознакомились с положением нашей русской науки в области техники, то вы поразились бы успехами в этой области. Но, к сожалению, работы наших учёных кто читает? — Не мы. Кто их издаёт? — Не мы. А ими пользуются и их издают англичане, немцы, французы, которые поддерживают и используют ту науку, которую мы не умеем использовать, они стараются извлечь из нашей науки для себя большую пользу. Поэтому поддержка инженерных секций профсоюзов, оказание им всяческого содействия является одной из основных наших задач.

Я должен сказать, что именно в области производительности труда одним из самых отрицательных и мучительных факторов является положение жилищного вопроса. Я об этом распространяться не буду —

это всем известно. Мы в этой области кое-что делаем, но я хотел бы обратить внимание на то, что мы это делаем очень плохо. В самом деле, я опасаясь, что те миллионы, которые страна ассигнует на это строительство, не дадут того результата, который они могли бы дать. У нас строительное дело из всех отраслей нашего хозяйства хуже всего поставлено. Там более всего остатков старорежимного воровства, растрат, бесхозяйственности. Я должен сказать, что на этот вопрос нужно обратить внимание и профсоюзам и нашим партийным организациям, чтобы те колоссальные миллионы, которые отпускаются на строительство, действительно, принесли необходимую пользу.

Если говорить относительно финансовых возможностей для металлопромышленности, то должен сказать, что, как вы видели, за этот год, благодаря тому, что мы подтянулись, что расчёты сделаны более правильно, мы обнаружили, что у металлопромышленности имеется на 44 млн. больше оборотных средств, чем мы предполагали в начале года. Вот именно эти оборотные средства, которые в металлопромышленности таким путём обнаружились в увеличенном размере, являются базой, на которой мы можем развиваться. Если посмотреть таблицу наших средств и где эти оборотные средства имеются, то мы увидим, что они имеются в избытке в чёрной металлургии, т. е. мы можем сказать Радченко, что при правильном хозяйничании, при осторожном подходе она могла бы ещё немного развернуться, но только при осторожном подходе, чтобы Радченко потом не пришлось нам присылать телеграммы: «Присылайте денег, нечем платить заработную плату».

Что касается судостроения, то оно, как я уже указывал, не имеет этих необходимых средств.

Я не буду называть здесь те цифры, которые нам в целевом порядке, в целевом назначении ассигнованы. Здесь вычислено 45 млн. 240 тыс. руб. Я должен указать, что к этому нужно прибавить 4 млн., данные правительством на медь и Риддеровское дело. Кроме того, в этом году присоединён к Главметаллу авиатрест, который, хотя и относится уже к военной промышленности, тоже получил около 4 млн. Таким образом, общая дотация, которую получили организации, находящиеся в ведении Главметалла, достигает 55 млн. руб. На покрытие же убытков дано всего только около 5 млн. руб. Но вопрос о покрытии убытков, конечно, будет проверяться, и возможно, что эти 5 млн. пойдут не на покрытие убытков, а на увеличение необходимых оборотных средств. Повторяю, многие из заводов нашей отрасли промышленности могут находиться в тяжёлом финансовом положении, но уже их дело, имея те средства, которые у них есть, свести концы с концами. Только для судостроительного треста сделано исключение, и ему помощь наша в этом году будет неизбежно оказана.

Переходя к вопросу о том, как же наши изделия, хорошие или нехорошие, мы передадим населению (вопрос о распределении), здесь нужно сказать, что в этом отношении обстоит очень и очень плохо. Должен сказать, что мы всё большую и большую часть нашей продукции распределяем через кооперацию. Так, Уралмет распределил в ноябре 1923 г. через кооперацию только 5%, а в декабре 1924 г. он уже через кооперацию распределил 56%, металлосиндикат в ноябре — 9%, в этом году — 19%. Но должен сказать, что как госторги, так и кооперативные организации дерут с крестьян за металл невозможно.

Возьмём, например, кровельное железо по Курску. Накидка 2 р. 2 к. на пуд, 2 р. 2 к. — накидка райсоюза, одна, без фрахта. Первичная кооперация накидывает ещё 1 р. 3 к. Я возьму Кубань — вот это т. Микояну интересно: вот гвозди — накидка 2 р. 60 к. на пуд райсоюзом, а первичная кооперация — та меньше, та всего 40 коп. на один пуд. Провоз стоит пустяки, потому что это не громоздкий товар, и тариф незначительный.

Таким образом, мы создаём для населения невозможное положение. Здесь были очень горькие речи относительно нашей кооперации, торгующих организаций и т. д., и к этим голосам и я должен безусловно присоединить свой голос, ибо вести политику на снижение себестоимости, на снижение цен для того, чтобы потом бесхозьяйственные организации требовали от крестьянина втридорога, — при таких условиях нет никакого стимула снижать цены. Это ведь давит и на нас: когда на заводе работает рабочий, изо всех сил старается удешевить, улучшить продукт, но знает в то же самое время, что крестьянин получит его втридорога, то у него всякий стимул, всякое желание работать пропадает. А политика цен у нас, поддержанная увязкой и связью с низовым потребителем, создаёт такой могучий рычаг для дальнейшего развития, какого история ещё не видала. Именно тот рычаг, при помощи которого мы, завоевавши советскую власть, рабочую диктатуру, создадим неслыханный рычаг спайки, увязки, смычки между рабочим, который работает у станка, и тем крестьянином, который потом будет иметь продукт его труда. И тут являются плохая, недостаточно понимающая свои задачи кооперация и торгующие органы и вбивают клин между рабочим и крестьянином.

Когда наши торгующие организации, например, наши кооперативы, жалуются на недостаток средств и всё прочее, я хотел бы спросить: оспаривают они или нет данные народного баланса, разработанные Поповым? А Попов как распределяет и какой даёт баланс народного дохода? Он указывает, что по торговле доход составляет сейчас 21% всего национального дохода, а до войны составлял 8%, т. е. из всего национального дохода на долю торговли оставалось до войны 8%, а сейчас берут 21%. В абсолютных цифрах — это 2 444 млн. руб. чистого народного дохода. Правда, в это входит и налог в виде акциза, около 500 млн.; остаётся, значит, 2 млрд., тогда как, повторяю, до войны всего только было 8%.

Это, значит, результат того, что мы не умеем торговать. Где же эти капиталы? — Нет капиталов. (*Голос с места: «Поедают».*) Вот именно, поедают. И точно так же, как в металлопромышленности, когда мы говорили: нет средств, но покопались, упорядочили кое-что и нашли, как я уже говорил выше, 44 млн. от оборотных средств, — точно так же и в торговом аппарате, в нашей товаропроводящей сети, мы должны указать, что они внутри себя расточают, поедают такие громадные средства, какие были бы достаточны для пропуска гораздо более расширенной нашей продукции. На это необходимо обратить внимание.

В самом деле, когда мы подсчитали, сколько есть организаций, которые проводят металл в деревню, то оказалось, что в настоящее время их не меньше, чем было до войны. До войны, когда продукции было в три раза больше, было около 1 300 организаций, а в нынешнее время таких организаций около тысячи и даже больше тысячи. Ясно совершенно, что сеть

достаточна, но её неупорядоченная работа приводит к таким неудовлетворительным результатам.

Товарищи, мне ещё осталось указать на тот перспективный план, который рисуется перед нами. Тот план, который я вам представил, очень скромн. Он за 3 года даёт увеличение на 80%, тогда как в этом году я испрашиваю увеличение на 82%. Кажется бы, что мой план не реален, что он пессимистический, недостаточный. Я думаю, что этот план безусловно будет выполнен, скажем, не в три года, а в полтора-два года. Но нас заставило составить столь скромный план то обстоятельство, что мы подходим к стопроцентному использованию в деле оборудования и дооборудования того основного капитала, который у нас ещё остался, который у нас ещё остаётся свободным. После использования его полностью перед нами не будет уже возможности развиваться в том темпе, в каком мы развивались до сих пор. Ибо, в самом деле, если вы посмотрите на наши заводы, то вы увидите, что они построены далеко не по последнему слову техники. Вы увидите, что некоторые из них представляют собою наслаения всяких исторических эпох, всякие пристройки и перестройки, которые делают невозможным рациональное хозяйство на данной фабрике, на данном заводе. Мы знаем, что районы расположения фабрик и заводов очень часто далеки от дешёвой водной энергии. А наш план связан с нашим планом электрификации и т. д. Одним словом, перед нами уже сейчас во весь рост стоит вопрос о необходимости постройки новых заводов по всем почти отраслям металлопромышленности. Что касается сельскохозяйственного машиностроения, то мы уже подходим к ста процентам, и безусловно в этой области необходимо как на Урале, так и на Юге уже сейчас подумать и составлять план построения

новых заводов. То же самое в области сельского хозяйства, в области тракторостроения. Тот опыт и та практика, которую мы сейчас имеем на питерском, харьковском, коломенском и других заводах, показывают нам на необходимость постройки тракторного завода. То же самое в области металлургии. Мы по сравнению с довоенным временем, можно сказать, потеряли одну треть работоспособности всех заводов, которые имелись в 1913 г., — из-за ликвидации, полного разрушения и полной устарелости этих заводов. В области цветной металлургии нам необходимо будет поднять богатейшее богомолдовское дело и безусловно подумать о необходимости постройки таких заводов. Отрасль, которая меня лично заставляет несколько пессимистически смотреть, — это отрасль большого судостроения. Вы знаете, что программы большого судостроения являются мечтой и у нас, в Главметалле, и в нашем торговом флоте. Вы знаете также и о том, что кое-где существуют проекты относительно грандиозных сооружений по Днепрострою, грандиозный проект прорыть чуть не морской канал от Ростова до Сталинграда и целый ряд других проектов новых построек и новых сооружений.

Мне кажется, что именно такой подход неправилен, что мы должны прежде всего и в первую очередь укрепить те заводы, которые у нас имеются по металлопромышленности, и построить новые для того, чтобы подвести базу под все отрасли народного хозяйства и под все остальные предприятия. Если у нас не будет добычи меди, то нечего мечтать нам о большой, огромной электрификации. Если у нас не будет оборудованных по последнему слову науки машиностроительных заводов и станков и не будет достаточного количества чугуна, то все проекты могут повиснуть в воздухе и остаться только «прожектками».

Поэтому я и предлагаю в своих выводах и тезисах признать первоочерёдным именно составление ещё в этом году плана постройки новых заводов по металлопромышленности и признать первоочерёдной именно задачу постройки в области металлопромышленности, подводящей базу под все остальные отрасли не только промышленности, но и остального хозяйства. Может возникнуть вопрос, откуда же возьмутся средства для этих работ. Мне кажется, что мы ещё не чувствуем, как мы богаты и сильны. И в самом деле, если отметить тот быстрый темп развития, который сейчас имеет место, разве мы год назад, немножко больше, скажем, в декабре 1923 г., разве мы могли его предвидеть? Мы тогда принимали в Госплане и в других учреждениях строжайшие постановления: тот трест, который свою программу превзойдёт, будет отдан под суд. Мы тогда стояли перед осенним кризисом, под впечатлением этого явления и под впечатлением того, что была бесснежная зима и был недород. Помните, целый ряд статей был, что мы слишком расширяемся, и всё же мы всё это преодолели. Однако при нашей нищете в этом году в металлопромышленности мы находим возможным дать в основной капитал больше 70 млн. руб., чтобы сделать улучшение, и я утверждаю, что при нашей советской политике улучшения, поднятия производительности труда, при нашей политике поднять во что бы то ни стало сельское хозяйство, мы этой политикой безусловно настолько поднимем сбережения населения и его платёжеспособность, что создадим базу для восстановления и расширения. И тогда, опираясь на свои средства и силы, которые мы ещё в достаточной мере не осознаём, опираясь и ставя грандиозные перспективы в ближайшее время перед собой, мы кое-кого из тех, которые думают взять нас

измором, — капиталистов — заставим, понудим вкладывать и думать о том, как бы вложить в наши предприятия капиталы свои и заграничные, — но тогда уже на условиях, более выгодных для нас, чем это могло быть раньше. Поэтому, как ни тяжела задача, стоящая перед нами, понимая величину этой задачи и цели, к которым мы стремимся, объединёнными силами партии, профсоюзов и хозяйственников мы задачу эту решим. *(Аплодисменты.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи, разрешите сначала мне ответить на те записки, которые поданы. Тут один товарищ спрашивает, какие меры мы принимаем по улучшению качества продукции. Это совершенно правильное замечание. Действительно, качество продукции является одним из основных вопросов, от разрешения которого будет зависеть успех нашего расширения. Если мы будем расширять и не будем заботиться об улучшении качества, то ясно, что мы оставим нашу металлопромышленность на куриных ножках. На это обращено достаточное внимание, и здесь нам на помощь приходят все наши заказчики, которые отнюдь не берут всего того, что им предлагают.

Вы знаете, что со стороны НКПС и со стороны других отраслей промышленности проводится большая работа по проверке и по приёмке и улучшению наших изделий. Мы, в ВСНХ, вошли в СТО, чтобы нам разрешили создание при нас специального междуведомственного органа, где были бы именно привлечены и представлены главные потребители для того, чтобы принимать и намечать ряд мер по улучшению качества. Ясно, что мы должны бороться за

улучшение качества всеми мерами, но, конечно, мы полагаем, что больше всего в этой области сделает потребитель.

Тут товарищ спрашивает: «Как быть с тем председателем треста или директором завода, у которых парторганизации требуют удаления того или другого специалиста, который не приносит пользы делу, а представитель треста упирается?» Мне кажется, что эта записка попала на один из самых больших вопросов. Действительно, нередко заводоуправления и директора заводов слишком зависят от наших партийных организаций. Если парторганизация слишком вмешивается, как это бывает по целому ряду случаев, во внутренние распорядки и персональный состав, то с председателя треста и директора завода снимается ответственность за это предприятие. Тут чрезмерная опека над председателем треста или директором завода никогда не приводит к положительным результатам, ибо если председатель треста или директор завода оценивает того или другого инженера-специалиста как положительную величину, а партийная организация требует его удаления и назначения другого, то это значит — снять ответственность с администрации. И поэтому мне кажется, что парторганизации в этом отношении должны быть очень осторожны. Ведь наши председатели трестов и директора заводов должны подбираться не кем иным, как партийными организациями. Но раз партийная организация избрала и назначила председателя треста, она не должна его по мелочам и по каждой детали опекать. Она должна оказывать ему поддержку для того, чтобы директор завода или председатель треста оправдал партийное доверие, а для этого необходим срок. Мы должны учиться; мы ещё очень мало понимаем, — и мы должны опираться на тех,

кто знает дело, и сами учиться. Поэтому в этих вопросах надо быть очень осторожными; совершенно ясно, что данный директор, если попадает в конфликт с партийной организацией, не сможет наладить своего дела никоим образом. Поэтому чем меньше мелочной опеки, тем меньше будет поводов для таких конфликтов, и тем лучше можно будет о деятельности директора судить уже по результатам, т. е. имея известный промежуток времени для оценки успешности или неуспешности его работы.

Далее товарищ спрашивает: «Как мы конкретно думаем помочь средствами кустарю, когда сами средств не имеем?» Мне кажется, эта постановка вопроса несколько метафизическая, не диалектическая. Ведь очень часто бедняк с бедняком вдвоём, если будут помогать друг другу, могут быть богаты. А если они будут говорить: я бедняк и ты тоже, и не будут помогать друг другу, то они и останутся бедняками. Однако при всей нашей бедности, разве мало у нас было лома, разве мало было так называемого неликвидного имущества, которое портилось, ржавело на складах у нас? И однако, если бы мы не держали на складе, а дали бы в кредит то, что у нас лежит без движения на складе, находящиеся там запасы, тому же кустарю, чтобы он мог сделать соответствующие изделия, то он пустил бы в оборот то, что мертво. А мы бы его обогатили за счёт мёртвого капитала. Почему мы так быстро развёртываемся и могли бы развёртываться ещё быстрее? Потому что у нас есть капитал, который лежит без движения. Поэтому если у данного треста имеется сырьё, которое лежит бесполезно, то, будучи передано другому тресту или кустарю, оно может дать колоссальный доход государству. Поэтому при благосклонном и правильном отношении наших металлотрестов и ме-

таллопромышленности в целом к кустарю мы найдём тысячу путей помочь ему. Если спросить: правильны ли у нас взаимоотношения заводов Нижегородской губернии с кустарём? Можно ли здесь сделать большее? На это можно ответить, что во многом эти взаимоотношения неправильны, во многом можно было бы кустарю помочь больше.

Дальше спрашивается, что надо сделать, чтобы на Урале не было таких больших убытков. Я думаю, что это писал кто-нибудь с Юга. Я, кажется, пояснял, что убытки на Урале бумажные. Я пояснял это на примере пуда чугуна в 1 р. 50 к. и 95 коп. Урал безусловно, в производстве имеет прибыль, и, для того чтобы не было убытков, нужно улучшить счетоводство, улучшить калькуляцию и продолжать дальше в том же духе свою работу, т. е. в сторону удешевления.

Каковы наши взаимоотношения с профсоюзами по поднятию производительности труда? Наши взаимоотношения с профсоюзами следующие. Линия у нас одна, но в текущей практике в результате получается некоторое состязание. Мы нажимаем с одной стороны, они нажимают с другой стороны. Но линия у нас одна, принципиальных разногласий нет. Это есть, если хотите, два органа одного и того же класса — орган хозяйствующий и орган, который имеет в виду непосредственную защиту интересов рабочих в связи с общим хозяйственным развитием, несмотря на противоречия, которые были между нами при разрешении того или другого конкретного вопроса. Например, сегодня Лепсе продемонстрировал наши взаимоотношения. Что они — правильны или нет? Правильны. Лепсе нажимает на то, чтобы мы в своей стране подняли хозяйство, удешевили производство, но при этом не перегибали

палки в отношении того элемента, который всё определяет, на котором держится наша политика и экономика, который является нашей базой, то есть в отношении рабочего класса. Мы, с другой стороны, защищаем интересы хозяйства от, может быть, чересчур большого нажима, вытекающего из тех тяжелых условий, в которых приходится жить нашему рабочему классу.

Товарищ спрашивает, когда будут открыты в Таганроге механический завод и котельный завод. Механический — в 1925/26 г., котельный же — в 1926/27 г. Это предположение ориентировочное. Программа, которая рассчитана на 3 года, вероятно, будет выполнена в полтора года.

Затем мне указывают, что я ничего не сказал о рудной промышленности. Я говорил, что рудная промышленность составляла в прошлом году 14% от довоенного уровня, в этом году 24%. В этом году намечается расширение на 71%. Рост значительный.

Кроме того, должен указать, что рудная промышленность Юга бездефицитна, снизила значительно цены, вывозит в этом году, если не ошибаюсь, 20 млн. за границу. Имеются все данные, что в развитии рудной промышленности мы будем идти нога в ногу с потребностью нашей металлургии.

Ещё вопрос насчёт авиа- и моторостроения — область у нас совершенно новая. Только недавно организовался авиатрест, который должен это дело наладить и поставить на ноги.

Товарищи указывали в некоторых записках на тяжёлое положение Морзавода в Севастополе. Когда я говорил о тяжёлом положении судотреста, я имел в виду также и севастопольский завод. Я думаю, не-

обходимо обратить внимание, ибо этот завод единственный наш завод в Крыму, это база крымского пролетариата, которую из-за недостатка заказов мы теряем. Мы полагаем, что удастся дать лесовозное судно для работы этому заводу.

Теперь разрешите ответить на то, что говорили выступавшие товарищи. В общем и целом против моей постановки вопроса о металлопромышленности ни в коей мере возражений не было, а было лишь обращено внимание на те или другие частности.

Медведев совершенно прав, когда он указывает, что снижение цен металлопромышленности в значительной степени зависит от снижения цен на топливо. Это безусловно верно, но это верно именно в отношении нашей металлургии, а не в металлообрабатывающей промышленности и не в машиностроении, где топливо не играет такой значительной роли. Но здесь я должен сказать, что наша металлургия на кого-то другого кивать не должна. В самом деле, Югосталь — она получает уголь не от Донугля, она базируется на угле своих собственных рудников. И Медведев неправ, когда он делает этот упрёк. Именно этот уголь там и добывается. На этой почве были споры и очень серьёзные. Донуголь доказывал, что у него уголь дешевле, чем у Югостали, и выдвигался даже план отнять весь уголь у Югостали и передать его Донуглю, план, против которого я возражал, потому что Югосталь должна иметь в своих руках все элементы удешевления. Также и Урал. Он работал на древесном угле, который он сам заготавливал, сам выжигал, а сейчас он переходит на кокс кузнецкий. А поэтому правильно, что он на это обращает внимание, и это нужно отнести не к другим, а к самим себе.

Дальше Медведев указал на баснословно тяжёлые условия по жилищному вопросу и на неправильное распределение средств. Мне кажется, это последнее обвинение неправильно. Эти средства распределены следующим образом. Украина получила (я говорю о металлопромышленности) 4 600 тыс., Урал — 4 млн., Центр — 3½ млн. и Северо-Западный край — 43 тыс. Урал и Украина в распределении на первом месте. Вы слышали здесь Стриевского, который рассказывал о тяжёлых условиях рабочих, когда приходится рабочему на подмосковном заводе платить 20 руб. за одну койку. Это неслыханная беда. Я уже указывал в своём докладе, и Стриевский мог это заметить, что я считаю жилищный вопрос одним из основных в развитии производительности и налаживании промышленности. Ясно совершенно, что мы не так, как этот миллиардер, о котором говорил Стриевский, богаты. Мы настолько бедны, что всех потребностей удовлетворить не в состоянии. Если рассмотреть программу жилищной нужды, то нам нужно было бы 200—300 млн. руб. затратить для того, чтобы жилищная нужда рабочих металлопромышленности была удовлетворена. Но, видя эту нужду, мы всё же должны соразмеряться с теми средствами, которые мы имеем. Поэтому, подчёркивая жилищную нужду, надо сейчас, когда программа утверждена и средства распределены, всё внимание обратить на то, чтобы эти деньги не пошли в воздух. Если эти деньги дать отдельным группам рабочих, то они могли бы лучше и больше построить, чем то, что мы строим сами. На эту сторону нужно обратить внимание. И если мы эту проблему разрешения жилищного вопроса, начатую только в этом году, проведём, и проведём умело и дельно, то мы этим кладём начало огромному движению на ряд лет. В этом году по ме-

таллопромышленности мы могли отпустить 12 млн. руб., а при развёртывании, которое получает народное хозяйство, а значит и государственный бюджет и бюджет металлопромышленности, можно надеяться, что в будущем году эта сумма будет удвоена. Затем Медведев, кивая на Урал, указывал, что они продают и в Перми, и в Воронеже, и в Донбассе свои трубы. Не только трубы, но и другие изделия продавал Урал. Медведев подсчитывал с карандашом в руках, что мы теряем на этом 300 тыс. руб. Он указывает, что надо было бы нашу промышленность регулировать не административными мерами, а точным подсчётом цифр. Я спрошу Медведева: цифры, которые вы здесь приводите, не есть ли административные? Разве вы можете поклясться в их правильности?.. И если Урал бьёт и бил Юг, то это означает: товарищи южане, подтянитесь, удешевляйте свою продукцию, и, таким образом, вы восстановите то естественное положение, которое действительно должно быть между Уралом и Югом.

Когда вы будете дёшево производить, никто вам мешать не будет. А когда дорого производится, когда у вас плохая организация, то ясно, что, несмотря на потерю 300 тыс. на перевозку, Урал, однако, там внедряется. Надо ли это хвалить или закреплять? Конечно, нет. Урал имеет свои пути развития, Юг — свои пути развития, и я спрашиваю здесь вас: должны ли мы сказать, что Юг хороший, а Урал никуда не годится, на Урале крест поставить, Юг выдвигать. Это совершенно неправильная точка зрения, абсолютно неправильная, ибо и Урал и Юг, вместе взятые, слишком малы для того, чтобы удовлетворить все наши потребности, которые всё развиваются, ибо на Урале живые люди и такие же рабочие. Урал — один из оплотов советской власти, не только в

Екатеринославе, на Брянском заводе, этот оплот, не только там. И если мы беспристрастно спросим о Юге и Урале, то я должен сказать, что в смысле организационном, в смысле подхода к делу, в смысле его развития Урал до сих пор превосходил Юг. Там, где нужно было личное достоинство, личная работа, где нужно было преодолеть трудности природы, где надо было преодолеть трудности отсталой техники, которую мы унаследовали от царского режима на Урале, — там Урал шёл впереди, несмотря на то, что Юг поставлен в такие благоприятные условия, с какими Урал совершенно не может сравниться. И если Радченко указывает на те достижения, что цена пуда чугуна у них 95 коп., а себестоимость — 77 коп., то можно привести целый ряд уральских заводов, где эта себестоимость ниже: Сысертский завод — 65 коп., Билимбаевский завод — 71 коп. и т. д. Разве оборудование, которое имеется на Юге, можно сравнить с уральским? У вас цена должна быть гораздо дешевле, чем на Урале, потому что у вас совершенно другие условия работы, совершенно другой капитал вложен. Если вы посмотрите на довоенную производительность труда, то выпуск на одного человека на Урале был 1 100, а у вас — 3 тысячи. Эти ваши довоенные 3 тысячи — пустяковые, эти 3 тысячи могут быть 5 и 6 тысячами при правильной постановке дела, потому что, повторяю, у вас условия совершенно другие. Мы должны изжить эту конкуренцию. Темп развития, который получился на Юге, так громаден, что трудно за ним поспевать. Радченко говорил здесь о том, что ещё перед XIII съездом он сигнализировал необходимость развития. Я мог бы сказать, что мы могли в 1917/18 г. сигнализировать необходимость расширения нашей промышленности выше, чем до войны. Ясно, что надо взять карандаш и посчитать.

сколько на человека падает фунтов этого металла. Рабоче-крестьянская Россия — разве она может быть другой, как не металлической, как именно такой базой, которая могла бы защитить наше государство и крепко держать октябрьские завоевания? Только с металлом, как со своей базой, она может это выполнить и поднять производительные силы, которые круятся в недрах нашей земли.

А что вы делали, Радченко, на Украине? Я, конечно, не вас персонально имею в виду. Не согласовавши совершенно с планом, который вы сами наметили и который необходим, в условиях, когда заработную плату мы рабочим во-время не уплачивали и не могли концы с концами свести, вы пускали целые заводы, вы присылали делегации и говорили, что ни копейки не потребуется, а не более как через 3 недели после самовольного открытия завода пришла телеграмма от вас. Вы должны были наше хозяйство вытаскивать за уши, как секретарь Донецкого губкома. Вы прислали телеграмму: «Присылайте деньги». Но разве такой подход нужен? Я с вами боролся не потому, что вы пустили Макеевский завод, что вы пустили макеевскую домну, а потому, что вы пустили так, что вышли из этого ненужные трения. Поэтому ясно, что план нужен был для того, чтобы развернуть нашу промышленность и создать условия, при которых можно было бы свести концы с концами. До сих пор ещё Югосталь не имеет своего баланса. Правда, она прислала его в последнюю минуту. Как, хозяйство хорошо поставлено или нет? Ещё недостаточно правильно. Знаем ли мы, какие там элементы имеются? Ещё не знаем достаточно. Следовательно, для того чтобы выполнить те задачи, которые перед нами стоят, нам нужно, прежде всего, очистить поле брани, очистить наш собственный дом, наши

собственные тресты и тогда бесперебойно идти вперед.

Товарищи! Я на пленуме ЦК предупреждал и говорил: надо полгода дать на разработку плана постройки новых заводов, надо дать срок, чтобы и мы и районы могли поспорить, где эти заводы строить. Товарищи! Я думаю, что полгода действительно хватит. Здесь принимать какие-либо постановления, обуславливающие, что непременно должна быть вблизи электрическая станция и целый ряд других условий, нельзя. Надо дать нам свободу, чтобы мы учли все элементы для того, чтобы разрешить эту тяжёлую задачу. Я думаю, что при нашем методе привлечения мест к разрешению вопроса опубликование нашего предварительного ориентировочного плана даст возможность в конце концов иметь такую его проработку, которая удовлетворит всех.

Товарищи! Я перехожу теперь к Лепсе. Тут действительно при введении новых норм, т. е. при их увеличении, и, следовательно, при снижении расценок может быть целый ряд ошибок, и иначе быть не может. Если вы думаете, что мы можем коммунизм ввести, если будем сидеть в кабинете, обложимся книгами и составим идеальный план, а потом уже этот план будем проводить, то мы знаем наверняка, что мы с таким планом провалимся, ибо наш план — это есть процесс выявления сцеплений нашей государственной промышленности и отдельных её отраслей между собою, каждой из этих отраслей с нашим рынком, с теми, для кого мы работаем, т. е. с крестьянством. Сцепление каждой отдельной отрасли и всех отраслей, вместе взятых, и выявление этих взаимоотношений и сцеплений есть процесс роста, есть процесс, который происходит в нашем сельском хозяйстве, от которого мы в конечном счёте зависим

и в финансовом отношении, и в хозяйственном отношении, и во всех других отношениях.

Этот процесс ещё не завершился, не закончился, и выявить его нам, крупной промышленности, объединяющей пару миллионов рабочих, против ста миллионов крестьянства, для того чтобы этот план, ведущий к коммунизму, разработать, для этого нужно жить, для этого нужно бороться, для этого нужно разрешать целый ряд проблем, и одной из этих проблем является проблема заработной платы и производительности труда. Мы должны наш выпуск на одного рабочего во что бы то ни стало увеличить. Мы сейчас этот выпуск на одного рабочего называем производительностью труда. Конечно, теоретически это совершенно неправильное название, и очень часто оно приводит к путанице; часто говорят, что если у нас выпуск на 1 рабочего по данному тресту увеличился на 20%, то значит, и производительность труда и его интенсивность тоже увеличились на 20%. Ничего подобного. Когда мы производим большую нагрузку на станок, на машину, тем самым без лишней затраты человеческого труда мы увеличиваем выпуск на одного человека, и весь прогресс, все наши задачи, которые мы ставим перед собою для разрешения, связаны с тем, что если теперь на одного рабочего выпуск равняется единице, то мы должны добиться того, чтобы он был 3—4 единицы.

Как мы можем этого достигнуть? Первым этапом нашей борьбы был какой этап? Я сам был его инициатором: это был нажим на рабочего, чтобы уплотнить рабочий день, чтобы рабочий класс в целом подтянулся. Поэтому, если рабочий работал не 8 часов, которые полагаются по нашему законодательству, а фактически работал 4—5 часов, а остальное время проходило даром, то надо было это изжить. Мы

должны сказать, что дружной кампанней партни и рабочего класса мы в целом эту задачу разрешили. Для каждого рабочего теперь является азбукой, что его заработная плата, его смычка с крестьянством, удешевление цен, удешевление производства могут базироваться только на поднятии производительности труда. Если рабочий имеет возможность это сделать, — то он враг себе, он враг рабочему классу как таковому, если он этого не сделает. Это мы уже сделали, но ясно совершенно, что при нашем оборудовании, при нашей технике, при наших организационных навыках и при нашей расхлябанности, которую мы унаследовали от разрухи периода военного коммунизма, мы не можем уже сейчас выигрывать только на том, что рабочий желает работать. Недостаточно желания, но должна быть и возможность, а кто эту возможность должен дать? Совершенно прав был Лепсе, когда он привёл рассказ Макарова, директора завода имени т. Петровского. Нужно, чтобы заводууправления шевелили мозгами. Это правильно, и поэтому-то я и к вам сегодня обращался и неоднократно указывал на других собраниях о необходимости подбора технического персонала. Нам нужно не только шевелить мозгами, а нам нужны и сами мозги: не имея мозгов, трудно ими шевелить. (Смех.) Поэтому нам нужны те мозги, которые в той или другой области специализируются, и я повторяю: товарищи профессионалисты, товарищи рабочие, работающие у станка, мы нажали на вас в ваших же интересах, но и вы нажмите на нас, вы тоже пошевелите мозгами, вы работаете у станков, скажите, как улучшить организацию производства, заставьте думать хозяйственников, которые не могут за всем уследить, вы знаете, что наш аппарат слаб, что мы недостаточно его воспитали, что у нас

недостаточен кадр людей, чтобы подбирать его, а у вас имеются фабзавкомы, рабочие ячейки, производственные совещания, у вас имеются пути для того, чтобы улучшить, рационализировать производство.

Если вы думаете, что наши хозяйственники одни, шевеля мозгами, могут что-нибудь дать, вы ошибаетесь. Только, если вместе с вами мы будем шевелить мозгами, мы сможем рационализировать производство. Возьмите хотя бы вопрос изобретательства рабочих. Дело из рук вон плохо поставлено, бюрократически поставлено. Какая польза, что мы пишем в газетах всюду и везде: поддерживайте изобретательство, и Сосновский старается в отдельных случаях, — а в результате мы имеем АИЗ, организацию, где собираются специалисты изобретений и создают касту изобретателей. Нет, надо понести изобретение к тому рабочему, который стоит у станка и может кое-что изобрести. Всё наше внимание — к производству, к станку, фабрике и заводу; надо поменьше поощрять всякие фокусы и прожектёрство.

Нельзя не снижать расценки при увеличении нормы. Я не говорю о норме по какому-нибудь одному станку, но если взять рабочих в целом на заводе, если мы введём какие-нибудь технические улучшения, если улучшим организацию, это сейчас же скажется. Но мы ясно должны сознавать, и каждый хозяйственник должен понять это, что мы, не поднимая заработную плату, не приобщая рабочих к результатам их труда, ничего не сделаем, не удовлетворим крестьян и не будем иметь базы для рабочих. Ясно, что это повышение зарплаты должно идти именно на базе организации производства, улучшения производства, исчерпания самим производством тех средств и тех капиталов, которые должны рабочего

поставить на твёрдые ноги. В самом деле, мы теперь танцуем от довоенных норм заработной платы. До войны ещё металлисты кое-как зарабатывали. А возьмите текстилей: 15—18 руб. в месяц. Они были настоящими белыми рабами. И если Стриевский, повторяя слова английского миллионера: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешёвые вещи», перефразирует их, говоря: «Мы не настолько богаты, чтобы платить низкую заработную плату», надо перефразировать и это и сказать: «Мы не настолько бедны, чтобы работать без расчёта». Именно наше богатство в будущем основывается на нашей бедности сейчас; наша бедность и наш расчёт внушают полную уверенность, что через пару лет мы будем стоять на уровне выше довоенного в этом отношении.

Тов. Лепсе указывает на то, что надо похвалить рабочих. Мне кажется, этого делать не надо, не потому, что не за что хвалить, а потому, что рабочему классу этого не нужно. Надо перед рабочим классом как таковым развивать дальнейшую перспективу. Если здесь нужно засвидетельствовать, как поднимается производительность, то я уже сказал и, как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, не буду преувеличивать, что нормы, которые были приняты, — жёсткие нормы, что надо очень потрудиться и поработать для того, чтобы их провести в жизнь; т. Ворошилов, который был на Луганском заводе, где он раньше работал, слышал от ряда старых рабочих, что они теперь зарабатывают 80 руб., а до войны зарабатывали около 120 руб., но работают сейчас с интенсивностью на 20—30% выше довоенной.

Эти факты несомненны, но неизбежны, и я должен сказать, что именно для металлистов, патриотов

своего дела, отнюдь не чуждо, как развивается промышленность; когда было трудно достать деньги и увеличить нищенскую зарплату, со стороны металлистов нажима не было, и мы совместно работали, чтобы поднять производительность и в ней найти источник средств. Поэтому специально похвалить, я думаю, не следует.

Тут указывалось, что было большое среди рабочих беспокойство относительно реального снижения заработной платы, могущего иметь место в связи с дороговизной на хлеб. Я должен сказать, что те признаки, которые сейчас имеются, говорят о тенденциях, более или менее успокоительных: цены, по видимому, не будут так расти. Так, если мы возьмём вторую декаду этого месяца, мы увидим, что индекс продовольственных товаров по сравнению с первой декадой 98%, т. е. понижение на 2%. Если взять мясо, индекс даёт уменьшение по сравнению с первой декадой на 7—8%, на рыбные товары очень незначительное, — разница (по Москве) на 0,9%, молочные продукты и яйца на 5% подешевели. Таким образом, в прошлой декаде рост цен был замедлен, так что в связи с погодой мы можем полагать, что то несчастье, то бедствие, которое на рабочих свалилось в связи с повышением хлебных цен, что оно будет в скором времени исчерпано. Некоторые товарищи думают, что потери, которые мы несём на хлебных ценах, мы должны возмещать, увеличив номинал заработной платы. Эта политика неправильная, и это значило бы перекладывать потери всего населения, вытекающие из бедствия с недородом, обратно на крестьян. Это было бы возвращением к товарному рублю, это был бы подрыв червонного рубля. Поэтому наша система борьбы с высокими ценами на хлеб может идти в сторону упорядочения хлебных загото-

вок, снабжения хлебом и сокращения наших цен, себестоимости наших изделий, чтобы, таким образом, возместить потери в бюджете рабочего. Наконец, Урываев указал, что я забыл упомянуть о новом деле — холодильнике. Действительно, Гомзой заключается договор с германской фирмой Борзиг на предмет установки на Коломенском заводе производства холодильных машин, и так как наше восстанавливающееся птицеводство и животноводство требуют массы холодильных сооружений — и вагонов, и стационарных, то Коломенскому заводу предстоит громадная работа, которую мы надеемся с честью выполнить.

Я просил бы утвердить те выводы, которые из моего доклада вытекают и которые изложены в десяти пунктах розданных вам материалов. (*Бурные аплодисменты.*)

Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической Партии (большевиков). (Стенографический отчет), Госиздат, 1925.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР — ОСНОВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ДОКЛАД

НА XIV МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)
ДОСТИЖЕНИЯ 1924/25 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РОСТА

— Товарищи, бурный рост нашей госпромышленности и всего народного хозяйства, свидетелями и участниками которого мы являемся, есть результат той правильной линии, которая была выработана нашей партией и которая была проведена на практике всем рабочим классом, упорно работающим над укреплением социалистических элементов нашего на-

родного хозяйства. Я должен здесь указать, что величайшим завоеванием нашего рабочего класса является то, что партия сумела выделить для работы в области промышленности необходимый кадр как партийных, так и беспартийных работников-хозяйственников. Благодаря усилиям всего рабочего класса и наших хозяйственников под руководством партии мы достигли такого уровня промышленности, который далеко опередил все наши смелые предположения, которые мы имели всего год тому назад. За этот год промышленность наша возросла по сравнению с предыдущим 1923/24 г. на 62%, тогда как в наших предположениях, в наших планах мы полагали, что она разовьётся в этом истекшем 1924/25 г. на 20—30%. Как видите, мы в процентах ошиблись, но мы не ошиблись в нашей политике укрепления социалистических элементов нашего хозяйства, поднимая тем самым всё наше хозяйство на более высокую ступень развития.

В чём заключалась эта линия и эта политика? Эта линия заключалась прежде всего в том, что наша промышленность не рассматривалась как самодовлеющая, сама для себя существующая промышленность, а рассматривалась как величайшее орудие, которое отвоевал рабочий класс у буржуазии для обеспечения всего населения необходимыми ему изделиями, для поднятия производительных сил всей страны, для укрепления всего нашего хозяйства. В руках рабочего класса промышленность является величайшим орудием для удовлетворения потребностей всего населения. И мы видим, что действительно, вопреки предсказаниям наших врагов, вопреки надеждам их, мы без посторонней помощи, своими собственными силами достигли того уровня, на котором сейчас находимся.

Наша политика, обеспечивающая нам достижение этого уровня, состояла в том, что мы неуклонно исходили из положения, что движущей силой нашей революции и наших успехов является та основная директива, которую нам оставил наш вождь Ленин, — это смычка с крестьянством, удовлетворение его потребностей, изыскание средств и мер для того, чтобы эти потребности как крестьянства, так и рабочего класса могли быть удовлетворены.

Вы помните, как два года тому назад, осенью (в октябре 1923 г.), мы переживали явление, которое охарактеризовано ножницами, т. е. тем расхождением цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которое было непосильно для нашего крестьянства. Тогда наша партия подняла кампанию за снижение цен на промышленные изделия, за проведение денежной реформы, повлекшей укрепление нашей денежной валюты, за понижение себестоимости и поднятие производительности труда. Всеми этими мероприятиями мы достигли тех результатов, которые у нас имеются налицо.

Каковы же эти результаты? Если взять рост нашей промышленности из года в год, то мы видим следующую картину:

Таблица 1

РОСТ ПРОДУКЦИИ КРУПНОЙ ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ

	Продукция * в миллионах довоенных руб.	В % к пре- дыдущему году	Примечание
1921/22	850	150,0	* За вычетом внутритрестовского оборота
1922—1923	1 239	145,8	
1923—1924	1 621	130,8	
1924—1925	2 616	161,4	
1925—1926	3 872	148,0	

Как известно, истекший 1924/25 год был годом частичного недорода, и именно для того, чтобы преодолеть последствия этого недорода, нашей партией были даны указания не только не ослаблять развёртывания нашей промышленности, а, наоборот, тот ущерб в народном хозяйстве, который должен был получиться вследствие недорода, покрыть за счёт усиленного промышленного производства, с одной стороны, и удешевления производства — с другой, для того чтобы крестьянское население, составляющее огромное большинство страны, могло бы приобретать наши изделия. На текущий год (1925/26) продукция нашей промышленности намечается уже 3 872 млн., т. е. с увеличением всего на 48% по сравнению с продукцией предыдущего года.

Можно спросить себя, почему же мы темп развития этого года берём меньше, чем он был в предыдущем году. Тут надо указать на следующее: мы подошли вплотную к использованию всего того основного капитала, всего того оборудования, которое у нас имелось и досталось нам от буржуазного строя.

ВАЖНЕЙШАЯ ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА— РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Перед нами в настоящее время стоит задача реконструкции, возобновления и расширения этого основного капитала. До сих пор мы могли оживлять всё то разрушенное, то полуразрушенное, что нам осталось в результате наших боёв и наших побед. Мы подошли к концу использования основного капитала, и нам приходится уже ставить более далёкие, более широкие задания — задания постройки нашей промышленности на новой, более высокой технической базе, путём использования всех тех достижений техники, которые имеются в буржуазном мире и которые

при нашем советском строе и рабочей диктатуре должны будут обеспечить проведение социализма.

Каким быстрым темпом мы росли до сих пор, я укажу на следующий факт. От последнего нашего XIII партсъезда в мае 1924 г. месячная продукция нашей госпромышленности возросла больше чем в два раза (в 2,17 раза). В мае 1924 г. месячная продукция равнялась 132 млн., а в октябре этого года она равнялась 286 млн. и достигла уже 88% от 1913 г. Таким образом, если бы даже уровень в течение всего 1925/26 г. остался бы только таким, каким он был в октябре, то мы в 1925/26 г. превысили бы производство прошлого года на 32% и при выполнении полностью нашей программы подошли бы вплотную к 100—102% довоенного производства. Однако эта программа, как я указывал, обуславливается не тем, что насыщены потребности страны, а обуславливается нашими техническими и экономическими возможностями. Только при том условии, если нам удастся из экономических сбережений и накоплений во всей стране вложить достаточное количество средств на переоборудование наших заводов, на постройку новых заводов в тех областях, в которых основной капитал уже истощился совершенно, — только при этих условиях мы сможем в будущем 1926/27 г. достигнуть всего только 20% роста производства по сравнению с настоящим 1925/26 г.

На этот факт необходимо обратить сугубое внимание, ибо если нами, нашей партией, нашим правительством не будут приняты меры для изыскания и увеличения средств по реконструкции и переоборудованию наших построек и наших новых фабрик, то мы можем быть обречены в следующие годы на неслыханный тяжёлый товарный голод, который нас мучит уже теперь.

Если мы сравним производство в довоенное время самых основных продуктов, то увидим, что, несмотря на этот большой рост нашей промышленности, мы, однако, по целому ряду отраслей не достигли того производства на душу населения, которое было в бывшей империи (см. таблицу 2). Ведь не нужно забывать, что бывшая Российская империя охватывала и Польшу, охватывала и Прибалтику, которые

Таблица 2.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Отрасли промышленности	До войны	В 1924/25 г. по отчетным данным	В 1925/26 г. по программе	Продукция, приходившаяся в 1925/26 г. на душу населения в % к довоенным нормам
Чугун	72 ф.	22,4 ф.	43 ф.	60
Хлопчатобумажные ткани	21 м	12,7 м	17,5 м	84
Кожа	0,33 пары	0,22 пары	0,27 пары	78
Спички	25 кор.	21,3 кор.	25 кор.	100
Стекло	8 ф.	2,7 ф.	4,6 ф.	57
Керосин	14 »	10 »	11 »	80

работали на общий рынок. Если мы возьмём производство на душу населения в тогдашней империи и в теперешнем СССР, то мы увидим, что производство чугуна на душу населения было 72 фунта, а у нас 43 фунта по программе на 1925/26 г. По коже мы в этом же году удовлетворим только 78% по сравнению с довоенным временем. В отношении стекла ещё меньше: всего 57%. И, однако, для выполнения этой программы, не удовлетворяющей спроса, не удовлетворяющей потребности страны, нам необходимо будет в этом году пустить до 400 бездействующих заводов во всём СССР, увеличить количество работающих шахт с 250 до 289 и дать нагрузку нашим заводам до

90—93%. Это указывает, какие величайшие трудности имеются у нас сейчас для выполнения даже этой программы. И, действительно, мы видим, что по целому ряду отраслей, как электротехнической, каменноугольной, лесной, стекольной, бумажной, хлопчатобумажной и в значительной части по металлической и по обувной, у нас уже нет никаких технических возможностей расширить производство дальше без постройки новых фабрик и заводов.

РОСТ УДЕЛЬНОГО ВЕСА ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ

Товарищи, нам надо на конференции ответить на вопрос, шёл ли рост нашей промышленности в сторону укрепления социализма или, наоборот, в сторону укрепления капиталистических элементов? На это отвечают следующие данные относительно удельного веса, который занимает во всей нашей промышленности государственная промышленность (см. таблицу 3). Если сравнить движение 1923 и 1924 гг. с 1925/26 г., то мы увидим, что государственная промышленность выросла за это время на 117%, т. е. если считать в 1923/24 г. госпромышленность за 100, то в 1925/26 г. она будет равняться 217%. Кооперативная вырастает со 100% до 245%, т. е. мы имеем повышение на 145%, т. е. даже больше, чем в государственной промышленности. Кооперативная промышленность выросла больше государственной, хотя она занимает относительно очень малое место: так, в 1925/26 г. государственная промышленность составит 71% всей промышленности, тогда как кооперативная — всего только 4½%. Что же касается мелкой кустарной промышленности, то та поднимается со 100 до 140%, т. е. всего только на 40%. Она составляла в 1923/24 г. почти одну третью часть всей промышленности. Сейчас же она составит (хотя она и выра-

стает на 40%) одну пятую часть — 21% от всей промышленности, тогда как удельный вес частной, так называемой ценовой, промышленности падает с 3,5% до 2,7%.

Таблица 3

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ

Годы	Вся промышленность	В % ко всей промышленности			
		Государственная	Кооперативная	Мелкая кустарная	Частная
1923/24	100	63,5	3,6	29,4	3,5
		100	100	100	100
1924/25	100	67,8	4,9	24,2	3,1
		150	193	117	128
1925/26	100	71,5	4,6	21,2	2,7
		217	245	140	148

Таким образом, мы видим, что за этот период та незначительная часть, которая была в руках частной промышленности, хотя и развивалась, но развивалась так незначительно, что с каждым годом её удельный вес во всей нашей промышленности падает.

ПОЛОЖЕНИЕ С МЕТАЛЛОМ

Отраслями промышленности, определяющими возможности для других отраслей более широкого развития, являются следующие: металлическая, рудная, электротехническая, топливная, лесная, химическая и строительных материалов. Поэтому позвольте мне более подробно остановиться именно на них. В тех отраслях, которые я перечислил, общий и характеризующий их факт тот, что в конце 1924/25 г. у большинства из них была запродаана большая часть их продукции. Например, Югосталь по металлопромышленности изоцрилась продать к концу 1924/25 г. на

12% больше, чем вся её программа на 1925/26 г. Это, с одной стороны, указывает, насколько нескладный торговый аппарат у Югостали, но, с другой стороны, указывает, насколько сильные требования и потребность существуют на рынке, когда изделия закупаются на год вперёд и вся программа уже продана. До 1923/24 г. металлопромышленность занимала самое последнее место по сравнению с производством металлопромышленности в довоенное время. Но как только стал вовлекаться в производство основной капитал лёгкой индустрии, сейчас же потребовалось обновление этого основного капитала как лёгкой индустрии, так и на транспорте и в сельском хозяйстве. Таким образом, потребность в металле стала расти не по дням, а по часам, чтобы наверстать всё то, что было упущено за предыдущие годы. Мы видим, что если в прошлом году общий рост промышленности был 62%, то по металлопромышленности рост был больше чем в два раза за 1 год.

Мы знаем, какой недостаток мы ощущали и ощущаем до сих пор в цветных металлах. Действительно, по цветной металлургии, по цветным металлам мы выросли в прошлом году по сравнению с предыдущим на 120%, т. е. больше чем в два раза. Самый большой рост, который характеризует и всю нашу политику, всю ту линию, которая была занята и дана нашей партией, — это рост сельскохозяйственного машиностроения. Прирост сельскохозяйственного машиностроения дал в прошлом году 132%, т. е. производство сельскохозяйственных машин увеличилось почти в два с половиной раза. Программа, которую мы намечаем в этом году, увеличивается ещё в два раза (на 92%) и даёт уже огромнейшую цифру производства на 83 млн. в год, что уже превысит довоенный уровень на 23%. Мы этого могли достигнуть

только благодаря тому, что в области сельскохозяйственного машиностроения нами были приняты меры по рационализации и стандартизации производства.

ПОТРЕБНОСТЬ ТРАНСПОРТА И ГРУЗОБОРОТА

Несмотря на быстрый темп развёртывания металлопромышленности, мы видим, что по тем подсчётам, которые нам удалось произвести в Главметалле, мы 30 млн. пудов потребностей в металле не можем удовлетворить. Особенно велика здесь опасность в отношении снабжения транспорта. Эта опасность заключается в том, что если мы не удовлетворим потребностей транспорта и если транспорт не сможет удовлетворить потребность грузооборота, то транспорт может задержать развитие всей хозяйственной жизни страны. Мы в прошлом году, при всём напряжении нашей металлопромышленности, выполнили программу НКПС только на 75%. Мы не могли выполнить больше, а в текущем 1925/26 г. мы получили от НКПС заказ, в два раза больший, чем в прошлом, но и этот заказ не удовлетворяет потребностей в обновлении основного капитала, подвижного состава нашего транспорта, а соответствует исключительно только тем финансовым возможностям, которыми наш транспорт располагает. Я должен обратить внимание на то, что наш грузооборот благодаря правильной линии нашей партии в развитии производительных сил всего нашего народного хозяйства поднялся так быстро, что если мы когда-то говорили, что транспорт и железные дороги могут достигнуть довоенного уровня только в 1941 г., потом стали говорить в 35 лет, то теперь мы видим, что уже сейчас были дни, когда погрузка доходила до 29 тыс. вагонов ежедневно, что уже составило 85% от довоенного времени. Поэтому

перед нами стоит теперь задача удовлетворения потребностей грузооборота в вагонах и паровозах. Для того же, чтобы мы через год, через два могли дать транспорту в интересах грузооборота ежегодно 35 тыс. вагонов и до 1 000—1 200 паровозов, мы должны в этом году вложить огромное количество средств и усилий, чтобы те паровозо- и вагоностроительные заводы, которые разрушались за это время, привести в надлежащий вид. Вот какая тяжёлая и трудная задача в этой области стоит перед нами.

НЕОБХОДИМО УСИЛИТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕДР

Я должен обратить ваше внимание на наши потребности в области цветных металлов. Мы жили до сих пор остатками, старыми запасами, переплавкой лома, но переплавка лома и старые запасы истощились. С точки зрения обороны страны, с точки зрения основной базы реконструкции нашего основного капитала и с точки зрения выполнения завета Владимира Ильича по электрификации страны нам необходимо обратить величайшее внимание на использование тех огромнейших богатств, которыми наш Союз и наша Республика обладают. Я должен сказать, что мы кое-чего достигаем и достигли. Одним из предметов наших долгих споров и наших долгих переговоров с концессионерами был Карабаш, находившийся в собственности Уркарта. Это — один из богатейших медных рудников. От нас требовали 10 млн. руб., с нами договорились, что если будет заключён концессионный договор, то этот Карабаш после 3 лет будет давать ежегодно 300 тыс. пудов. Мы послали комиссию, и наша комиссия определила, что для того чтобы пустить в движение и в работу

этот рудник, надо вложить больше 5 млн. руб. Наше государство этих денег дать не могло. Но в прошлом году оно дало 900 с чем-то тыс. руб., и те сообщения, которые приходят оттуда, говорят, что уже с июня этого года рудник будет восстановлен полностью, не через 3 года, как обещал Уркарт, а уже к концу этого года он будет давать нам полное довоенное производство, т. е. до 500 тыс. пудов (*аплудисменты*). Вот что значит воля рабочих! Я должен здесь сказать, что если бы тут были просто наёмные рабочие, если бы здесь была простая эксплуатация, а не борьба за строительство социализма, то ни в коем случае не могло бы быть речи о том, чтобы можно было достигнуть таких результатов, ибо только воля и желание рабочих не только не сдавать врагу наших богатств, а показать, что мы являемся действительными строителями социализма, дали нам такие блестящие результаты.

Далее, мы имеем другое открытие в этой области. Мы страшно бедны цветными металлами, у нас их нет на руках, но есть огромное количество их в наших недрах. Я могу сообщить вам радостную весть, что на одном из свинцово-цинковых рудников, на Северном Кавказе, наш Институт минеральных удобрений нашёл огромные, миллионные залежи свинцово-цинковой руды. Кроме того, мы пустили в работу и восстановили Риддеровские рудники, на которые претендовал Уркарт, и мы надеемся, что через несколько лет мы достигнем в этой области больших результатов. Но для этого нам необходимо вложить средства. Я упоминаю об этом потому, чтобы вам было совершенно ясно, что каждый наш шаг, каждое наше задание, которое мы сейчас ставим перед собой и которое является для нас обязательным, поскольку мы желаем удовлетворить потребности страны.

сохранить нашу самостоятельность и обороноспособность, всё это требует огромнейших средств и колоссального напряжения со стороны всех трудящихся. Что касается железной руды, то мы здесь должны усиленно развивать нашу деятельность, тем более что как железная руда, так и, например, марганцевая руда являются одним из основных наших ресурсов, которые мы можем вывозить за границу.

Надо сказать (я об этом буду говорить более подробно), что мы без экспорта не можем иметь импорта, а обойтись без импорта мы не можем. Мы сможем обойтись без импорта только в том случае, если пойдём на значительное сокращение темпа нашего развития.

Мы можем ввести оборудование и недостающее для нас сырьё только в том случае, если вывезем соответствующее количество изделий своей страны. Поэтому именно добыча железной руды, являющейся одним из предметов экспорта и в которой мы сами нуждаемся для развития нашей металлургии, должна развиваться более быстро, чем остальные отрасли. Я должен указать, что мы до сих пор в отношении железной руды больше пользовались теми запасами, которые были на поверхности земли, чем той рудой, которую надо извлечь из земли.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Я перехожу к электротехнической промышленности.

Электрификация — база социалистического строительства. То, что нами сделано в этой области и что делается, я могу охарактеризовать следующими цифрами. В довоенное время, за годы 1911—1916, ежегодный прирост энергии в среднем равнялся

100 тыс. киловатт. После Октябрьской революции мы до октября 1925 г. добились увеличения только на 145 тыс. киловатт за всё время. Но уже в 1925/26 г. на основании тех работ, которые были произведены за предыдущие годы, прирост наш будет в 300 тыс. киловатт, т. е. один год даст нам прирост, в три раза больший, чем ежегодный средний прирост довоенного времени.

Чтобы указать вам, какой значительный рост и сдвиг в этом отношении у нас произошёл, я назову вам следующие цифры: выработка наших станций по Москве в 1913 г. давала всей энергии 154 млн. киловатт-часов, а в 1925/26 г. уже будет давать 422 млн. киловатт-часов. Как вы видите, рост с 154 до 422 млн. — почти в три раза, а до 1928 г. мы должны увеличить выработку до 1 млрд. киловатт-часов.

Это достижение сделалось возможным благодаря не только тем средствам, которые мы вкладывали в электрификацию (например, в этом году СТО уже постановил ассигновать на электрификацию 76 млн., в прошлом году было 49 млн., а в позапрошлом — 50 млн.), но и благодаря тому, что мы успешно разрешили ряд технических вопросов. В довоенное время электрическая энергия пользовалась привозным топливом, по большей части нефтью и углем, тогда как в настоящее время наши станции пользуются нашим колоссальнейшим торфяным запасом. Только что открытая Шатурская станция, которая, по отзывам наших техников, может быть названа одной из лучших станций в техническом отношении во всей Европе, пользуется топливом по коэффициенту полезного действия 18%, тогда как московские станции — не больше 11%. Конечно, это нам даёт огромное удешевление энергии. Так, например, средняя

себестоимость по Москве в нынешнем году $5\frac{1}{2}$ коп., тогда как на Шатуре себестоимость $2\frac{1}{2}$ —3 коп.

Но вместе с развитием нашей электрификации необходимо, чтобы шло в том же темпе и развёртывание электротехнической промышленности, ибо электрификации без электротехники нет. Необходимы машины, необходимы лампы, необходимы кабели и пр. И мы, действительно, видим, что рост электротехнической промышленности идёт у нас быстрыми шагами. В прошлом году мы достигли довоенного уровня, а по программе, которая намечена на этот год, мы достигнем 165% по сравнению с 1913 г.

Таким образом, в отдельных отраслях мы ещё не достигли довоенного уровня, а в некоторых отраслях мы уже перешагнули его.

УВЯЗКА ТОПЛИВНОГО БАЛАНСА

Следующим нашим слабым местом является наш топливный баланс. Мы помним то время, когда недостаток топлива определял приостановку наших заводов, когда мы не могли пустить металлургические заводы потому, что были отрезаны от топлива и не имели его в достаточном количестве. Конец позапрошлого года и весь прошлый год уже характеризовался совершенно другим положением. Мы в конце 1923/24 г. и весь 1924/25 г. до конца квартала имели некоторый избыток топлива. Мы должны были даже сокращать топливное производство вследствие несоответствия между развитием промышленности в Донбассе и другими отраслями. В результате слишком быстрого роста и расширения производства в Донбассе мы в прошлом году даже должны были пойти на сокращение количества рабочих, занятых в каменноугольной промышленности. Нам пришлось с 156 тыс.

на 1 октября 1924 г. сократить на 1 апреля 1925 г. до 118 тыс., т. е. почти на 38 тыс. уменьшить количество рабочих в донбассовских каменноугольных коях.

Но как только наша металлургия стала оправляться и как только наши домы стали одна за другой пускаться, мы стали переходить в обратную полосу, в полосу недостатка топлива, в полосу недостатка кокса. Избыток топлива объяснялся недостаточным развитием металлургии потому, что она больше всего потребляет топлива.

Программа и выработка прошлого года почти отличались от выработки 1923/24 г., а в этом году мы должны будем увеличить производство в Донбассе на 55% от производства прошлого года, достигая по Донбассу 77% от довоенного производства, а по всей угольной промышленности 83%. Но, достигая только 77% в Донбассе от довоенного производства, загрузка шахт, которые могут быть пущены в работу, достигнет уже 100%. Для того чтобы выполнить эту программу, на которую я указываю, — а она должна быть выполнена безусловно, — для этого необходимо будет все шахты, которые имеются, пустить в работу и для обеспечения дальнейшего роста в текущем году необходимо будет заложить 27 новых шахт.

Что касается нефти, то в прошлом году было такое же положение, как в позапрошлом и в 3-м году. Как и в угле, мы не имели недостатка нефти, и благодаря этому нам удалось увеличить наш экспорт за границу с 43 млн. всех нефтепродуктов в 1923/24 г. до 80 млн. в 1924/25 г. Но, для того чтобы удовлетворить потребность в этом году, нам уже придется почти подойти к довоенному уровню. Довоенное производство было 562 млн., а в этом году мы будем иметь 512 млн., т. е. 91%.

Если перейти к тому, каков же наш топливный баланс, то мы видим, что процент в отношении количества дров в нашем топливном балансе сократился, и минерализация не только достигла довоенного уровня, но даже превзошла его.

Так, твёрдое минеральное топливо составляло в довоенное время 53%, а теперь оно составляет 57%. Вместе с тем запасы топлива на железной дороге и в промышленности в этом году сократятся очень значительно, и мы переходим в полосу недостатка топлива, что накладывает на нашу промышленность, транспорт и всех потребителей топлива обязанность проявить величайшую экономию и рационализацию в сжигании и использовании топлива. Кроме того, в связи с тем, что мы переходим в эту полосу недостатка топлива, перед нами встаёт организационный вопрос относительно увязки и руководства использованием энергии, которая у нас имеется. Таким образом, перед нами в связи с этим встал вопрос относительно создания энергетического управления, которое ведало бы вопросами правильного распределения и использования как электрической, так и топливной энергии. Что касается дальнейших перспектив топливных, то здесь надо указать тот факт, что перед нами стоят перспективы транспортных затруднений. Если не будут развёрнуты и расширены железнодорожные пути в районе Донбасса, в районе угледобывающем, если не будет увеличен подвижной состав как вагонов, так и паровозов, то трудно будет думать о том, чтобы мы могли вывозить топливо, которое должны будем добывать в связи с развитием потребностей. Таким образом, мы видим, что, ставя вопрос о топливе, мы должны поставить и вопрос о транспорте, для того чтобы он не отставал от общего уровня развития всего нашего народного хозяйства.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СЫРЬЁ

Из остальных отраслей я должен в двух словах остановиться ещё на производстве строительных материалов. И в этой области в этом году ожидаются величайшие неприятности и трудности. Речь идёт о лесных материалах. Постановлением ВЦИК было проведено соревнование и торги по отпуску лесосек, но это было проведено так, что вышло совершенно иначе, чем это предполагал ВЦИК, когда он принимал это постановление. ВЦИК имел в виду увеличение местных доходов по этой статье приблизительно на 14%. Однако после того, как была проведена кампания соревнования и торгов, мы получили в результате увеличение накладки на несколько сот процентов.

Если взять по нашим 11 трестам корневую стоимость леса в среднем, то оказывается, что в 1924/25 г. до торгов стоимость была 8 р. 24 к., а сейчас мы имеем 24 р. 50 к., т. е. почти в три раза больше.

Это увеличение цены на попенщину явилось результатом торгов и соревнования, т. е. результатом отмены до некоторой степени государственного регулирования и замены его рыночными отношениями в условиях недостаточного количества отпущенных лесосек.

После окончания этих торгов оказалось, что недостаток лесосек по дереву равнялся 302 тыс. куб. саж., а по материалам — 609 тыс. куб. саж. для тех потребностей, которые совершенно конкретно и реально выявились. В результате мы имеем увеличение стоимости лесных материалов на 55%. Конечно, увеличение стоимости лесных материалов повлекло за собой и увеличение стоимости бумаги. Если взять калькуляцию бумаги, которая зависит в большей своей

части от стоимости древесины, то мы увидим, что себестоимость бумаги увеличилась на 26%. В целом ряде отраслей промышленности, которые связаны с лесной промышленностью, мы видим последствия вздорожания леса. Например, в цементной промышленности стоимость самой бочки достигла 2 руб., тогда как в довоенное время бочка стоила 35 коп.

Далее, необходимо обратить внимание на отрасли, от которых зависит уровень развития др. отраслей, это прежде всего — химическая промышленность. В прошлом году у нас соды и поташа было достаточное количество, мы могли его вывозить, а в этом году мы не можем обеспечить наших внутренних потребностей. В химической промышленности мы достигли больших результатов в смысле развития производства суперфосфата. Мы за истекший год выработали суперфосфата в два раза больше, чем в предыдущем (53,4 тыс. тонн 1924/25 г. против 26,6 тыс. тонн 1923/24 г.).

Разрешите теперь перейти к вопросу о сырье. Это один из самых основных вопросов, ибо без сырья мы не можем развернуть нашей промышленности. Ход снабжения промышленности сырьём виден из следующей таблицы (см. таблицу 4).

Вместе с тем развитие сырьевых культур, покупка и потребление сырья указывают на то, как влияет на наше сельское хозяйство развитие нашей промышленности. Мы увеличили посевную площадь хлопчатника от 145 тыс. до 590 тыс. десятин. Мы подошли почти вплотную к той площади посева, которая была в довоенное время. Та же картина по льну и по сахарной свёкле, где увеличение площади засева последней в прошлом году дало увеличение с 15 до 35 тыс. берковцев. По маслосеменам мы превзошли довоенный уровень. С чем у нас плохо в

Таблица 4

ХОД СНАБЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЫРЬЕМ

	Посевная пл. (тыс. дес.)	Годы	Товарный сбор (тыс. пуд.)	Потребл. промышл. (тыс. пуд.)
Хлопок (волокно)	641	1913/14	14 606	25 872
	145	1923/24	3 612	6 997
	461	1924/25	6 197	12 200
	590	1925/26	12 000	17 528
Лён	1 053	1913	15 000	5 000
	—	1923/24	23 000	—
	—	1923/24	6 000	4 100
	649	1924/25	8 000	4 700
	951	1925/26	10 500	5 200
Свёкла сахарная (в тыс. берк.)	516	1913	55 350	55 350
	—	1923/24	13 168	13 168
	318	1924/25	15 234	15 234
	440	1925/26	35 992	35 992
Кожа (тыс. штук):	—	1913	10 300	10 300
	—		41 000	24 000
крупн.	—	1923/24	4 600	5 000
	—		4 200	4 200
мелк.	—	1924/25	6 000	6 400
	—		6 300	6 300
крупн.	—	1925/26	12 500	8 000
	—		6 100	8 100
мелк.	—		(вкл. вырост.)	(вкл. вырост.)
	—		75 135	61 322
Маслосемена	—	1913	75 135	61 322
	—	1923/24	109 426	24 968
	—	1924/25	104 760	36 150
	—	1925/26	183 000	58 128
Шерсть	—	1913	3 650	6 100
	—	1924/25	780	1 500
	—	1925/26	835	1 965

области сырья, это — с шерстью. По инициативе ВСНХ организовано общество, которое должно содействовать возможному росту нашего овцеводства, а также закупать шерсть за границей.

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Переходя к вопросу о характеристике финансовых результатов работы нашей промышленности, следует привести следующие данные. Прибыль промышленности из года в год увеличивалась, составляя в 1923/24 г. 160 млн. руб., в 1924/25 г. — 375 млн., а в 1925/26 г. предполагается около 450 млн. руб. Таким образом, вы видите, что цифра прибыли за этот год довольно значительная. Цифры убытков составляли в 1923/24 г. 70 млн. руб., в прошлом году — 25 млн. руб. и в этом году, несмотря на все наши усилия, предполагается 15 млн. убытку, в том числе по Московской губ. около 4 млн. убытку. Сюда входит, к сожалению, также и автотрест, который ещё не наладил своей работы по производству новых машин. Наши прибыли распределяются таким образом: по металлообрабатывающей промышленности — 25 млн. руб., по нефтяной — 25 млн. руб., по текстильной — 115 млн. руб. Но этими прибылями не следует увлекаться, ибо, если мы рассмотрим, как восстанавливается оборудование промышленности, то мы должны сказать, что те амортизационные отчисления, которые мы делаем, слишком недостаточны для того, чтобы восстановить то, что мы изнашиваем. Нормы наших амортизационных отчислений были приняты и установлены правительством тогда, когда нам нужно было во что бы то ни стало сокращать и снижать цены, когда мы не смогли свести концы с концами, когда ножницы были в полном разгаре, — тогда для амортизации был взят самый незначительный процент.

Это было сделано на основе оценки тогдашнего положения, причём расчёт исходил из нормальной изнашиваемости. Так, если фабрика должна была быть амортизована спустя 50 лет после того, как она была построена, то основной капитал был рассчитан по довоенным ценам в смысле амортизации делением на 50. Если мы будем продолжать и дальше таким же методом амортизировать нашу изношенность, то мы дойдём до такого времени, когда у нас вместо каждой тысячи веретён останется пятьсот. Прибылями ни в какой мере нельзя увлекаться, ибо мы должны за счёт этих прибылей восстановить наш основной капитал, так как без него мы не сможем работать.

Финансовое положение нашей промышленности весьма отличается от довоенного состояния, что видно из следующих данных.

В 1911—1913 гг. на 1 р. товарной части продукции имелось оборотных средств 97 коп. Мы же в прошлом году имели 79 коп., а в этом году мы собираемся ещё довести до 75,5 коп. Это свидетельствует о том, что мы в финансовом отношении работаем в иных условиях, чем в буржуазном капиталистическом строе. Можно сказать, что благодаря нашему советскому строю, благодаря нашей системе восстановления промышленности, благодаря этому всему мы можем достигнуть больших результатов, чем при буржуазном строе, с меньшим наличием средств.

Для нас эти 75 коп. на рубль вместо 97 коп. довоенных обозначают величайшее финансовое напряжение, тем более, товарищи, что не надо забывать, что это есть средняя цифра для всей промышленности. А если мы возьмём отдельные отрасли промышленности, то в одних мы имеем несколько больше, а в других даже ещё меньше, чем эти 75 коп. на рубль. И, действительно, по целому ряду

отраслей у нас в этом году нехватает оборотных средств. Мы подсчитали, я думаю, что, может быть, эти подсчёты несколько преувеличены, что нехватает до 70 млн. руб. оборотных средств. Откуда их получить? Безусловно, для некоторых отраслей мы должны обращаться к правительству, но для остальных и для большинства мы должны изыскать и найти эти средства в самой промышленности. Мы должны научиться оборачивать капитал гораздо быстрее. Партия в этом отношении должна оказать громадную помощь и поддержку на местах в части оживления так называемого неликвидного имущества. У нас нередко лежит мёртвым грузом сырьё, лежит материал, однако фабрики и заводы не желают его выпустить, не желают его продать тому, кто нуждается в нём, считая, что эти материалы им когда-нибудь пригодятся. В результате может получиться обратное. Ты держишь у себя на заводе это так называемое неликвидное имущество, не давая его тому, кто в нём нуждается, а в результате может получиться дезорганизация нашего производства вследствие недостатка в другом производстве именно этих материалов.

Кроме того, перед нами стоит большая задача в этой области в смысле организации так называемого промышленного фонда. Мы действительно имеем в целом ряде заводов слишком много имущества, а у других слишком мало. Мы вошли в правительство с этим вопросом, и он должен рассматриваться в СТО. Мы вошли с предложением о предоставлении права ВСНХ организации такого общества под руководством ВСНХ, которое, организовавши фонд долгосрочных кредитов, могло бы манипулировать теми средствами, которые в отдельных хозяйственных единицах лежат без достаточного использования в настоящее время.



Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ в своём рабочем кабинете, 1926 г.
(Фото)

Если перейти к вопросам кредитования промышленности, то на первый взгляд суммы кредитов промышленности могут показаться весьма значительными. И, действительно, наша задолженность была на 1 октября 1923 г. всем четырём банкам 162 млн. руб., на 1 октября 1924 г. она равнялась 446 млн. а на 1 октября 1925 г. эта задолженность уже равняется 962 млн. руб. Мы видим, как сильно выросло использование того оружия, которое называется кредитом, т. е. использование тех свободных средств, которые имеются в других отраслях и держатся в банке. Наш Промбанк, специально построенный для удовлетворения промышленности, из года в год развивается, и мы видим, как он с баланса на 1 октября 1923 г. в 87 млн. 500 тыс. руб. дошёл в нынешнем году на 1 октября 1925 г. уже до баланса в 571,2 млн. руб., т. е. его баланс возрос в семь раз. Это указывает, что наша промышленность мало-помалу учится использовать то оружие, которое прежде для пролетариата было недоступным, а именно — финансы, кредит и банк. Но, однако, этих заёмных средств у нас недостаточно, что видно из следующей таблицы (см. табл. 5). В довоенное время на рубль собственных оборотных средств было чужих средств — кредита 2,5 рубля, а у нас на один рубль наших средств предполагается 75 коп. кредита. Но огромная разница заключается в том, что тогда общее количество сбережений у населения было гораздо больше. Капиталисты умели при помощи своих десятков и сотен банков и всяческими другими методами эти сбережения притянуть себе. Мы можем, конечно, то же самое и в гораздо большей степени сделать, но лишь тогда, когда общее благосостояние поднимется, когда действительно в стране будет достаточно для этого накоплений и сбережений.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СОБСТВЕННЫМИ И ЗАЁМНЫМИ
ОБОРОТНЫМИ КАПИТАЛАМИ

	На 1 рубль собственных	На 1 рубль заёмных
В 1911/12 г.	1	2,5
1/X-1924 г.	1	0,52
1/X-1925 г.	1	0,54
1/X-1926 г.	1	0,75

Я должен указать, что именно в этом году мы надеемся из займа хозяйственного восстановления, организуемого Наркомфином и утверждённого СТО, получить около 142 млн. рублей как долгосрочный кредит. До сих пор мы правильного долгосрочного кредита не имели. Заём хозяйственного восстановления должен быть началом целого ряда займов, в том числе и промышленных, когда мы сможем от населения через долгосрочный заём получить сбережения, которые оно имеет, для развития промышленности в таком размере, чтобы она была в состоянии удовлетворить все нужды населения.

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КАПИТАЛЬНЫЕ ЗАТРАТЫ

Товарищи, из того, что я говорил, вы видите, насколько мы в этом году должны расширить и развернуть наши капитальные работы, переоборудование и постройку новых заводов. Когда казалось, что урожай будет больше, тогда мы думали, что можно будет довести наши капитальные затраты до суммы 1 040 млн. руб. в этом году, тогда как в прошлом году мы затратили приблизительно около 370—400 миллионов рублей. Но так как в этом году мы подошли вплотную к необходимости восстановления основного капитала под страхом задержки всего темпа и всего развития, мы должны были в этом

году нашу программу восстановления изношенного оборудования и постройки нового значительно расширить.

После просмотра наших программ и наших заявок с учётом тех средств, которые страна может отпустить на промышленность, мы определили наши капитальные затраты вместо 1 040 млн. в 896 млн. рублей, причём эти затраты должны были быть произведены на капитальный ремонт, переоборудование и расширение, на новые постройки фабрик и на жилищное строительство. Проект этот ещё окончательно правительством не рассмотрен, поэтому я вам докладываю его здесь как проект ориентировочный, который никоим образом не подлежит увеличению, а который, может быть, и по всей вероятности, будет в связи с общим нашим тяжёлым финансовым положением изменён в сторону сокращения.

По тому варианту, который был принят в СТО, на капитальный ремонт и переоборудование и расширение фабрик и заводов отпускается 660 млн., из них одна треть на обыкновенный капитальный ремонт, а две трети, т. е. больше 400 млн., на реконструкции, на полное обновление износившегося оборудования. На новые фабрики затрачивается 151 млн. руб., на жилищное строительство по линии ВСНХ (а не всей Республики) — 85 млн. против 118 млн., которые мы испрашивали. Если говорить об отдельных отраслях, на которые эти затраты предназначаются, то я укажу на главные: на металлическую — 240 млн., нефтяную — 121 млн., текстильную — 158 млн., химическую — 51 млн., стекльно-фарфоровую — 22 млн., огнеупорную — 22 млн., на электротехническую — 16 млн. и на каменноугольную — 64 млн.; следовательно, основные суммы идут на те отрасли, на которые я указывал, как на определяющие уровень всех

остальных отраслей. Если говорить о расходовании на жилищное строительство, то при той колоссальной нужде, которая существует в настоящее время, 85 млн. являются минимальной цифрой. На съезде металлистов была определена минимальная сумма на одну только металлическую промышленность 60—70 млн. рублей. Действительно, если взять хотя бы текстильную промышленность, то мы видим, что жилищная нужда здесь неслыханная, и неудовлетворение этой нужды может сорвать ту программу вовлечения новых рабочих, которую мы намечаем. В данном вопросе необходимо иметь в виду, что мы приступили к восстановлению жилищ только в прошлом году, и так как наша строительная деятельность не может опираться на массовое фабричное производство, которым можно было бы руководить и которое можно было бы концентрировать, то и в нашей строительной промышленности очень и очень много неуязвок. Если обратиться к коэффициентам вздорожания во всех отраслях и сравнить со строительным делом, то окажется, что в нём коэффициент вздорожания самый чудовищный. Он в прошлом году доходил до 2,42, т. е. в два раза больше, чем в довоенное время.

Действительно, в смысле хищений, в смысле отсталой техники и в смысле кустарничества нет ни одной отрасли, которая была на том уровне, как наше строительство. Поэтому нам необходимо сейчас, до наступления строительного сезона, подытожить кампанию прошлого года, учесть недостатки и наметить необходимые меры. Я должен сказать, как председатель ОГПУ, что мне пришлось, к сожалению, познакомиться с очень многими работниками Госстроя, Мосстроя и т. п., но как председатель ВСНХ я этим похвастаться не могу. Мы организовали строительный отдел, но он ещё идёт ощупью и ищет путей.

Поэтому партийная наша организация должна обратить сугубое внимание на этот вопрос не только для того, чтобы получить эти средства и чтобы средства эти были отпущены, но и на то, как организовать это дело на местах, так, чтобы эти средства действительно дали соответствующие результаты.

В смысле постройки новых заводов я могу огласить следующие данные: мы предполагали до сокращения нашей программы начать проектировать и строить в этом году 168 заводов. Сейчас мы ограничились 117 заводами, кроме кирпичных заводов по Московской губернии и проклада 28 шахт.

Таблица 6

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И НАЧАЛО ПОСТРОЙКИ НОВЫХ ЗАВОДОВ И ШАХТ В 1925/26 г.

	Затраты в 1925/26 г.	Число заводов
Металлопромышленность	23 550	25
Электротехническая	2 500	1
Каменноугольная	12 360	1+28 нов. шахт
Нефтяная	16 394	7
Андвилан	2 750	1
Химическая	10 126	18
Лесная	10 481	16
Бумажная	13 368	6
Текстильная	22 647	16
Стекольная	18 242	6
Силикатная	12 575	7+зав. кр. кирп.
Кожевенная	1 620	3
Крахмало-паточная	1 400	1
Махорочная	1 100	1
Маслобойная	2 130	5
Рыбная и консервная	2 219	2
Разные	210	1
	151 662 (вместо предполагаемых 196 млн.)	117 зав.+кр. кирп.+28 шахт.

Вот наши предположения, но я опасаясь, что они в некоторой части будут подвергнуты сокращению. Если говорить относительно Москвы (что вас должно интересовать), то из общего количества 896 млн. руб. на капитальные затраты предполагается израсходовать на Москву и Московскую губ. 117 млн. руб., т. е., как вы видите, очень почтенный процент. Эта сумма распределяется следующим образом: на жилищное строительство — 13 млн. 800 тыс., на капитальные работы — 95½ млн., на новые заводы — почти 9 млн. руб. Самый большой расход по Московской губернии падает на текстильные фабрики — 57 млн. и на металлическую промышленность — 29 млн. руб. В этом году предполагается в Москве построить следующие заводы. Переоборудовать бывшую постройку «Проводник» и создать там электротехнический комбинат, на что предполагается ассигновать свыше 2 млн. руб. Затем, при Москвоугле — сушильный завод, 2 химических завода (суперфосфатный и мыловаренный). Кроме того, предполагается отпустить до 2 млн. руб. на постройку заводов красного кирпича.

Из тех затрат, которые я вам огласил, составляющих в общей сумме 896 млн., мы испросили по госбюджету 157 млн., из средств хозяйственного восстановления — 148 млн., а остальные должны быть покрыты из прибылей, из амортизационных средств, а также из кредитов (на долю последних до 100 млн. руб.).

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ГОСБЮДЖЕТ

Здесь надо поставить себе вопрос: сможет ли государственный бюджет ассигновать такие средства? Мне кажется, что ответ может быть только один: государственный бюджет не может отказать и не

может не найти средств в стране для удовлетворения этих потребностей в развитии промышленности. В самом деле, если посмотреть на рынок в наших деревнях, то мы видим, что наши отпускные промышленные цены являются чем-то очень малым по сравнению с теми ценами, которые население платит за наши промышленные изделия. Это означает, что массовый низовой потребитель переплачивает колоссальные суммы. Следовательно, у этого потребителя имеются достаточные средства для того, чтобы покрыть те расходы по расширению и обновлению промышленности, благодаря которым можно изжить товарный голод, приводящий на почве неналаженности товаропроводящей сети к таким вздутым ценам.

На это можно возразить, что ассигновка на промышленность таких средств может поколебать нашу твёрдую валюту. Вот на этот вопрос я хочу здесь дать совершенно чёткий и ясный ответ.

Промышленность является для государства и для государственного бюджета источником пополнения госбюджета. Если обратимся к цифрам, чтобы посмотреть, какова же роль нашей госпромышленности в бюджете, то увидим, что цифры показывают следующее (см. табл. 7). Промышленность, непосредственно как общесоюзная, так и республиканская и местная, за последние 2 года выплачивала в общегосударственный и местный бюджет: в 1923/24 г. — 65 млн., в прошлом году — 142 млн., в этом году платежи определены по государственному и местному бюджету 216 млн. Удельный вес доходов от промышленности из года в год возрастает и даёт увеличение в процентном отношении по сравнению со всеми доходами, которые получает государство от других отраслей народного хозяйства.

РОЛЬ ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МЕСТНЫХ БЮДЖЕТАХ

	1923/24 г. в мр. в % по всем доходам бюджета	1924/25 г.	1925/26 г. по пост. СТО
Доходная часть бюджета			
Неперелагаемые (отчисл. от прибылей подоходного налога . Возврат госу-дарств. облиг. 8% займа) . .	65,8—34%	142,8—41%	215,9—41%
Перелагаемые (прямые налоги, кос- венные, пошлины от лесов)	411,8—40%	804,7—47%	1 341,1—56%
Всего	477,6—18%	947,5—26%	1 557,0—32%
НКПС и НКТП	725,7—27%	984,6—27%	1 513,7—31%
Общегос. бюдж.	2 679,8—100%	3 578,9—100%	4 829,8—100%
С.-хоз. налог	195,8—7%	321,8—9%	235—5%
Расх. часть бюджета . .	23/24	24/25	25/26
I. Мирн. промышл. . . .	70,9	98,5	157,6 (СТО)
Расх. по гос. кр. оп. . .	—	—	10 (ВСНХ и НКФ)
» по ЦКБ	—	9	37,6 (СТО)
Итого	76,9	107,5	205,2
Сальдо для пром. от неперелож.	+11,1	— 35,3	— 10,7
II. Электриф.	50,8	49,9	76 (СТО)
Воен. пр.	15,5	23,5	34,4
ВСНХ и научн. инст. ГСНХ	18	29	43,1 (ВСНХ. НКФ — 41)
	84,3	102,4	153,5
Итого	161,2	209,9	359 млн. руб.
% от дохода через про- мышл.	34	22	23
	Год урожая и вывоза	Год неурожая	

Вместе с тем через наши промышленные изделия госбюджет имеет возможность получать из года в год следующее количество средств (путём прямых и косвенных налогов, путём пошлин и доходов: в 1923/24 г. — 411 млн., в 1924/25 г. — 804 млн. и в этом году — 1 млрд. 341 млн. Таким образом, непосредственно от промышленности и через промышленность госбюджетом получено в 1923/24 г. 427 млн., а в этом году — более 1 млрд. 500 млн. руб. Это составляет в отношении всего государственного дохода из года в год следующий процент: в 1923/24 г. — 18% всех государственных доходов, в прошлом году — 26%, а в этом году уже составляет 32%. Если мы возьмём всё количество доходов, получаемых от промышленности и через промышленность, то увидим, что доход НКПС равнялся в 1923/24 г. сумме 725 млн., а в этом году — 1 млрд. 500 млн., в процентном отношении: в 1923/24 г. — 27%, а в этом году — 31%.

По сельхозналогу получаемый доход в 1923/24 г. был 195 млн., в 1924/25 г. — 322 млн., а в этом году — 235 млн. В процентном отношении это составляло: в 1923/24 г. — 7% всех доходов, в этом году — 5%.

Если же посмотреть на те расходы, которые государство вкладывает в нашу промышленность, и подсчитать все расходы не только на восстановление мирной промышленности, но и на электрификацию, на военную промышленность, относящуюся к обороне страны, на содержание всех наших административных аппаратов, научных институтов, то мы получим, что за эти 3 года ассигнования были следующие: 1923/24 г. — 161 млн., 1924/25 г. — 210 млн. и на 1925/26 г. — 359 млн. Если взять отношение от той суммы, которую государственный бюджет получает

от промышленности, то это составит в 1923/24 г. довольно большой процент — 34, а в этом году, при тех больших затратах, которые именно планирует наша промышленность, — всего только 23. Это значит, что на 100 руб., которые государство получает через промышленность, 23 руб. даётся на её восстановление и расширение.

Мне кажется, что прямой и простой хозяйственный расчёт указывает и требует, чтобы этот расход был произведён.

ВНЕШНИЙ ТОРГОВЫЙ БАЛАНС И НАША ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Я должен ещё остановиться на одном моменте, крайне важном для промышленности, — это наш экспортный план. Многие обычно думают, что роль промышленности в вывозе незначительная. Фактически это неверно. Продукция промышленности в позапрошлом году составляла 35% всего вывоза, в прошлом году — 45%. В этом году наша программа намечает к вывозу промышленных изделий на 350 млн., больше на 100 млн., чем в прошлом году, и эта программа, как можно судить по прошлому году, будет выполнена с превышением. Что мы вывозим? Во-первых, лес. Как я указывал, в этом году здесь возможны кое-какие затруднения вследствие удорожания леса. Во-вторых — нефть, руда, затем подсолнечное масло, жмыхи и т. д.

Наряду с этим для удержания на настоящем уровне нашего производства и удержания темпа, который мы взяли, необходимо ввиду недостаточного производства нашего сырья (по хлопку, по шерсти, по коже) выписывать сырьё из-за границы. В 1923/24 г. мы закупили за границей сырья и полуфабрикатов, которые, после переработки на наших фабриках,

немедленно пошли в потребление широких масс, на 225 млн., в 1924/25 г. — 326 млн. На оборудование шла самая незначительная часть нашего ввоза. Так, в позапрошлом году — 32 млн., в прошлом году только 43 млн., тогда как в довоенное время, когда не было столь большой нужды, как сейчас, когда не было такой изношенности оборудования, когда строительство не намечалось в таких размерах, как должно быть принято сейчас, ввоз из-за границы оборудования доходил до 143 млн. при 100 млн. внутреннем производстве, значит, до войны ежегодный рост оборудования составлял 243 млн. А в этом году наше внутреннее производство по нашему техническому состоянию не может быть удовлетворено более чем в 60 млн. руб.

В этом году в расчёте на вывоз хлебных излишков было закуплено за границей готовых изделий на сумму 84 млн. руб. Теперь же экспорт хлеба мы должны пересмотреть в сторону резкого сокращения, но предметы готовых изделий уже были закуплены, так как продающие заграничные фирмы эти готовые изделия продавали на краткосрочный кредит, с платежом в 6—8 месяцев. Вследствие этого нам из сокращённой программы импорта в этом году приходится выбрасывать целый ряд статей по нашему оборудованию, по нашему сырью. Это является известной угрозой. Сможем ли мы удержаться на том уровне, на котором находится сейчас наша промышленность, сможем ли мы удержать на этом уровне те отрасли промышленности, которые базируются на заграничном сырье, как, например, хлопчатобумажная промышленность, если, с одной стороны, не будут приняты меры величайшей экономии этого сырья промышленности, а с другой стороны, если мы не приложим величайшего усилия, чтобы заполнить ту

дыру, которая образуется от сокращения хлебного экспорта, заполнить её вывозом других продуктов или других промышленных изделий. Вот наша основная задача, ибо покупать за границей больше, чем у нас имеется средств, мы не можем.

Здесь мы подходим к вопросу активного и пассивного баланса. Некоторые думают, что директива Политбюро, которая была дана в ноябре месяце относительно того, чтобы во что бы то ни стало сохранить и удержать активный баланс, будто бы эта директива слишком жестка. Эта точка зрения неправильна. Что обозначает пассивный баланс? Пассивный баланс обозначает, что мы покупаем за границей больше, чем мы за границей продаём, а это значит — поставить нас и в валютном отношении, и в политическом отношении, и в экономическом отношении в зависимость от заграничных капиталистов. А вы знаете, в каком положении в связи с этим находится сейчас Польша. Одна из важнейших причин этого положения заключается в том, что Польша имела пассивный баланс, закупала за границей больше, чем продавала там, и, таким образом, попала в полную кабалу к заграничному капитализму. То падение валюты и полная дезорганизация в производстве и на рынке, которая с ним связана в значительной мере, происходят в Польше потому, что за границей в банкирских и других учреждениях имеется рычаг, который двигает и производит эти катастрофы, заставляет лететь вверх тормашками Грабского, заставляет признавать Локарно и ехать в Лондон, чтобы добиться займа. Мы достаточно сильны, чтобы на это не идти, и поэтому мы должны изыскивать другие средства, чтобы покрыть ту дыру, которая образуется от сокращения нашего вывоза. Вместе с тем этот опыт с хлебозаготовками, когда планирование

было проведено на основании того, что должно было бы быть, но чего не случилось, из этого наша партия должна вынести для себя урок, как должна проводиться работа по нашему советскому социалистическому планированию.

Нельзя делить шкуру медведя, не убивши его, а мы это сделали с хлебозаготовками и с экспортом. *(Аплодисменты.)* Повторяю — наш расчёт в смысле экспорта не был бы опасен, если бы мы не произвели закупки готовых изделий в счёт грядущего экспорта. А, как следствие этого, ситуация может быть такова, что мы, получая мануфактуру из-за границы, станем перед необходимостью ограничить работу наших текстильных фабрик, перед необходимостью их сокращения из-за недостатка импортного сырья. Плановая работа в наших хозяйственных условиях не может быть — если можно так выразиться — бюрократична. Она не может базироваться исключительно на подсчётах. Наша плановая работа должна заключаться в том, чтобы, как говорил товарищ, приветствовавший нашу конференцию от завода «Красный Пролетарий», сделать лучше один шаг вперёд, но обеспечивши этот шаг. А мы в области хлебозаготовок, в области экспорта сделали шаг, недостаточно рассчитавши, куда этот шаг ведёт, и это было нашей ошибкой. Планирование только тогда не будет оторвано от жизни, когда наш план и планирование сделаются руководящим началом в работе всех наших ячеек, хозяйственных, партийных, советских и т. д., начиная с верхних до самых низовых. Это первый урок, который мы должны учесть. Следующий вывод, который должны сделать, заключается в том, что мы должны во что бы то ни стало отыскать у себя средства для того, чтобы форсировать наше производство, чтобы его расширить. Мы

должны найти у себя эти средства. Мы эти средства найдём, как мы умели их находить до этого года, до сегодняшнего дня, силы для этого у нас есть.

Мы должны были в прошлом году ввезти хлопка на 129 млн. руб. А разве у нас нет в Азербайджане, Туркестане и других республиках богатой почвы для развития хлопководства? Из цифр, которые я огласил, мы видели, что мы развиваемся быстро; но этот урок мы должны учесть. Такое сырьё, которым мы богаты, для получения которого у нас в потенции величайшие возможности (как хлопок, как шерсть, как цветные металлы, как бумага; ведь даже древесину, целлюлозу привозим из-за границы, тогда как наша страна тем и отличается, что богата лесами), такое сырьё, повторяю, должно быть найдено у нас. Мы должны пойти и объяснить каждому рабочему и крестьянину, что средства нам нужны для того, чтобы двинуть наши заводы, чтобы иметь в достаточном количестве свое сырьё, чтобы нам не быть в такой зависимости от заграницы, в какую можем попасть, если мы будем строить развитие нашего хозяйства исключительно за счёт ввоза из-за границы.

Я не проповедую здесь того, что мы можем изолироваться от заграницы. Это абсурд, этого и не нужно совершенно. Но для того, чтобы не попасть в кабалу от заграничных капиталистов, которые следят за каждым нашим шагом, и когда он неверен, они его немедленно постараются использовать, для этого мы должны работать изо всех сил. Ясно, что, когда в других странах не будет наших врагов, а будут наши друзья, когда коммунистическая революция восторжествует, тогда, конечно, взаимоотношения будут совершенно другие. Но сейчас мы должны идти только этим путём.

Вопрос экспорта и импорта для нашей промышленности является одним из основных вопросов. Я, как председатель ВСНХ, целиком приветствую то постановление Пленума нашего ЦК РКП(б), которое реорганизовало внешнюю торговлю, которое указало, что в этом деле заинтересована вся промышленность в целом, что она должна быть привлечена к этому делу путём организации обществ по вывозу и ввозу, где влияние заинтересованных хозорганов было бы достаточно обеспечено. Этот вопрос — вопрос экспорта и импорта является одним из самых труднейших и опаснейших наших участков.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Теперь, товарищи, я хочу несколько остановиться на вопросах труда. Здесь можно дать следующую справку. Начиная со времени от последнего съезда партии (май 1924 г.) до настоящего времени, в нашей крупной промышленности количество рабочих увеличилось на 525 тыс. человек, не считая сезонных рабочих и не считая сезонных производств (как, например, сахарное, строительное и т. д.), а считая лишь непрерывную промышленность, работающую круглый год. Если к этому прибавить и сезонную работу, то общее количество рабочих будет не меньше 2 млн. 300 тыс. человек. Какие же отрасли больше всего выросли? Металлисты выросли на 151 тыс.; было у них в мае 1924 г. 278 тыс., а теперь стало 429 тыс. Текстильщиков было 380 тыс., а стало 587, т. е. увеличение произошло на 207 тыс. Вот как растёт наша пролетарская сила! Вот как растёт та масса, с которой нашей партии надо будет произвести огромнейшую работу в смысле втягивания этой массы в общественную жизнь, в смысле закалки её в пролетарском духе и т. д.

Если мы перейдём к вопросам размеров зарплаты, то здесь, по данным ВЦСПС (я нарочно не брал данных промышленности, а беру данные ВЦСПС, которые меньше всего могут возбудить прений), то по этим данным, в августе месяце зарплата в среднем по всей промышленности достигала 94% от довоенной. Есть отрасли, которые увеличили свою зарплату гораздо выше довоенной. Если взять пищевиков, то в августе их зарплата была на 46% выше довоенной, у химиков — на 20% выше довоенной. В текстильной промышленности в августе, по этим данным, на 16—17% оплата выше довоенной. Но в горной и металлической промышленности ещё нет довоенной зарплаты. Металлическая и электротехническая промышленность вместе дают 77,3% от довоенной, а в одной металлической 73%. В горной промышленности — 67%. Эта разница, товарищи, не случайная. Могут сказать, что это результаты неправильного планирования ВЦСПС, что тут есть ошибка. Но нет. Если посмотрите, что значит 77% у металлистов, то вы увидите, что по другим основным отраслям денежная величина зарплаты ниже, чем у металлистов. В среднем ставка металлиста в условных московских рублях — 33 р. 40 к., тогда как у текстильщиков, имеющих превышение довоенной на 16%, в августе месяце ставка равнялась 23—24 руб. Конечно, совершенно ясно, что у металлистов тяжелее работа, чем у текстильщиков, квалификация требуется большая и что, с другой стороны, зарплата текстильщиков была в старое время настолько низшей, что мы не могли держать её на таком уровне.

Металлисты не достигли довоенного уровня потому, что металлическая и горная промышленность — такие отрасли промышленности, которые не имеют

в тех условиях, в которых они находились и находятся сейчас, средств для такого быстрого роста заработной платы. Почему мы так отстали в металлической и горной промышленности? Потому, что здесь нужно было колоссальнейшие и огромнейшие средства вкладывать в основной капитал. А я спрашиваю: что для рабочего основной капитал есть вещь, совершенно его не касающаяся? Сейчас перед нами, перед всем рабочим классом ставится этот основной вопрос: что такое для рабочего класса основной капитал? Он стоит перед нами потому, что, хотя заработная плата повысилась на 47—50%, реальная зарплата, не номинальная, но если взять её в среднем, то она равняется 28—29 реальным рублям. Конечно, это ничто, это мало, и, конечно, если придёт рабочий от Форда или Форд, то он скажет, какая нищенская зарплата и в каких тяжёлых условиях, в гораздо худших условиях, чем у нас, вы работаете. Но на это ответ один: твой рабочий зарабатывает больше, но у него никакого будущего нет. Мы зарабатываем сейчас для себя гроши, но мы куём себе лучшее будущее, перед нами впереди весь мир, мы двигаемся вперёд шаг за шагом, строим социализм (*аплодисменты*). И я вас спрашиваю, в настоящих тяжёлых условиях, когда общий уровень поднялся, культурные потребности поднимаются, — что значит эта зарплата? А можем ли мы выбросить лозунг, что надо увеличивать сейчас зарплату? Я, товарищи, перед вами должен прямо сказать: нет. Мы партия, мы авангард рабочего класса должны предупредить рабочий класс, что сейчас мы этого лозунга не можем выбрасывать. Почему? Потому, что перед нами стоит основной вопрос, вопрос нашего существования, вопрос нашего развития, — проблема основного капитала. Когда я говорил, хватит ли у государства

средств для того, чтобы строить новые фабрики, для того, чтобы обносившееся оборудование заменить новым, то я тогда говорил, что государство должно найти средства. У кого оно должно найти их? Оно может найти их только у источника всякой стоимости и всех средств, т. е. может найти их у рабочего и у крестьянина (*аплодисменты*). И вот поэтому мы должны трезво спросить себя: как у нас идёт дело с производительностью труда?

Когда я докладывал о промышленности на III съезде Советов перед колоссальнейшей аудиторией рабочих и крестьян, то в первую очередь я приводил цифры, подкрепляющие и возвышающие и делающие из пролетариата действительного вождя рабочих и крестьян. Я огласил тогда такие цифры, что, считая с октября 1923 г. по февраль 1925 г., выработка по крупной госпромышленности увеличилась на $54\frac{1}{2}\%$, а зарплата увеличилась на $27\frac{1}{2}\%$, т. е. мы видим, как производительность труда, продукция на человека выросла у нас больше, чем заработная плата. Это было в феврале. Эти цифры, оглашённые мною, явились основой того грандиозного развития, которое мы в этом году проделали, и на основании этого подъёма мы могли увеличить зарплату. Но что же получилось сейчас, в настоящее время? Заметьте, что уже в июле месяце, — правда, в июле отпуска, лето и т. д., — уже в июле месяце это процентное отношение несколько изменилось. И если взять за исходную точку наш предыдущий съезд, т. е. май месяц 1924 г., то мы увидим, что к июлю настоящего года выработка увеличилась на 39%, а зарплата увеличилась к тому времени на 59%. Это в известной мере объясняется летом, отпусками и т. д. Но если взять последний отчётный месяц, данные по которому у нас имеются для всей промышленности, то полу-

чаются такие цифры: 38,4% — рост производительности (за время с мая 1924 г.), а зарплата выросла на 49%. Это предостережение, товарищи. Надо объяснить это явление. Означает ли это, что рабочий хуже стал работать? Ничего подобного. Дело в том, что в развёртывающееся производство вовлечены большие массы новых рабочих, не имеющих ещё выучки работать, а с другой стороны, мы во второй половине года должны были пустить самые худшие, бездействующие заводы и станки, которые не дают большого эффекта.

Что же нужно сделать для того, чтобы увеличить производительность труда? Ведь ясно совершенно, что если рост зарплат будет выше роста производительности, то мы не сможем обеспечить реальной зарплатой. Каким образом мы можем эту производительность увеличить? Мы можем увеличить одним путём — надо обновить наше оборудование, надо обновить наш основной капитал, потому что те стремления, которые мы перед собой ставим в отношении удовлетворения потребности страны и в отношении удовлетворения культурных и всех других потребностей растущего рабочего класса, мы на базе нынешней техники не сможем удовлетворить. А если это так, то вопрос обновления основного капитала, вопрос переоборудования, вопрос рационализации производства — это тот основной вопрос, который перед нами должен быть сегодня поставлен. Если мы в позапрошлом году и прошлом году ставили вопрос о производительности труда, то мы исходили из нашей дезорганизованности. На фабриках и заводах мы могли достигнуть больших результатов прямым устранением недочётов. Теперь в общем и целом мы достигнуть этого только таким путём не можем. Мы можем этого достигнуть лишь в том случае, если

мы у себя найдём и средства, и волю, и возможности переоборудовать, изменить технику и улучшить организацию нашего производства. Вот эта важнейшая основная задача, которая перед нами стоит. И вы посмотрите, разве в связи с товарным голодом и недостатком изделий мы имеем другой путь увеличения зарплаты? Товарный голод, недостаток товаров у нас потому, что у нас нет достаточно средств для производства этих продуктов потребления. У нас нет достаточных средств производства. Поэтому теперь должна быть сделана некоторая передвижка. А если бы мы пошли по пути увеличения номинальной заработной платы, не обеспечивши возможности сделать её реальной? Что обозначает увеличение зарплаты, если у нас не из чего уплатить, если нечего дать материально, чтобы этот рубль, который мы уплатим, был покрыт сукном, хлебом и пр. Поэтому перед нами этот вопрос стоит как основной. Об этом свидетельствует бюджетный набор. Вместе с тем по целому ряду наших крупных объединений уже доносятся голоса и опасения по вопросу своевременности выплаты заработной платы. Они есть по Югостали, они есть по Юмту. Достаточно было некоторой заминки в кредите по Гомзе, как сейчас же мне пришлось совместно с Толоконцевым идти в высшие инстанции и в Политбюро ставить вопрос срочно, ибо перед праздниками могла получиться заминка с выплатой зарплаты и как следствие этого дезорганизация производства. Мы данные случаи уладили, но вообще этой опасности не устранили. Кому не ясно, что если бы мы вернулись к тому периоду, который был два года тому назад, когда мы в течение 1 месяца (в мае месяце, когда был наш съезд) не могли выплатить 12 млн. руб. зарплаты, это вызвало бы величайшие затруднения и срыв производства.

ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Точно так же, как стоит перед нами вопрос восстановления основного капитала и переоборудования, точно так же перед нами стоит колоссальная задача восстановления квалификации рабочих. У нас это дело из рук вон плохо. Если мы будем идти таким черепашьям шагом, каким мы идём в этой области, то мы не выполним тех задач, которые стоят перед нами. Как мы идём? Фабзавуч за 1923/24 г. дал нам 8 тыс. человек, в прошлом году дал 12 тыс., в этом году даст 20—25 тыс. Между тем, не считая естественной убыли, нам для всей промышленности, которая учитывается в ВСНХ, нужно будет 303 тыс. человек. Если же учесть естественную убыль, то нам нужно 370 тыс. человек, из них квалифицированных 150 тыс. с лишним и 100 тыс. полуквалифицированных. У нас ежегодно выбывает около 36 тыс. квалифицированных рабочих, а фабзавуч не покрывает даже естественной убыли. А сколько стоит денег наш фабзавуч? Если бы мы такие суммы, как стоит фабзавуч, должны были бы расходовать на создание квалифицированной рабочей силы, то мы должны были бы распрощаться вообще с надеждами на возможность иметь квалифицированную рабочую силу. Каждый ученик фабзавуча стоит нам ежемесячно (обучение и содержание) 40—50 рублей, а чтобы получить рабочих 6—7-го разряда, надо на это затратить в течение 3—4 лет от 1½ до 2 тыс. руб. Мы и партия должны наблюдать, как это дело идёт. По-моему, в этом отношении мы во что бы то ни стало должны развивать самым энергичным образом бригадное индивидуальное ученичество, должны поощрять ЦИТ, тот ЦИТ, который доказал, что он может развернуть свою работу. ЦИТ указывает, что

он может дать рабочему квалификацию 6-го разряда, причём стоимость подготовки будет около 200 руб. Нам нужно этим вопросом вплотную заняться. Я считаю, что дело квалификации рабочих должно быть не делом вообще просвещения, а должно быть делом производственным, хозяйственным, должно войти в производственную программу (*аплодисменты*). Я думаю, что Наркомпрос имеет колоссальнейшую работу по поднятию нашего культурного уровня. У нас масса детишек ещё не ходит в школы. Сюда должны быть направлены все заботы с нашей стороны, со стороны промышленности и со стороны партии и для поддержки Наркомпроса, но дело квалификации рабочих должно быть поставлено, как дело производственное и хозяйственное.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТЕХНИЧЕСКИМ ПЕРСОНАЛОМ

Я уже говорил, что для того, чтобы выполнить эти задачи по переводу нашей промышленности на новую базу, мы должны выполнять и проводить директиву Центрального Комитета в отношении технического персонала. Эта директива должна быть поддержана. Я должен сказать здесь прямо, что если мы достигли такого уровня, на котором находимся сейчас и которого мы не ожидали, то только потому, что партия наша своим правильным руководством сумела влиять и сумела втянуть в нашу творческую хозяйственную жизнь беспартийный технический персонал. У нас между партийными и беспартийными, специалистами и не специалистами создаются такие взаимоотношения, которые делают из фабрик и заводов действительно одно целое. Тут отдельные части уже сговариваются не так, как несколько лет тому назад. Здесь произошёл величайший сдвиг, и

мы должны этот шаг углублять и поддерживать. Я укажу на такой знаменательный факт, что когда наша ячейка в Главметалле поставила на заседании вопрос о рассмотрении директив XIV партконференции по металлопромышленности, то все специалисты, как один человек, явились на заседание ячейки, принимали в ней участие и заявили: «Пришла пора творческая, когда мы под вашим руководством можем делать и делаем великое дело, не рассматривая себя, как наёмного слугу, который вынужден работать». Владимир Ильич говорил, что настоящие учёные придут к тому, к чему пролетариат пришёл своим горбом. И они уже начинают приходить. Надо это ценить, надо это поддерживать, ибо провести учёбу партийцев и рабочих без них невозможно. Только при этом, только при рационализации, стандартизации и улучшении техники мы безусловно побьём наших заграничных противников, которые выше нас только потому, что мы не в состоянии эту технику от них взять. Я должен сказать, что в области рационализации, в области стандартизации у нас кое-что уже сделано.

Надо по этому пути идти дальше.

ОПТОВЫЕ И РОЗНИЧНЫЕ ЦЕНЫ

Теперь, товарищи, перехожу к последнему вопросу, к тому, как мы работали в смысле торговли, т. е. в смысле нашей непосредственной смычки с крестьянством, с населением. Если говорить о нашей государственной промышленности, то она за 2 года сократила отпускные цены, при расширении производства и при увеличении заработной платы, на 30,8%. Но здесь, на этом участке, я вам сигнализирую очень большую опасность, которая нам угрожает. Мы в настоящее

время, при данном положении, эти отпускные цены нашей промышленности не в состоянии довести до потребителя. А если мы их не сумеем довести до потребителя, то частный капитал, этот посредник, который нас отделяет от крестьянства, сумеет нам навязать высокие оптовые цены, ибо не могут долгое время держаться низкие оптовые цены, поскольку растут розничные цены и может возрасти себестоимость. Некоторые не отдают себе отчёта в том, какие большие размеры принимают эти скачки розничных цен. Я оглашу характерные цифры.

В октябре 1923 г. мы имели величайшие ножницы между промышленными и сельскохозяйственными ценами. По опту промышленных изделий коэффициент был почти в 3 раза больше, чем до войны (2,75), а по сельскому хозяйству опт был только 0,88. Благодаря политике нашей партии, с одной стороны, и вследствие недорода 1924 г. — с другой стороны, цены на хлеб крайне повысились, и тут мы видим следующее: на 1 июля 1924 г. оптовые цены промышленности снизились на 31%, а оптовые цены сельского хозяйства повысились на 110%.

Но в то время, когда мы снижали оптовые цены на 31%, розничные цены уменьшились только на 20%, значит, уже 11% посредник срезает себе.

Если же теперь сравнить 1 октября 1923 г. с настоящим моментом, то мы видим, что оптовые промышленные цены понижаются на 29%, а розничные цены за это время уменьшились только на 9%. А в сельском хозяйстве оптовые цены увеличились на 83%, а розничные на 113%.

Надо понять, что эти цифры означают. Ведь крестьянин продаёт в опт, по оптовым ценам, установленным для сельского хозяйства, и это он получает непосредственно, а товары он получает уже

в розницу. Если мы имеем сокращение тут на 9%, то это в городе, а в деревне там не только нет сокращения, но за эти два года там наблюдается повышение.

Таким образом, если сравнить ножницы, как они сейчас представляются для крестьянства, т. е. не опт с оптом, сравнить крестьянский опт с нашей розницей, а для рабочих, наоборот, наш промышленный опт с розницей на хлеб, тогда мы видим, что и рабочие и крестьяне в результате страдают. Так как эти индексы относятся не к деревенскому рынку, а к городам, то, значит, крестьяне страдают ещё больше. А что это означает? Это означает очень много. Ведь крестьянин нас не видит, наших благих пожеланий не знает, ему наши враги говорят: «Что там тебе рассказывают хорошие вещи про социализм, а вот смотри, чтоб достать необходимое, сколько нужно уплачивать». Вот тот клин и тот враг, с которым сейчас в момент товарного голода приходится считаться. Для нас это является самым страшным врагом, и если так дальше пойдёт, если нами не будут приняты меры, чтобы это изжить, то ясно — наша валюта будет под угрозой. Потому что, если за деньги нельзя купить достаточное количество товаров, если товары дороги, — значит, деньги дешёвые. Это отразится на нашей валюте, а наша твёрдая валюта есть залог союза рабочих и крестьян. Только у буржуазии валюта может являться методом эксплуатации, они могут иметь и падающую валюту, чтобы стричь доходы трудового населения. А у нас мы этого допустить не можем, потому что мы государство не классового насилия над другим классом, а государство классового союза рабочих и крестьян. Твёрдая валюта есть то достояние, которое обеспечивает процветание этого союза. Поэтому мы должны

все силы наши, всё внимание обратить на это явление, тем более, что с июля этого года по октябрь наша промышленность увеличилась на 40%, значит, товаров становилось всё больше и больше, а розница всё время росла.

Кроме того, если розница будет расти, то под угрозу становится не только валюта, но и весь производственный план, и весь финансовый план и все наши программы ломаются. Например, если нам нужно заготовить махорку, а на махорку в этом году урожай, то мы не можем её заготовить сколько нужно, потому что мы желаем покупать по тем отпускным ценам, которые мы установили, тогда как при росте розничных цен скупщики и частные лица могут покупать махорку за более высокие цены и продать с большей прибылью.

Таким образом, при дороговизне в рознице становится под угрозу и снабжение нашей крупной промышленности, потому что достаточно кому-нибудь получить пуд железа, достаточно получить пуд хлопка или пуд шерсти, чтобы при спекуляции заработать большие деньги, и тогда наш государственный аппарат, занимающийся снабжением сырьём, попадает под угрозу со всех сторон, потому что спекулянты могут у нас перебить продавца. А это угрожает разложением и самого рабочего класса, потому что мы знаем, что далеко не весь рабочий класс достаточно сознателен, здесь нам предстоит ещё огромнейшая работа, а если рабочий может достать несколько аршин ситца, то у него есть соблазн послать в деревню и получить по спекулятивной цене большие деньги.

Здесь необходимо перейти к вопросу — в чём же дело? Некоторые могут поставить вопрос так: тогда надо повысить и оптовые цены. Вот если бы мы

пошли по этому пути увеличения оптовых цен, то мы бы были действительно побиты и наша валюта стала бы действительно падать.

Я должен здесь вам сказать, что эта вакханалия розничных цен связана не только с товарным голодом, она связана с той ошибкой, которая сказывается и в экспорте и в импорте. Она связана с ошибкой наших хлебозаготовок. Мы думали, что будет большой урожай, и мы, не проверивши конкретно внутренний рынок, выпустили слишком большое количество денег, а товаров дать такое количество, которое можно купить за эти деньги, мы не смогли. Теперь Госбанк старается зажать кредиты, чтобы с рынка выкачать известное количество денег, потому что их было выпущено на рынок больше, чем следует.

Но самое главное и самое основное заключается в том, чтобы правильно ставить вопрос о нашей товаропроводящей сети, вопрос о кооперации и госторговле. К сожалению, до сих пор между госпромышленностью и кооперацией не установились правильные взаимоотношения, и мы из-за того, чтобы дать больше или меньше на 1 тыс. пудов на тех или других условиях кредитного расчёта, прозевали основное — мы недостаточно укрепляли и недостаточно обращали внимания, как работают наши низовые ячейки, ибо с частным посредником, с частным капиталистом, с частным торговцем мы можем успешно воевать исключительно путём кооперирования населения, исключительно путём правильной кооперации, и в этом отношении, хотя и имеются успехи, надо приложить ещё много стараний. Размер оборотов кооперации в опте и рознице в 1924/25 г. больше оборотов частной торговли в 4 раза. В 1923/24 г. соотношения были хуже: на 1 рубль оборота кооперации было 90 коп. оборота частного торговца.

Но эти успехи за счёт оптовой торговли, а в деревне мы имеем до 60% и больше частной розницы. На это следует обратить внимание. Также следует обратить внимание на улучшение и развитие в дальнейшем наших синдикатских органов, которые развернулись уже достаточно хорошо, но надо именно этим синдикатам дать партийное и политическо-государственное воспитание. Наши синдикаты должны быть нашими органами, которые вели бы борьбу и вместе с кооперацией боролись бы с той опасностью, которая нам на этом фронте угрожает.

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ОБЕСПЕЧИВАЕТ УСТОЙЧИВОСТЬ ВАЛЮТЫ

Я ещё хочу остановиться на твёрдой валюте.

Для нашей промышленности в условиях советского строя, для нас поколебание твёрдой валюты было бы дезорганизацией всего народного хозяйства и торжеством частного капитала. Как и чем может быть поколеблена твёрдая валюта? Твёрдая валюта может быть поколеблена не только излишней эмиссией, т. е. не только тем, что наш бюджет будет дефицитным, не только если слишком много в банковском порядке, больше, чем этого требует товарооборот, будет выпущено денег. Твёрдая валюта может быть поколеблена и в том случае, если, как я уже указывал, мы не будем иметь активного внешнего баланса, если мы будем закупать за границей больше, чем вывозить туда, т. е. не иметь достаточного количества валюты для обеспечения нашего червонца. Твёрдая валюта может быть поколеблена и тогда, если заработная плата будет расти несоответственно, не базируясь на увеличении производительности труда, если заработная плата не будет соответствовать производству предметов потребле-

ния, которые имеются в стране, т. е., скажем, если мы будем производить на 2 млрд. руб. средств потребления, а заработную плату выдадим на 3 млрд. руб., то совершенно ясно, что твёрдая валюта будет поколеблена, ибо товарной массе в 2 млрд. руб. будут противостоять 3 млрд. руб. денежных.

Каковы же средства против колебания твёрдой валюты? Какого-нибудь одного общего рецепта дать нельзя, но здесь важнейшую роль сыграет плановость хозяйства. Наша твёрдая валюта может быть тогда обеспечена, если развитие отдельных отраслей народного хозяйства, развитие отдельных отраслей нашей промышленности, если регулирование заработной платы и восстановление основного капитала и оборудования происходят в нужном пропорциональном отношении. Как только нарушается эта пропорция, как только один из этих элементов выссовывается вперёд, он неминуемо является больным участком, который заражает весь организм и который не может не сказаться на твёрдой валюте. Валюта является тем чувствительным термометром, который учитывает, какие неправильности существуют; конечно, найти эти средства и найти это больное место — это большая работа. Но именно плановая наша работа может предупредить эти кризисы, может их заблаговременно предусмотреть и правильной системой экономических мероприятий их избежать.

ВЫВОДЫ

В заключение я должен сказать о том, какие же выводы надлежит сделать и как можно сформулировать те задачи, которые стоят перед нами. Я формулирую их следующим образом: изыскание средств для расширения тех отраслей промышленности, особенно тяжёлой индустрии, которые определяют

развитие всего народного хозяйства. Это расширение не может быть иное, как только плановое, т. е. в соответствии с правильным развитием всех элементов и всех частей. Вместе с тем наша задача состоит в реконструкции основного капитала, в поднятии строительства и поднятии квалификации, в поднятии качества наших изделий. Затем достижения соответствия заработной платы с производительностью труда и наличной товарной массой, форсирование экспорта для того, чтобы заполнить дыру, которая образовалась вследствие недостаточного против плана вывоза хлеба. Развитие у нас внутри производства сырья, чёрных и цветных металлов и вообще того, что мы ввозим из-за границы. Величайшая экономия в использовании наличных ресурсов. Борьба за твёрдую валюту. Борьба за овладение рынками, в первую очередь за снижение розницы. Улучшение и усиление кооперации и госторговли. Всемирная помощь нашему транспорту в предвидении того, что он может своим недостаточным развитием задержать весь рост. Всемирная экономия топлива и рационализация его использования, что накладывает обязательства на всех наших хозяйственников и в первую очередь на наши институты теплотехники. Удешевление леса.

Период, в который мы вступили, является периодом нелёгким. Этот период труднейший, тяжелейший, но я полагаю, что трудности будут преодолены. Они будут преодолены потому, что наша партия имеет всегда мужество смотреть правде в глаза. Вспомним нашего вождя Владимира Ильича. Когда перед Брестом мы были перед состоянием разгрома, он нас учил, и научил, всегда говорить и видеть правду и соответственно с этим поступать так, чтобы мы коммунистическую революцию могли бы двинуть вперёд. Такая партия, как наша, которая не боится правды,

все трудности, которые перед ней стоят, преодолеть сумеет. Нам нужно заботиться об удовлетворении потребностей рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, и, с другой стороны, бороться с частным капиталом за снижение розницы. Партия наша, связанная теснейшими узами с беспартийными рабочими массами, связанная с рабочими массами Западной Европы и имеющая за собой их поддержку, такая партия преодолет все те большие трудности, которые перед нами стоят, и добьётся новых успехов в деле строительства социализма в нашей стране.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО. ГДЕ СТРОИТЬ НОВЫЕ ЗАВОДЫ?

Здесь в прениях многие товарищи указывали, что новое строительство обошло до некоторой степени Москву и Московскую губернию, ибо в этом плане нового строительства, которое сейчас по сокращённому плану рассчитано на 151 млн. руб., на долю Москвы и Московской губернии приходится только около 9 млн. Но, товарищи, надо дать ответ на вопрос, где именно мы должны строить наши новые заводы? Должны ли мы идти по пути старого беспланового строительства или должны выработать в этом отношении наш план.

Если так поставить вопрос, именно с точки зрения использования богатств всего нашего СССР, то надо отметить, что мы с царской практикой должны покончить, что мы должны прежде всего наши заводы строить в тех районах, в которых благодаря царской политике нет пролетариата. Речь идёт о наших окраинных республиках и о тех сельских местностях, где нет наших пролетарских центров. Нам нужно строить заводы поближе к сырью и топливу. Мы знаем, что в среднеазиатских республиках до

сих пор, несмотря на то, что мы оттуда получаем хлопок, текстильных фабрик нет, и мы в наш план ввели попытку начать постройку заводов в Узбекистане и Туркменистане. Что же касается наших металлургических заводов, то мы должны строить их ближе к сырью, т. е. на Урале, на Украине.

Что касается сельскохозяйственных машин, то мы должны их строить ближе к сельскому населению, ближе к сырью, т. е. на Урале, в Сибири, на юго-востоке. Остаётся ли в нашей программе место для Москвы и Московской губернии? Товарищи, из 896 млн. намеченных капитальных затрат 118 млн. падает на Москву и Московскую губернию; нельзя сказать, чтобы это было мало. Из них 13,8 млн. падает на жилищное строительство и 95 млн. рублей на капитальный ремонт, переоборудование и расширение заводов. Это целесообразное техническое переоборудование заводов мы должны удвоить или утроить для повышения производительности.

НАДО УСИЛИТЬ ТЕМП РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Следующий вопрос — это вопрос о темпе и о расширении нашей промышленности: должны ли мы сохранить тот темп, который мы взяли и который мы имеем, должны ли мы его уменьшить или, наоборот, ещё более усилить. В этом вопросе, чтобы на него ответить правильно, мы должны отдать себе отчёт — каковы цели, каковы задачи вообще расширения нашей промышленности в тех условиях, в которых мы сейчас находимся. Каковы эти условия? Я уже указал, что товарный голод, т. е. неудовлетворение потребностей широкого крестьянского и рабочего населения, является тем основным моментом, который дезорганизует наше хозяйство, который

срывает наш союз рабочих и крестьян. Этот товарный голод даёт возможность повышать розничные цены, что способствует росту капиталистического накопления. И если мы желаем действительно реально противодействовать этим тенденциям, то для нас имеется один только путь и другого пути нет: мы должны по возможности шире и быстрее развернуть нашу промышленность, ибо если мы промышленность не сумеем расширить в том темпе, в котором требуют всё растущие потребности как рабочих, так и крестьян, то тогда станет вопрос так, как в нашей прессе его кое-кто ставит, таким образом, чтобы сельское хозяйство, вывозя достаточное количество своей продукции за границу, могло бы из-за границы привозить сюда готовые изделия.

Но если так ставить вопрос, а я повторяю, что некоторыми товарищами он именно так и ставился, что же это будет для нас означать? Это будет означать то, что наш СССР должен будет превратиться в одну из колоний заграничного капитализма, с одной стороны, и, с другой стороны, доставлять дешёвую рабочую силу за границу, как это происходит сейчас в Польше. Вы знаете, что из Польши, в которой промышленность была на гораздо более высоком уровне, чем в России, — из этой Польши должно было эмигрировать до 500 тыс. рабочих, для того чтобы стать белыми рабами на плантациях во Франции. Вот результат, который должен получиться при такой постановке вопроса. Если крестьяне тех наций, которые объединились и создали великий наш Союз Советских Социалистических Республик, не желают себе приготовить участь польских рабочих и крестьян, они должны вместе с нами, под руководством нашей партии, изыскивать пути и средства для того, чтобы крепить и расширять нашу промышленность.

НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ

Какие же у нас условия, можем ли мы расширять нашу промышленность? Да. Нет ни одной страны в мире, у которой были бы такие огромнейшие естественные богатства, как у нас. У нас имеются почти все без исключения богатства. Вместе с тем, у нас есть огромнейшая рабочая сила, есть непоколебимая воля союза наций, которые желают построить и строят своё хозяйство на совершенно иных началах, чем капиталистическое. Это есть такая сила, которой нет нигде.

Я спрашиваю вас: те средства, которые нужны нам для расширения нашей промышленности по сравнению с той колоссальной массой населения и с теми огромными средствами, которые у нас имеются в скрытом виде, разве это не есть всего только капля, которую надо уметь достать для того, чтобы поставить и развернуть нашу промышленность. Ответ на этот вопрос — как должна расширяться и каким темпом должна идти наша промышленность — мы находим ясный: в социалистическом Советском государстве, в союзе наций промышленность должна развиваться усиленным темпом. Этого требуют интересы не только и даже не столько рабочих, сколько требуют интересы крестьянства.

Но другой вопрос — как её расширять. Её надо расширять так, чтобы расширение не вело к дезорганизации. Если мы развернём текстильную промышленность, в смысле выделки тканей, а забудем о заготовке сырья, то не будет у нас хлопка; или если мы развернём нашу лёгкую и другую промышленность, а не обеспечимся топливом, если мы не обеспечимся всеми подсобными материалами, то совершенно ясно, что мы обанкротимся, мы не выполним задания или выполним его плохо. Перед нами дол-

жен стоять вопрос не о том, нужно ли расширять социалистическую промышленность, а вопрос о том, в какой степени можем мы это осуществить.

И когда один из выступавших здесь товарищей говорил, что мы не можем не поднимать заработной платы, то я должен сказать этому товарищу: «Вы правы, но как мы увеличим заработную плату, когда не из чего её увеличивать». И если производительность труда рабочего такова, что она меньше, чем рост его заработной платы, то откуда же мы возьмём количество тканей, количество сахара и всего того, что нужно человеку для реализации зарплаты, чтобы ему можно было реализовать эту увеличенную зарплату.

Некоторые товарищи тут также спрашивали — почему вы напираете на тяжёлую индустрию, почему вы не разворачиваете лёгкую индустрию. Я вам показал, что лёгкая индустрия, если мы не развернём тяжёлую индустрию, не может расширяться, потому что для того, чтобы она расширялась, нужен строительный материал, нужны станки, нужно топливо и т. д. И сейчас именно пришло то время, что мы с тем оборудованием, которое у нас на заводах имеется, не можем расширить и лёгкой индустрии. Тяжёлая индустрия обеспечивает рост лёгкой индустрии, и для того, чтобы лёгкая индустрия могла расширяться не на 20—30%, как это намечается в этом году, а могла бы расширяться на 50—60%, мы должны соответственно заблаговременно подготовить и расширить нашу тяжёлую индустрию.

Точно так же в вопросе об импорте и экспорте, я вам указывал, что мы без заграничного оборудования не можем сейчас широко развернуться, что мы должны ввозить его из-за границы, но ведь это происходит не так просто — что, мол, от нашей воли

и от наших постановлений зависит столько-то и столько-то ввозить. Нет, это зависит от того, сколько мы вывезем. Вот случилась заминка с хлебным экспортом, с контрольными цифрами, и мы эту задачу должны разрешить так, чтобы сократить всемерно импорт, чтобы менее всего пострадала наша промышленность. Мы должны поискать у себя, что мы могли бы вывезти за границу и что мы могли бы на это место ввезти из-за границы, чтобы можно было приобрести на это оборудование, для всего этого необходима величайшая и огромнейшая работа. Здесь также задавался вопрос относительно распределения всех тех средств, которые приходят в государство. Если увеличить зарплату служащим, если увеличить чрезмерно армию, если, исходя из действительных нужд в культурном просвещении, бросить на это дело непропорционально нашим средствам много сумм, то мы не будем иметь средств для того, чтобы двинуть нашу промышленность дальше. А это нам необходимо, чтобы удешевить наше производство, достигнуть коэффициента не довоенного, ибо если мы хотим вывести нашу страну на широкий путь социализма, а вместе с нею и весь мир, мы должны достигнуть и превзойти те измерители, которые имеются у наших противников. И я повторяю не как председатель ВСНХ, который поставлен на это дело, а исходя из коренных задач по пути продвижения к социализму, что самое нужнейшее и важнейшее развитие, которое мы должны поставить во главу угла, это есть развитие нашей промышленности. От этого зависит и оборона страны, и дальнейшее культурное развитие, и увеличение зарплат, и всё остальное.

ВНИМАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ СОВЕЩАНИЯМ

Теперь я перехожу к вопросу, на который здесь некоторые товарищи указывали, — к вопросу относительно того, что у нас производственные совещания недостаточно развиты. Это совершенно правильно. Это совершенно верно. Мы должны всё больше и больше вовлекать в нашу работу широкие рабочие массы, и я уверен, что если бы наши хозяйственники, если бы те, которых вы и партия поставили во главе заводов, трестов и органов, руководимых ими, общались чаще с массой, то тогда нам было бы гораздо легче, ибо масса дала бы нам не один совет о том, как ту или иную конкретную задачу решить.

БОРЬБА ЗА СНИЖЕНИЕ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН

Я хочу остановиться ещё только на одном моменте. Мы обращаем недостаточно внимания на розницу. Высокая розница означает, что у нас не может быть экспорта, ибо при высокой рознице дешёвого хлеба не будет. Если изделия будут дороги, то дешёвого хлеба не будет, а если хлеба дешёвого не будет, то мы его не сможем купить и вывезти за границу. При высокой рознице мы не сможем заготовить сырьё у крестьян, потому что это сырьё закупит частник, который даст больше и благодаря спекуляции сможет на этом заработать. Высокая розница заставляет нас идти по пути увеличения наших цен, а если мы по этому пути пойдём, то мы сорвём нашу валюту, т. е. сорвём союз рабочих и крестьян.

Поэтому, по моему мнению, после нашего партийного съезда главную кампанию мы должны провести сверху донизу против высших розничных цен.

Может быть, кто-нибудь скажет, что тогда нужно отменить нэп и можно совершенно устранить частного торговца. Для этого мы недостаточно сильны. Если наша кооперация не в состоянии охватить всего товарного оборота и мы не дадим торговать частнику, то получится другая крайность — спекуляция. Но мы уже достаточно сильны для того, чтобы заставить ту часть частного капитала, которая не желает попасть под наш молот, работать по тем условиям, которые мы укажем. А эти условия мы должны выработать, и тогда только тот частник сможет торговать, который примет наши условия и согласится торговать в розницу только по тем наценкам, которые мы укажем. Если частник на это не пойдёт, тогда мы объявим ему войну не на живот, а на смерть. И я уверен, что мы достаточно сильны, чтобы его побить и заставить его принять наши условия (*аплодисменты*).

МЕТОДЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Я перехожу к методу нашего планирования.

Настоящее планирование должно заключаться в том, чтобы каждая низовая ячейка, от самой низшей до самой верхней, руководствовалась бы ясной и определённой мыслью, как вывести наш корабль на правильный путь, чтобы он не поколебался и не наклонялся. Получая из центра тот или другой план, не нужно руководствоваться им слепо, а нужно обеспечить для своего движения все те условия, которые необходимы для успеха. И потому, если нет, например, обеспечения средств на капитальные затраты, а предприятие вкладывает свои оборотные средства в эти капитальные затраты, то оно подрывает дело, ибо из этого расширения получится не

расширение, а обратное. Тот, кто развернёт широко программу, наймёт огромное количество рабочих и не обеспечит себя уверенностью, что он получит сырьё и топливо, тот поступит неправильно. Наше планирование должно заключаться в том, чтобы каждый, кто отвечает, кто руководит хотя бы маленьким делом, чтобы он усвоил это правило. Если мы будем уверены в том, что та мысль, которую я развивал, что мы должны найти средства для расширения нашей промышленности, будет усвоена, то мы эти средства найдём и эту программу нашу выполним — были бы воля и желание и было бы понимание тех трудностей, которые стоят перед нами. Нам надо каждую задачу разрешать не на авось, а с полной конкретностью, и я утверждаю, как ни тяжела обстановка, как ни трудно, но я преисполнен уверенностью в успехе не только потому, что я революционер, но и потому, что есть силы и средства в нашей стране.

Издано отдельной брошюрой в 1925 г. Центральное управление печати ВСНХ СССР.

ЗА РЕЖИМ ЭКОНОМИИ ИЗ БЕСЕДЫ С РЕДАКЦИЕЙ «ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГАЗЕТЫ»

...Борьба за режим экономии, за снижение накладных расходов, за максимальную суровую бережливость и экономию должна стать основной руководящей директивой для повседневной будничной работы каждого хозяйственника и всей промышленности в целом.

Работа по проведению экономии должна быть сама «экономной». Нам не нужно больших дорогостоящих

комиссий и какой-либо излишней шумихи вокруг вопросов экономии.

Экономия — это основной и постоянный постулат всякого хозяйствования. В условиях советской действительности, *экономия — это одна из важнейших партийных директив в области нашего хозяйственного строительства.*

Советский хозяйственник, всё равно: красный ли директор, инженер, техник или рабочий, который экономно ведёт свою работу, т. е. с минимальной тратой материальных ресурсов достигает максимальных результатов, — это действительный герой труда.

Экономия в ненужных накладных расходах по товаропроводящей цепи должна обеспечить возможность снижения *розничных цен.*

«Режим экономии», таким образом, есть борьба за смычку с крестьянством, есть борьба за действительное социалистическое строительство.

«Торгово-промышленная газета» № 52 от
4 марта 1926 г.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ СОВЕТА СИНДИКАТОВ

(ИЗ ПИСЬМА СОВЕТУ СИНДИКАТОВ И ЕГО МЕСТНЫМ БЮРО)

...Вся ваша деятельность, вся ваша повседневная работа должна иметь перед собой ясно осознанную цель — строительство социализма. Без этой цели, без устремления к социализму — ваша деятельность ничем не будет отличаться от капиталистической, от государственно-капиталистической. Для социалистического же творчества одинаково вредны как стремление личной наживы, так и чиновничий бюрократизм и чиновничье равнодушие и бездушие.

...Необходима моральная круговая порука. Ни одна жалоба потребителя, ни один недостаток, замеченный одним из членов (имеется в виду совет синдикатов. — Ред.) или прессой и т. д., не должны оставаться без вашего рассмотрения и разрешения. Ни одна неправильность или преступность не должны оставаться без вашего обсуждения и реагирования. Всё население должно знать, что вы стоите на страже его интересов. И ваше суждение не будет бюрократичным или волокитным, ибо у вас найдутся в распоряжении меры, достигающие цели.

Только при условии, когда вы будете беспощадны к недостаткам своих членов, вы приобретёте ту огромную моральную силу, которая вам необходима, когда придётся отстаивать интересы государственной промышленности или самого населения...

«Торгово-промышленная газета» № 125 от
3 июля 1926 г.

1926 год

ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ СССР

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ВЦСПС

9 февраля 1926 г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1925/26 г. мы вошли в период окончания восстановительного процесса нашей промышленности. Этот процесс протекал весьма бурно. Так, истекший 1924/25 г. дал рекордный прирост продукции в 64 процента за год, тогда как в предшествующие годы мы имели цифры прироста: 1921/22 г. — 50 процентов, 1922/23 г. — 45, 1923/24 г. — 30 процентов. В абсолютных цифрах продукция в 1924/25 г. возросла больше чем на миллиард. Таким образом, мы пережили темп подъема, неслыханный в истории, не только в истории нашего восстановления, но и в истории восстановления послевоенных хозяйств в других государствах.

ОСНОВНАЯ ДИСПРОПОРЦИЯ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Вместе с тем этот бешеный рост в нашей промышленности сопровождался не менее сильным ростом товарного голода в продолжение всего истекшего года.

Необходимо остановиться на том, откуда вытекает явление, называемое товарным голодом. Некоторые пытались объяснить товарный голод сезонными причинами. Это — в корне неправильное объяснение.

Самое основное и самое главное, что предопределило товарный голод, это — диспропорция между платёжеспособностью сельского хозяйства и размерами производства нашей промышленности, основывающейся до сих пор только на довоенной базе, на довоенном оборудовании. По подсчётам, подведённым очень осторожно, с минимальными цифрами, чтобы не сделать ошибки в сторону преувеличения, видно, что крестьянское население (в пределах СССР) уплачивало в 1924/25 г. на 800 млн. руб. меньше налогов, чем в довоенное время, т. е. в переводе на червонные рубли платило меньше на 1 400 млн. Кроме того, сейчас крестьянам не приходится платить арендной платы за землю помещикам, которая, по минимальным расчётам, равнялась 200 млн. довоенных рублей. V

Всего получается около 2 млрд. рублей в червонном выражении, которых крестьяне сейчас не должны платить, по сравнению с довоенным временем. Отсюда ясно совершенно, что когда уровень нашей промышленности и нашего сельского хозяйства подходит к довоенному, то те доходы, которые раньше поглощались паразитически царизмом и помещиками, сейчас остаются как материальная ценность у крестьянства, и этим материальным ценностям не отвечают размеры продукции нашей промышленности. Раньше значительная часть этих колоссальных крестьянских платежей тратилась за границу, очень много тратилось на предметы роскоши. Потребности же широких крестьянских масс, выявившиеся сейчас в таких громадных размерах, тогда оставались неудовлетворёнными.

В новых контрольных цифрах, разработанных Госпланом, приведены следующие данные. В прошлом году за период от 1 июля до 1 января крестьянами было продано хлеба на 200 млн. руб. В этом году было продано на 415 млн. руб. Сельскохозяйственный

налог в 1924 г. за то же время равнялся 238 млн. руб., а в этом году он равнялся 118 млн. руб. Если сопоставить эти цифры, то получится, что в прошлом году крестьяне не выручили за хлеб той суммы, которую уплатили налогом, и для уплаты его должны были доложить 38 млн. руб. от продажи других продуктов. В этом году от одного хлеба у них остаётся излишек в 297 млн. руб. Точно так же, если взять, например, реализацию хлопка. В прошлом году за первый квартал было получено дехканами (крестьянами) республик Средней Азии 83 млн. руб., в этом году — 130 млн. руб. То же и со льном: в прошлом году крестьяне получили 36 млн. руб., в этом году — 45 млн. руб.

Таким образом, мы видим, что в результате тех сдвигов, которые произошли благодаря Октябрю, с одной стороны, и, с другой стороны, вследствие урожая, создано явление товарного голода. Наша промышленность не в состоянии удовлетворить плетёжеспособной потребности.

Не нужно забывать и того, что раньше бывшей Российской империи принадлежала промышленность Польши и Латвии. Всё это с достаточной убедительностью доказывает, что диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью — не выдумка, что это не есть явление сезонного порядка, а что её корни глубоко залегают в нашей экономике и что в нашей экономической политике с нею придётся серьёзно считаться.

ПРОГРАММА РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Программа наша на 1925/26 г. строилась, с одной стороны, под углом зрения этого неудовлетворённого спроса населения, и с другой — исходила из учёта того положения, что мы приблизились к концу восстановительного периода.

Ведь если бы мы нашу программу и желали в 1925/26 г. вновь расширить на 64 процента, мы этого не могли бы осуществить по нашим техническим возможностям. Программа и план на 1925/26 г. предусматривают увеличение всего на 49 процентов по сравнению с истекшим 1924/25 г. Если проанализировать прирост по отдельным отраслям, то всю промышленность придётся разделить на две группы: на группу промышленности, производящую средства и орудия производства, и группу, производящую средства потребления. Прирост падает, главным образом, на первую группу, т. е. группу производства средств и орудий производства, тогда как по второй группе процент прироста гораздо меньший. Так, например, по чугуну прирост выражается в 92 процента, по выплавке меди — 92 процента, тогда как по хлопчатобумажным тканям — 31 процент, по бумаге — 16½ процентов. В общем процент увеличения по тяжёлой промышленности составит в этом году 55, а по лёгкой — 45, тогда как в прошлом году мы имели явление совершенно обратное: по первой группе увеличение было на 53, по второй группе — на 75 процентов.

Эта разница обуславливается прежде всего тем, что мы, особенно в лёгкой индустрии, подошли почти вплотную к 100-процентному использованию того оборудования, которое у нас имеется, причём это оборудование достаточно изношено и не даёт возможности повысить продукцию действующих фабрик и заводов до более высокого предела. Во-вторых, поднятие потребности в стране на металл стимулировало рост металлургии, а вместе с ним рост потребления топлива, тоже относится к тяжёлой индустрии. Наряду с этим транспорт в этом году предъявил тяжёлой индустрии заказы, в два раза

превосходящие заказы прошлого года. Таким образом, мы видим, что большее развитие тяжёлой промышленности по сравнению с лёгкой закономерно отвечает действительным потребностям развития нашей промышленности.

Если вы спросите, на основании каких директив и указаний мы развернули и строили наши планы (так как иногда раздаются голоса, что промышленность наша развернулась, никого не спросившись), то здесь должно привести те указания, которые были преподаны ВСНХ для руководства в построении и расширении плана. Вот указания, данные нам Госпланом (подтверждённые и СТО) в августе в области промышленного производства: «Общей директивой должно быть 100-процентное использование технически пригодного и экономически рентабельного наличного оборудования. Ограничение этой директивы допустимо лишь при наличии непреодолимых препятствий организационного характера или отсутствии достаточного рынка». Следующим указанием, определившим построение нашего плана, был принятый Советом труда и обороны ещё летом (31 июля п. г.) экспортно-импортный план. Этот экспортно-импортный план предусматривал вывоз в 1925/26 г. на 1 млрд. 59 млн. руб., и он был признан СТО в общем и целом отвечающим реальным ресурсам Союза и ходу развития народного хозяйства. Вместе с тем, как вам известно, Госпланом были разработаны контрольные цифры всего народного хозяйства, выражающие перспективы на ближайшее время, которые были преподаны нам как Госпланом, так и СТО в его постановлении от 14 августа.

ТОПЛИВНЫЙ БАЛАНС

Я перейду к некоторым основным моментам плана, которые обойти невозможно. Прежде всего относительно топливного баланса. Мы и в прошлом году и в конце позапрошлого года имели известный избыток производства, что нам доставило тогда немало затруднений. Однако именно это обстоятельство сослужило нам пользу в настоящем году и окажет пользу в будущем году. С развёртыванием промышленности и ростом потребностей в топливе пришлось в этом году уже самым сильным образом развить топливодобывающую промышленность. Программа на дрова увеличена в этом году на 53 процента, по торфу — на 42, по каменному углю — на 52 процента (добыча его в этом году доходит до полутора миллиардов пудов), по нефти — на 18 процентов. Недостаточное по сравнению с остальными видами топлива развитие добычи нефти объясняется техническими условиями, не дающими возможности увеличить нефтедобычу в такой степени, как другие виды топлива.

Программа по минеральному топливу выполнена в первом квартале на 100 процентов. Однако на будущий год мы должны предвидеть большие затруднения в связи с недостаточным выполнением дровозаготовок в этом году. Обычно в первом квартале должно быть заготовлено от 30 до 40 процентов годового задания, между тем как, например, по НКПС заготовлено за октябрь и ноябрь всего только 6—7 процентов годового задания; НКЗ заготовил 3 процента годового задания, а Владимирский трест — 30 процентов задания первого квартала. Лесотресты в ноябре и октябре заготовили от 2 до 10 процентов годового задания. Дровяной фронт у нас один из самых слабых участков. Топливные

затруднения, которые мы сейчас переживаем, являются затруднениями больше транспортного характера, с одной стороны, и, с другой стороны, обуславливаются заминками в связи с пережогом топлива.

Выполнение программ отдельных отраслей промышленности в первом квартале в общем и целом достигло намеченных размеров: по нефти — 100 процентов, по каменноугольной промышленности — 97, по хлопчатобумажным тканям — 100 и даже выше, по лесопромышленности — 120, по металлической — 85, по табачной — 112 процентов. В сравнении со средним уровнем промышленности в прошлом году рост производства в первом квартале этого года выражается в 26 процентов. Следовательно, если бы наша промышленность оставалась на уровне, достигнутом ею в первом квартале, то общий рост промышленности за год равнялся бы только 26 процентам.

ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫЙ ПЛАН И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Между тем уже в первом квартале промышленность натолкнулась на огромные затруднения. Этими затруднениями, которые не сказались немедленно на ходе производства и выявились в первую очередь для органов, управляющих промышленностью, являются затруднения по экспорту и импорту. Оказалось, что при том ходе экспорта, который мы имеем, особенно по сельскохозяйственной продукции, нельзя рассчитывать на тот импорт, который был принят и намечен СТО 31 июля, т. е. тот импорт, на размерах которого базировалась и наша промышленность в строении планов своего развёртывания в 1925/26 г. Уже в ноябре месяце необходимо было приступить к пересмотру этого плана в связи со слабыми хлебными заготовками. Импортную программу пришлось сокра-

тить. Это необходимо было сделать, потому что в наших руках не было той валюты от экспорта, тех средств, на которые можно было бы произвести импортные закупки.

Вы знаете, до чего дошло хозяйство Польши благодаря тому, что у неё не было активного баланса своей внешней торговли. Если бы мы хотели пойти по следам Польши и покупать, не имея на это средств, мы должны были бы вывезти от себя абсолютно всё наличное золото, которое является обеспечением нашего червонца, мы должны были бы попасть в экономическую, а затем в политическую кабалу к буржуазным государствам. Никким образом нельзя было пойти на то, чтобы наш баланс был пассивным, т. е. чтобы мы покупали больше, чем мы за границу продаём.

Можно спросить, — откуда же произошла такая заминка и такие просчёты? Есть ли это результат неправильности общеэкономической политики, проводимой партией, или это явилось результатом частичных ошибок, которые мы сделали? Я на этот вопрос отвечаю так: никакой ошибки в принципиальном пути, который нами был занят, нами сделано не было, но были допущены серьёзные, существенные ошибки. Мы слабы тем, что делаем ошибки, но тем и сильны, что их сознаём и стараемся исправить.

Эти ошибки заключались прежде всего в том, что мы в хлебоэкспортных планах плохо учли наши внутренние потребности и не обращали достаточного внимания на внутреннее снабжение. Между тем внутреннее потребление хлеба за этот период значительно увеличилось, с одной стороны, в связи с увеличением заработной платы и, с другой стороны, на почве роста потребления хлеба самим крестьянством. Мы допустили ошибку, рассчитав, что внутри крестьянства потребление будет такое же, как в довоенное

время. Мы не учли, что в довоенное время крестьянин хлеба недоедал, у него его выколачивали, и что теперь, после многих лет недоедания, он расширил своё потребление и расширил запас своего хлеба. В результате — недостаточное внимание к внутреннему снабжению вызвало рост сельскохозяйственных цен.

Следующая наша ошибка заключалась в том, что 70 процентов всех заготовок было намечено провести до января месяца. Это было сделано в том расчёте, что в этот период хлебные цены на международном рынке являются самыми выгодными. Для этого заготовительным организациям было выдано много средств без достаточного обеспечения рынка промышленными изделиями. Правда, предполагалось ввезти к этому времени на 160 млн. руб. предметов широкого потребления, для того чтобы те деньги, которые будут выброшены для хлебозаготовок, изъять обратно. Хлеб же пойдёт за границу, на этот хлеб мы получим валюту, и, таким образом, в хозяйстве будет установлено равновесие. Однако несправная, недостаточно гибкая работа наших торговых организаций по внешней торговле привела к тому, что покупка товаров запоздала, товары не прибыли в срок, оказались плохого качества и слишком дорогими, оказались хуже, чем те товары, которые есть у нас. Почему? Потому, что за границей не ждали, что мы придём и возьмём на 100 млн. товаров. Закупки на такие суммы надо производить с достаточно длительной подготовкой на внешнем рынке. В итоге мы не сумели заготовить хлеба, в стране оказалось слишком много денег, которым нельзя было противопоставить достаточное количество товаров. Положение, которое создалось на крестьянском рынке, не могло не сказаться на всех наших финансовых расчётах и подсчётах. Уже в 1-м квартале наш финансовый план

и финансирование промышленности по краткосрочному кредиту и по займу хозяйственного восстановления не могли быть осуществлены. В 1-м квартале нам удалось добиться в декабре постановления СТО о выдаче нам в счёт этих займов 10 млн. руб. Фактически мы получили только частицу этой суммы, только около 6 млн. На 2-й квартал решено выдать немного больше, около 20 млн. руб. Наши планы по краткосрочному кредиту в банках также не оправдались. В 1-м квартале был принят в СТО план, представленный Наркомфином, который предвидел прирост текущих счетов на 1-й квартал в 324 млн. руб., и на этом приросте базировался план кредитования нашей промышленности, сельского хозяйства, всего народного хозяйства. Фактически вместо 324 млн. получено всего 53 млн. Вы видите, какая ошибка недоучёта здесь произошла, какой произошёл сдвиг в народном хозяйстве. На 2-й квартал то же самое. По самым скромным подсчётам промышленности нужно было 120 млн. Госплан определил 105 млн. Однако СТО должен был принять проект Госбанка, который намечает увеличение кредитования на 27 млн. руб. за весь квартал. Правда, СТО принял постановления, что весь прирост, который окажется, должен быть обращён на финансирование промышленности, и я уверен, что прирост текущих счетов будет больше, чем предвидит Госбанк, который, как говорится, обжёгшись на молоке, дует на воду. Эта тактика правильна. Приходится быть осторожным, чтобы не попасть в большую беду.

Далее имеются довольно значительные затруднения, связанные с ростом розничных цен на промизделия и цен на хлеб и внутреннее сырьё. Вследствие недостаточного финансирования сырьевых организаций имеется ряд трудностей с заготовками сырья.

Так, недостаточно удовлетворительно идут заготовки по хлопку, по коже, по шерсти, по маслосеменам. Вместе с тем благодаря высоким ценам развилась спекуляция сырьём.

И вот в результате создавшегося положения, в результате сужения нашего импорта и до некоторой степени сужения финансирования нам пришлось пересмотреть наши производственные программы. Сокращение валовой стоимости всей продукции выразится в сумме 450 млн. червонных рублей. Эти 450 млн. рублей раскладываются следующим образом: по металлической промышленности сокращение на 92 млн. руб., электропромышленности — 10 млн., хлопчатобумажной — 258 млн. (из-за недостатка хлопка), шерстяной — 33 млн., лако-красочной — 3 млн., жировой — 12 млн., основной химической — 7 млн., бумажной — 5 млн. В отношении всей промышленности это даёт 7 процентов сокращения. Мы намечали прежде программу роста промышленности на 49 процентов по сравнению с предыдущим годом, а будет она около 39—40 процентов. Если бы где-нибудь за границей был рост на 40 процентов, это был бы бурный рост. Но мы настроились в прошлом году на ещё больший процент, и это нас удручает.

Ввиду того, что сокращение больше всего пало на сырьё (хлопок, шерсть, кожу, цветные металлы), пришлось сократить больше лёгкую промышленность, а не тяжёлую, потому что мы этой лёгкой не можем дать достаточно сырья. И поэтому это сокращение в 7 процентов выражается на лёгкой в 8,8, на тяжёлой — в 4,5 процента.

Какие же меры могут быть приняты для того, чтобы мы вышли из этой заминки с наименьшими потерями и, с другой стороны, чтобы мы могли быть во всеоружии к осенней кампании 1926 г. по реали-

зации хлеба? В этом направлении правительством принимаются соответствующие меры. ВСНХ образовал специальную комиссию по выявлению всех мероприятий, содействующих увеличению экспорта. Органы профсоюзов на местах тоже могли бы оказать большое влияние в этом вопросе.

Наш экспорт сократился не только в части сельскохозяйственной продукции, но также и по нефти, по лесу и по другим статьям промышленного экспорта. Это происходит оттого, что экспорт сейчас, при тех частных ценах, которые держатся на внутреннем рынке, становится нерентабельным. Мы принуждены принимать искусственные меры для усиления экспорта. Каким образом можно было бы этот экспорт поощрить? Наш червонец держится не только тем, что он имеет товарный эквивалент, т. е. цены на наши изделия выражаются в единицах нашего червонца, но также и потому, что курс его по отношению к золоту является паритетным. Это значит, что за границей за 10 руб., червонец, вернее, за 9 руб. с лишним, получаешь приблизительно фунт стерлингов, получаешь определённое количество золота. Но так как покупательная способность червонца за границей гораздо выше, чем у нас, то экспортёр, получая за свой вывоз червонцы рубль за рубль, может купить на них внутри страны гораздо меньше, чем с этой валютой мог бы купить за границей. С этой же точки зрения импорт становится выгодным для тех, кто импортирует. Выигрывает импортёр.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в интересах всего народного хозяйства необходимо поддержание устойчивости нашего червонца, сохранение паритета червонца к золоту. Поэтому положение наших экспортёров будет менее выгодным, чем импортёров. Но мы отличаемся от буржуазного хозяйства

тем, что у нас единое хозяйство, хотя и разные карманы. Мы должны в таком случае покрывать убытки наших экспортёров. Правительством, СТО и нашими партийными руководящими органами была принята директива, что в случае нерентабельности экспорта необходимо изыскать в стране средства — от дохода, от импорта или из общегосударственных ассигнований, для того чтобы этот экспорт поддерживать. Кроме того, совершенно очевидно, что если мы возьмёмся действительно со всей энергией, мобилизуем все наши силы для борьбы с высокими ценами, то мы эти цены условно сможем снизить. Вот пример: ВСНХ, действовавшему до сих пор довольно изолированно, без большой поддержки, всё же удалось на московском рынке перед праздниками несколько снизить цены благодаря так называемой товарной интервенции. Если мобилизовать для этого дела все силы: советские, партийные, профессиональные и кооперативные, то не подлежит сомнению, что мы этот прорыв, который получился между оптовыми и розничными ценами, сможем уничтожить и достигнем снижения розничных цен. А добившись снижения розницы промизделий, мы получим снижение сельскохозяйственных цен, мы ставим на ноги экспорт, мы делаем его выгодным и создаём себе базу для того, чтобы купить и привезти из-за границы необходимое сырьё. Но ясно, что, не проделавши такой работы, мы не можем требовать ввоза из-за границы, потому что у государства нет для этого валюты.

КАПИТАЛЬНЫЕ РАБОТЫ И ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Перехожу, товарищи, к капитальным работам. По первому плану наша программа предусматривала капитальные работы, включающие: капитальный ремонт, переоборудование, реконструкцию нашего обо-

рудования, рационализацию теплосиловых и других установок, новые заводы и жилищное строительство, всего в сумме 936 млн. Из них на капитальные работы падёт 669 млн., на жилстроительство 97 млн. и на новые заводы 170 млн. Сейчас план, согласованный с новыми контрольными цифрами Госплана, равняется 746 млн. руб., т. е. представляет сокращение на 20 процентов, а в миллионах — на 185 млн. Из этих 746 млн. — 550 млн. падает на капитальные работы, 86 млн. на жилищное строительство и 110 млн. на новые заводы. Причём, как вам известно из газет, нами ведутся переговоры в Германии о займе в 300 млн. марок — займе, который будет покрыт нашими заказами. В случае, если он будет заключён, он будет реализован изделиями, машинами, оборудованием для нашей нефтяной, металлической, рудной, бумажной промышленности и Донугля. Если эти кредиты удастся получить, то наши капитальные расходы увеличатся на 75 млн. руб.

Какие финансовые основания были для того, чтобы развивать такую программу, и почему мы эту программу сокращаем, я уже объяснил. Основные источники финансирования, на которых мы базируемся в настоящее время, сводятся к следующему. Прежде всего вопрос прибылей и убытков, т. е. социалистического накопления нашей промышленности. В 1923/24 г. прибыль по всей промышленности выразилась в 175 млн. руб., а убыток — 69 млн. руб., т. е. чистой прибыли 106 млн. руб. В 1924/25 г. прибыль — 76 млн. руб., убыток — 30 млн. руб., значит — всего 46 млн. руб. прибыли. В этом году ожидается 494 млн. руб. прибыли, 14 млн. руб. убытка, т. е. 480 млн. руб. чистой прибыли. Прибыль эта, если мы её не съедим, может быть ещё увеличена. Мы предполагали снизить в текущие годы цены на

4,4 процента. Теперь, с нашей точки зрения, никакого снижения цен производить нельзя, так что эта прибыль может увеличиться. Конечно, она может и уменьшиться, потому что сырьё начинает дорожать, дорожает и рабочая сила. Придётся приложить все усилия, чтобы эту прибыль увеличить, а не уменьшить.

Другой источник финансирования — это государственный бюджет. Каковы взаиморасчёты между нашей промышленностью и государством по бюджету, сколько от нас непосредственно государственная казна берёт и брала и сколько она даёт и давала? В 1923/24 г. мы дали государственной казне 65 млн. руб., получила же промышленность за это время 77 млн. руб., т. е. в 1923/24 г. промышленность получила больше, чем дала, на 12 млн. руб. В 1924/25 г. промышленность дала 142 млн. руб., получила 109 млн. руб., т. е. промышленность дала на 33 млн. руб. больше. В этом году от промышленности будет взыскано 214 млн. руб., а даётся 155 млн. руб., кроме того из Центрального коммунального банка — 30 млн. руб. и по государственному кредитованию — 2 млн. руб. Итого получается 187 млн. руб., тогда как промышленность даёт государству 214 млн. руб. Промышленность больше даст, чем получит, на 27 млн. руб. Кроме того, государство получает через промышленность из года в год всё больше и больше налогов (косвенных налогов, акцизов, всяких пошлин и т. д.).

Из года в год через промышленность поступало в государственную казну в процентах: в 1923/24 г. — 18 процентов, в 1924/25 г. — 37 процентов, на 1925/26 г. — 32 процента. За эти же годы цифры поступления от сельскохозяйственного налога такие: 7 процентов, 9 и 5 процентов. Таким образом мы видим, что, чем больше развивается наша промышлен-

ность, тем больше растёт и крепнет наш государственный бюджет. Поэтому мы вправе рассчитывать на государственный бюджет, как на один из источников финансирования и роста нашей промышленности.

Следующим источником является заём хозяйственного восстановления, который утверждён для промышленности в сумме 144 млн. Должен сказать, что мы выдвигаем идею краткосрочного займа. Было бы желательно обменяться именно здесь, на пленуме ВЦСПС, мнениями: возможно ли будет, если этот заём поставить как заём, с помощью которого мы сможем удержаться на достигнутом промышленностью уровне, не давая ему снижаться, — возможно ли будет рассчитывать на некоторый процент добровольной реализации среди членов профсоюзов? Нет и речи, чтобы мы сейчас могли подойти к принудительному размещению займа. Некоторые сбережения у населения имеются, и если мы сумеем развернуть широко агитацию и популяризировать этот заём, можно было бы добиться успеха. Дальнейший источник — увеличение банковских краткосрочных кредитов. Мы в этом году надеемся на увеличение этого источника на 450 млн. руб. Это — сумма небольшая, что видно из сопоставления задолженности к концу года за 3 предыдущих года: на 1 октября 1923 г. — 162 млн., 1 октября 1924 г. — 466 млн., 1 октября 1925 г. — 962 млн., т. е. краткосрочный кредит вырос за прошлый год почти на 500 млн. руб. Следовательно, прирост этого года на 450 млн. руб. не является утопией. Далее, мы надеялись, и нами принимается в этом отношении ряд мер, на реализацию так называемого неликвидного имущества. Она уже кое-что нам дала, правда, не в той степени, как мы предполагали. Кроме использования неликвидного имущества мы можем и должны в этом году уменьшить запасы

готовых изделий, сырья, топлива и дать, таким образом, ускоренный оборот капитала. Нужно отметить, что оборотные средства на 1 руб. продукции из года в год всё уменьшаются — это указывает на финансовое улучшение наших трестов. В этом году улучшение граничит уже с пределом. Мы полагаем, что в этом году на 1 руб. продукции будет оборотных средств около 70 коп., тогда как в прошлом году было 77 коп., в позапрошлом году — 99,7 коп. Улучшая оборот средств, мы тем самым с меньшими средствами сможем делать большую работу.

Наконец, одним из источников финансирования является Центральный коммунальный банк. Мы думаем, что получим из него 37 млн. Последняя цифра, которую приняли в СТО, — 28 млн. руб.

ВОПРОСЫ ТРУДА

Перехожу к тому, как выполнен наш план по заработной плате, и вообще к вопросам, связанным с трудом. Должен сказать, что истекший период и настоящее время характеризуются явлением очень тревожным. Это явление — расхождение между ростом производительности труда и кривой роста заработной платы. В апреле с. г., делая доклад на III съезде Советов, я указывал там на колоссальное достижение, которое, как я глубоко убеждён, создало нам базу для столь бурного и успешного развёртывания нашей промышленности. Тогда я указывал, что заработная плата была почти стабильной, а производительность труда, т. е., вернее, выработка на рабочего (зависящая не только от производительности, но и от ряда других моментов), поднялась на 26 процентов.

По данным, которые мы сейчас имеем, истекший период нужно разбить на две половины: 1) с октября

по май включительно и 2) от мая до настоящего времени. Я разбиваю на два периода, потому что май является гребнем, верхушкой поступательного движения, начавшегося с прошлого года. Производительность труда увеличилась с октября по май включительно на 31 процент, заработная плата была почти стабильной, увеличение только на 3 процента в московских условных рублях. Что касается увеличения в червонных рублях, оно было значительнее, потому что, если вы помните, 1924 г. был неурожайным, и именно в мае и июне 1925 г. дороговизна достигла наибольших пределов как результат неурожая 1924 г. Поэтому в червонных рублях рост заработной платы был не 3 процента, а 14. Во второй период, от мая до декабря включительно, выработка на рабочего уменьшилась на 5,2 процента, т. е. составила 94,8 процента. Кривая выработки даёт следующие цифры:

Май	6,13
Июнь	6,04
Июль	5,81
Август	5,80
Сентябрь	6,06
Октябрь	5,77
Ноябрь	5,96
Декабрь	5,81

Как видите, ни в одном месяце она не достигла майской. Зарплата за это же время увеличилась в московских условных рублях на 16 процентов, а в червонных — на 14 процентов, при сокращении выработки на 5 процентов. Всего до декабря выработка увеличилась на 23 процента, зарплата в московских условных рублях подвинулась на 20 процентов, а в червонных — достигла 30 процентов, т. е. превысила выработку. Нельзя забывать, что промышленность базируется на червонных рублях, а не на московских

условных, так как она продаёт свои изделия по червонным рублям. Для потребления же рабочих имеет значение условный рубль, эквивалентный такому-то количеству товаров. Если даже взять московский условный, то и в этом случае разница между выработкой и зарплатой не покрывает те расхождения, которые были в предыдущие годы. За 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг. выработка увеличилась на 87 процентов, а зарплата поднялась на 146 процентов. В первом году: выработка — 22 процента, зарплата — 57, в следующем — 22 и 26 и в третьем — 23 и 20. В последнем выработка как будто поднялась. Но нельзя забывать, что с мая по декабрь увеличилось количество рабочих почти на 400 тыс. человек. Мы в мае по основной крупной промышленности имели 1 млн. 488 тыс. человек, а в декабре — 1 млн. 862 тыс. человек. И если сравнить всю выработку и всю массу рабочих с размерами полученной зарплаты, то получаются характерные цифры: в один день выработки в мае рабочие произвели 9 млн. с лишним, в декабре — 10 млн. 800 тыс., т. е. на 1 млн. 700 тыс. больше, а получили вместо 2 млн. 869 тыс. — 4 млн. 97 тыс. Почему? Потому что налицо 400 тыс. новых рабочих, что вся выработка увеличилась на 16 процентов, а рабочих увеличилось на 25 процентов, зарплата же вся в совокупности увеличилась на 45 процентов. Для промышленности это означает жесточайшее финансовое напряжение, уменьшение того накопления, которое имеется в промышленности. Чем это обуславливается? Здесь есть объективные причины. Мы при рассмотрении этого вопроса не должны выступать как две стороны и спорить. Это — фактор, из которого нужно найти выход. Он заключается в том, что мы должны были принимать новых рабочих, которые не прошли фабричной школы. Во-вторых,

мы перешли на производство с таким оборудованием, которое не даёт достаточно эффекта. В результате и получается указанное расхождение. Мы должны по всем линиям эти объективные факторы учесть и найти те мероприятия, которые мы, как советская общественность, сможем противопоставить этим факторам. Это необходимо. Наём новых рабочих был проведён в большей степени, чем это нужно было по программе. Количество рабочих у нас увеличилось уже в декабре в среднем годовом проценте к прошлогоднему на 24,8, тогда как весь среднегодовой рост должен составлять 20,7 процента.

Но вот другой факт, за который не только мы отвечаем. По производственным программам средняя годовая заработная плата за 1925/26 г. в червонных рублях была 47 р. 62 к., а мы в октябре уже достигли 50 р. 75 к. Сентябрьские цифры, по данным ВЦСПС, дают среднюю по всей промышленности в 100,4 процента в отношении к 1913 г.

Месячная заработная плата рабочих за сентябрь—октябрь в процентах к заработку 1913 г. = 100.

Отрасли промышленности ¹	Зарплата в сентябре 1925 г. без начислений	Зарплата в сентябре с начислениями
По всей промышленности	100,4	—
В том числе:		
по металлической	83,1	96,5
» текстильной	123,1	154,8
» химической	122,9	153,9
» кожевенной	136,1	156,0
» полиграфической	111,8	138,3
» пищевой	157,6	188,1
» бумажной	135,6	171,5
» деревообделочной	125,9	151,8
» горной	72,0	—

¹ Сентябрьская зарплата без начислений — по данным ВЦСПС; с начислениями — по ВСНХ.

На вопрос производительности труда, вопрос простоев и прогулов, на вопрос относительно норм выработки необходимо обратить сугубое внимание. Обыкновенно говорят, что мы часто пересматриваем нормы, что нормы выработаны жёсткие, а между тем в целом ряде отраслей, где нами заключены коллективные договоры, ограничивающие приработки по всему максимально 65 процентов, на практике приработки доходят до 300—310 процентов и больше. Если будет продолжаться расхождение между выработкой и величиной зарплаты, то ясно, что мы концов с концами не свяжем.

Необходимо было бы обратить внимание ещё на одну сторону, способную увеличить реальную зарплату. Из тех цифр, которые я вам здесь огласил, вы видели, что при увеличении зарплаты на 20 процентов промышленность должна была платить по зарплате на 30 процентов больше в червонных рублях. Отношение 30 к 20 равно 33 процентам. Поэтому сейчас дальнейшее обеспечение реальной зарплаты, её рост должны идти прежде всего по пути борьбы за улучшение розничной торговли, за улучшение нашей кооперации и по пути поднятия производительности труда.

Производительность труда в общем и целом можно поднять почти исключительно улучшением технического оборудования, улучшением организации производства. Но для того, чтобы ввести новое оборудование, нужны средства. Возьмём индивидуальное крестьянское хозяйство. Каждый знает, что у кого нет лошади, тот погиб. Если у него нет лошади и коровы, он не может вывернуться, он делает всё, чтобы заработать на лошадь и корову. То же самое и с нами, с рабочим классом СССР: пока мы не купим корову и лошадь, т. е. пока у нас не будет

наших стальных машин по последнему слову науки, нам придётся перебиваться с капусты на квас. В нашем хозяйстве мы должны сосредоточить наши силы на том, чтобы обеспечить техническим оборудованием. Товарищи, я хочу указать ещё на одну диспропорцию, которая у нас сейчас имеется. Мы больше потребляем и больше имеем права на потребление, чем у нас в природе имеется предметов, чем их имеется в распоряжении Советского государства и советской промышленности. Почему экспорт у нас не осуществился? Экспорт у нас не выполнен потому, что мы не могли крестьянину дать необходимое количество товара. Почему же нет этих изделий? Прежде всего потому, что процент накидок огромный. Это значит, что, когда фабрика даёт потребителю аршин, то приходится на передвижку его тратить слишком много. Другими словами, наш посреднический аппарат, который стоит между государственной промышленностью и крестьянином-потребителем, настолько возрос, что он пожирает слишком большую часть этих материальных благ. Следовательно, наша борьба за понижение розницы означает борьбу за правильное распределение промышленных изделий, за сокращение передаточных аппаратов. Точно так же мы должны учесть, что наш бюджет возрос с 2 млрд. 700 млн. прошлого года до 4 млрд. Содержание армии, государственных органов поглощает значительную часть средств потребления. Мы должны сократить и уменьшить это потребление. В смысле рабочего потребления я уже сказал: надо увеличить производительность. Итти путём сокращения зарплаты нельзя, но нельзя также обеспечить её сохранение той линией производительности труда, которую мы имеем. Кривую производительности необходимо поднять. На кампанию по усилению

производства, на кампанию за снижение розничных цен нужно обратить особое внимание.

Какие меры можно ещё предпринять?

У крестьянства имеются некоторые излишки денег, которые оно не может реализовать. Надо выдвинуть вопрос займа. У нас имеются сберегательные кассы. Мы должны мобилизовать все наши советские силы для того, чтобы у крестьянина было доверие к нашим займам, к нашим сберегательным кассам, для того чтобы он авансировал нам те средства, которые у него имеются, но на которые мы ещё сегодня дать ему товара не в состоянии. Словом, нам нужно изыскать все меры, направленные, с одной стороны, на изъятие свободных денег, которым не могут быть противопоставлены изделия, и, с другой стороны, сделать всё для того, чтобы усилить производство этих изделий.

Сумеем ли мы выйти на широкую дорогу нового строительства? Я должен сказать, что, насколько я ориентируюсь в силах нашего Союза, в силах рабочего класса и в тех материальных ценностях, которые у нас имеются, я уверен, что мы из этой заминки на путь индустриализации выйдем. Мы научимся, как составлять планы, научимся, как проводить резолюции нашего партийного съезда, который дал директиву: освободиться от заграничной зависимости. Научимся теснее налаживать экономическую смычку с крестьянской массой и с неослабной энергией будем выковывать свою будущую свободу и социалистический строй. *(Аплодисменты.)*

Издано отдельной брошюрой (Госиздат, 1926 г.)

ТРУД И ЗАРПЛАТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

РЕЧЬ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ
ОТДЕЛОВ ЭКОНОМИКИ ТРУДА И ТНБ

7 июля 1926 г.

Товарищи, я хотел поделиться с вами некоторыми мыслями, которые могут быть вам полезны в вашей работе. Сейчас, как вам известно, мы переживаем один из самых трудных и самых ответственных этапов развития всего нашего советского народного хозяйства. Трудности эти являются, безусловно, трудностями роста, а не упадка, ибо, как вам известно, процесс развития нашего хозяйства шёл столь быстрыми шагами, что о таком темпе развития не мечтали даже самые пылкие из наших советских работников. То, на что по плану предполагалось потратить, скажем, не десятки лет, а десять лет, этого мы достигли в течение 4—5 лет, и вот именно этот бурный рост, этот бурный темп развития и создаёт все те трудности, в полосу которых мы вступили.

В самом деле, мы исчерпали основной капитал, который достался нам от буржуазии, он в значительной степени изношен, его необходимо переоборудовать, а вместе с тем, достигши почти предельного уровня при имеющемся основном капитале, мы испытываем величайший и громаднейший товарный голод. Вместе с тем у нас исчерпался запас квалифицированной рабочей силы и технического персонала, и мы сейчас стоим вплотную перед необходимостью их воссоздания. Вы знаете, что наша крупная государственная промышленность, не считая мелкой, в течение одного года привлекла более 400 тыс. новых рабочих, которые раньше не были в процессе производства. При капиталистическом строе теоретики капитализма говорили о трудностях, связанных с

этим привлечением новых рабочих, ибо рабсилу, взятую из деревни, для того чтобы её квалифицировать, для того чтобы её переварить в фабричном котле, нужно было много обрабатывать. Конечно, в наших условиях это должно произойти гораздо быстрее, но для того, чтобы этим новым рабочим избавиться от психологии частного собственника, частного хозяйчика, мелкого собственника, для того, чтобы перейти к психологии сплочённого в одно целое рабочего класса и пролетариата, сознающего свои классовые задачи, для этого необходимы величайшие, колоссальнейшие усилия.

А пока мы вместе с этим ростом рабочей силы видим, что в производительности труда мы не достигли даже довоенного уровня. Точно так же в смысле зарплаты, если не говорить о тех отраслях, рабочие которых эксплуатировались неслыханным образом и зарплата которых в настоящее время выше довоенной, но если взять отрасль тяжёлой индустрии, то видим, что там при этом росте не удалось достигнуть зарплаты даже довоенной. Я говорю о металлургической промышленности и о горной промышленности. Перед нами, таким образом, при нашем колоссальнейшем росте встаёт целый ряд труднейших и важнейших задач, иногда в своём разрешении кажущихся противоречивыми, одновременное разрешение которых кажется невозможным. Отсюда и эти трудности и эти элементы кризиса, которые мы преодолеваем: вот хотя бы сейчас — мы вступили в полосу несвоевременной выплаты зарплаты. Какие же задачи стоят перед нами? Как к ним надо подойти? Как поставить вопрос для того, чтобы все эти задачи решить, а мы их должны решить и решим, ибо, если рабочий класс и его организации не разрешат их, если этих задач не решит государственная промышленность, то это

будет означать, что рабочий класс не разрешил проблему своей власти, он не разрешил задачу, как руководить и вести государство по социалистическому пути, не выполнил возложенной на него историей задачи. Поэтому необходимо все эти трудности ставить во всём объёме, и каждый работник промышленности, особенно работник, который имеет дело с организацией труда, никогда не должен забывать ни одну из трудностей и должен совершенно открытыми глазами смотреть на явления и трудности в их обнажённом виде. Мы знаем, что у нас есть товарищи, не скажу, чтобы много, но есть некоторые, ударяющиеся в панику, которые теряются при этих трудностях, несмотря на имеющийся у нас рост, теряют равновесие, и когда эти вопросы встают перед ними и надо давать ответ, за чей же счёт производить преодоление всех этих трудностей, — становятся втупик.

Основная трудность, основное противоречие заключается в том, что без переоборудования нашей промышленности мы не можем поднять в достаточной степени производительность труда. Не поднимая в достаточной степени производительности труда, мы никоим образом не можем поднять зарплату, ибо для каждого ясно, что рабочий не может получать больше, чем он даёт. Здесь-то вот и встаёт вопрос: за чей счёт производить нашу индустриализацию, переоборудование нашей промышленности? Может быть, многие из вас читали книжку Преображенского¹ и выступления ряда других товарищей, которые где намекали скрыто, а где и прямо дают такой ответ: индустриализировать страну, переоборудовать промышленность надо за счёт крестьянства. Можем ли

¹ «Новая экономика».

мы в Советском государстве, можем ли мы действительно дать такой ответ: за счёт крестьянства. Конечно, с таким ответом мы согласиться не можем. Не можем не только теоретически, не только идеологически, потому что это совершенно неправильная постановка вопроса, но мы фактически не в состоянии дать такой ответ. Идеологически неправильна такая постановка потому, что наш строй — это строй прежде всего диктатуры пролетариата, союза рабочих и крестьян, и этот союз рабочих и крестьян является материальной базой существования нашего государства.

Если вы скажете, что диктатура рабочего класса — за счёт крестьян, то теряется та связь и основа, на которой рабочий класс провёл Октябрьскую революцию, и будет разрушена та материальная база, на которой существует и в настоящее время наш строй.

Вы помните, что в 1923 г., когда наша промышленность забыла увязку и связь с крестьянством, когда промышленность поставила вопрос о своём промышленном накоплении для восстановления износившегося оборудования за счёт высокого повышения цен, — в ответ на это получился кризис сбыта. Таким образом, совершенно автоматически вместо того, чтобы достигнуть той цели, которую промышленность себе поставила, она достигла прямо противоположного результата, т. е. стали наполняться склады, изделия рабочего класса не стали реализоваться, и налицо оказался кризис сбыта, из которого мы, правда, скоро вышли, понизив цены и восстановив ту основу, на которой зиждется наш строй.

Затем, не надо забывать, что крестьянство несёт величайшие тяготы, точно так же как рабочий класс, по издержкам революции, гражданской войны, издержкам ниспровержения буржуазии, издержкам по

борьбе за свою свободу. Если взять довоенное соотношение цен между изделиями сельского хозяйства, продуктами сельского хозяйства и ценами на промышленные изделия государственной промышленности, по которым их получает деревня, то вы увидите, что это соотношение не в пользу крестьянства. Коэффициент ножиц, если взять продажные цены, по которым крестьяне продают свою продукцию, и те цены, которые они платят за наши изделия, то коэффициент этот очень часто для крестьянина будет по отдельным товарам не меньше трёх.

Таким образом, говорить о переоборудовании промышленности за счёт крестьянства нельзя, ибо и то соотношение, которое имеется сейчас, слишком тяжело для крестьянства. Некоторые говорят, что эту индустриализацию необходимо произвести за счёт кулачья, за счёт буржуазии, но это есть в нашем строе несколько меньшевистский уклон, ибо заграничные социал-демократы и наши меньшевики не мыслят иного строя, как строя при господстве буржуазии и кулачья. Поэтому при капиталистическом строе социал-демократические партии требуют, чтобы за счёт буржуазии и её прибылей, за счёт кулачья попадало кое-что и рабочим. Ясно, что доходы буржуазии и кулачья есть доходы от эксплуатации рабочего класса и крестьянства. Наш строй не зиждется на этом. Если мы допустили некоторую третью силу, то Владимир Ильич давно сказал, чтобы мы отступление своё приостановили, и мы совершенно не думаем буржуазии и кулачью давать развиваться и за счёт их развития перестраивать наше народное хозяйство.

Сейчас перед нами стоит задача не плодить буржуазию и кулачье, а, наоборот, наша задача заключается в том, чтобы уменьшить их накопление и поставить его в возможно более узкие рамки. Это —

задача нашего советского строя. Мы должны конкретно и ясно сказать, что все те задачи, которые возникают перед рабочим классом и советской властью, могут быть разрешены только путём труда, путём организации труда, путём применения в наших условиях, при нашей власти, той высокой техники, которая достигнута в капиталистических странах и которая, будучи применена в наших условиях, даст нам колоссальнейшие и громаднейшие средства, ибо эта новая техника, новое оборудование и новые фабрики дадут возможность нашему труду давать результаты в десятки раз большие, чем этот труд даёт сейчас.

Вот где источник нашего накопления, вот где источник тех средств и сил, при помощи которых мы можем разрешить те задачи и преодолеть те трудности, которые возникают сейчас перед нами. И вот, если так поставить вопрос, то ответственность ваша, как представителей работников и отделов труда и технического нормирования этого самого труда, вырисовывается во всей её трудности, во всей её сложности.

Собравшись здесь, вы обсуждали те болячки и те недочёты, которые на местах, на фабриках и заводах, имеют место.

Этих недостатков, болячек чрезвычайно много.

Действительно, поскольку прогулы увеличиваются, поскольку подрывается основа существования рабочего класса и уменьшается продукция, постольку всё больший и больший процент потребляется без соответствующего эквивалента в смысле производства. Недочёты в смысле снабжения, в смысле технического оборудования приводят целый ряд заводов и станков к простоям. Мы знаем, что целый ряд недочётов имеется на фабриках и заводах в нашем производстве оттого, что недостаточно проведены в жизнь те директивы партийные и советские, кото-

рые устанавливают место в производстве технического персоналу.

Это есть тоже один из вопросов, от которого зависят производительность, организация труда и результаты труда. Вместе с тем вы констатировали, что по тем или другим причинам имеется на фабриках и заводах ряд лишних рабочих. Вот на этом вопросе я хотел бы немного остановиться. Некоторые к этому вопросу относятся боязливо, относятся так, что не выявляют всей болезненности этого явления, не ставят его во всем объеме перед соответствующими органами. Наличие на фабриках и заводах при данной организации труда ненужных для производства лишних рабочих является преступлением перед рабочим классом, ибо каждый лишний рабочий на фабрике и заводе мешает другим. Это вам совершенно ясно.

Лишние рабочие дезорганизуют дисциплину и производство, они пожирают средства, которые данный завод имеет в ограниченном количестве, и не дают возможности заводу стать на ноги, переоборудоваться, улучшить организацию производства и, таким образом, уменьшают темп развития данной фабрики, данного завода. Сокращение же темпа развития данной фабрики, данного завода означает, что если мы сегодня имеем лишних 100 рабочих, — это значит, что мы отдаляем то время, когда мы сможем расширить производство, взяв, может быть, 100—200, а может быть, 300 новых рабочих. Нас безработица мучает и мучает очень серьезно, но никоим образом нельзя вести борьбу с безработицей путем предоставления рабочему на заводе места, где для него работы нет. В этом отношении для производства и всего народного хозяйства гораздо выгоднее выплачивать безработным из особых фондов для безработных, из фондов по социальному страхованию. Выгоднее было бы

сократить рабочий день, для того чтобы привлечь большее количество работающих, если это нужно, чем держать лишний штат рабочих, не загружая их полностью работой.

Я уже указал, что трудовая дисциплина на предприятиях расшаталась, что это не настоящая пролетарская, не трудовая дисциплина, — а стала она такой благодаря тому, что на наши фабрики и заводы пришлось привлечь сотни тысяч новых рабочих, — и поэтому задача наших хозяйственников и отделов труда в этом отношении совместно с профессиональными союзами находить мероприятия для того, чтобы эти вновь привлечённые массы получили соответствующее, достаточное и нужное воспитание, чтобы они сроднились, органически спаялись и связались с фабрикой, которая является основной базой всего благосостояния рабочих и крестьян СССР.

Но ваши отделы, организуя труд, нормируя его, именно с этой точки зрения не должны забывать и о том, что успешная работа в этой области возможна лишь в том случае, если ваши собственные аппараты, если аппараты заводууправления, если аппараты треста, если аппараты Высшего Совета Народного Хозяйства работают чётко и правильно, если производительность труда именно в этих управленческих органах стоит на высоте задачи. Не надо забывать, что в нашей борьбе за трудовую дисциплину, в этой борьбе за перевоспитание вновь привлекаемых сил нам могут нередко, как это до сих пор и бывало, сказать: «Врачу, исцелися сам», — а какова ваша производительность труда? Когда мы говорим о производительности труда рабочего, мы измеряем эту производительность труда тем количеством продукции, которое он нам дал, а производительность труда в управленческих органах сможем ли мы измерить

тем количеством продукции, которое мы даём в нашей работе? Если в металлургии мы указываем, что столько-то и столько-то удалось выплавить чугуна на такое-то и такое-то количество рабочих, в такой-то и такой-то срок, при таких-то и таких-то издержках, то мы получаем все элементы для определения производительности труда. Если же мы скажем, что данный трест прислал в другой орган 25 пудов бумаги, — этим ли нужно измерять его производительность? Где же и в чём нам нужно искать продуктивность и производительность труда управленческого аппарата? Я должен сказать, что у нас ещё этого измерителя нет, ибо наши измерители определяются именно пудами, фунтами или, может быть, длиной наших ведомостей и нашей неслыханной страшной волокитой. Если производительность труда измерять издержками энергии, то у нас в бюрократических органах управления и канцеляриях энергии тратится очень много, но толку, я должен это прямо сказать, толку безобразно мало.

Наша система и наша практика управления являются одной из важнейших помех, препятствующих поднятию производительности труда в тех органах, которые создают материальные ценности. Отделы труда, безусловно, должны этим вопросом, вопросом управленческих аппаратов, вопросом волокиты, вопросом сокращения бумагомарания, бумажного потока, в котором мы тонем, серьёзно заняться. Мы вчера показывал председатель Резинотреста нарисованную картинку, как бумажка, присланная в Резинотрест из саратовского отделения с запросом, какие цены на такие-то и такие-то изделия, — как эта бумажка, маленькая бумажка, которая, будучи послана на фабрику, где производятся эти изделия, получила бы ответ моментально, как эта бумажка в правлении

Резинотреста проходила через 32 руки для того, чтобы по почте был послан ответ, что такие-то изделия стоят по калькуляции столько-то и столько-то. Председатель треста мне указывал, что, когда в аппарате было на это обращено внимание, то выяснилось, что достаточно только 5 рук, чтобы эта бумажка получила ответ, когда она придёт в правление Резинотреста, считая курьера и экспедицию, хотя я думаю, что и этого много. Всего 5 человек. До сих пор над этой бумажкой работало 32 человека, причём по этой бумажке в аппарате в двух местах заводились дела. Этот пример характеризует всю нашу систему.

Это вопрос не только Резинотреста. Возьмите какое-нибудь учреждение и ваши отделы труда в трестах и ТНБ. Если вы покопаетесь в своей практике, вы увидите, что, когда вам надо кого-нибудь спросить, с кем-нибудь сговориться, вы пишете бумажку, и вот она пошла и пошла гулять, вместо того чтобы целый ряд вопросов разрешать непосредственно, путём непосредственного сношения, путём личных переговоров, путём телефона. Такой неслыханный бюрократизм имеется всюду и везде и в первую очередь у нас в ВСНХ. Я скоро думаю созвать наших ответственных работников ВСНХ и с ними переговорить на эту тему. И в самом деле, как у нас поставлена работа в ВСНХ? Примерно меня интересует вопрос о розничных ценах на текстиль, — какие меры там приняты для того, чтобы цены снизить? Я передаю этот вопрос члену президиума, ведающему этим делом, член президиума передаёт начальнику отдела, начальник отдела передаёт своему помощнику, его помощник передаёт начальнику подотдела. У начальника подотдела есть подчинённая ему часть, он передаёт в часть. Не забудьте, что почти у каждого из названных имеются ещё секретари. Наконец, при-

ходит дело к тому, кто должен дать ответ, кто должен над этим поработать. Очень часто бывает и так, что он совершенно не знает этого вопроса, и поэтому он давай писать бумажку: как же — председатель ВСНХ требует срочно, экстренно. И вот он обращается в Текстильный синдикат, к Килевицу. Килевиц, конечно, этим заниматься не может, он передаёт следующему. Это может произойти в течение дня, если бояться Дзержинского, а если это не Дзержинский, — будет идти целую неделю, целый месяц, тогда как, скажем, если бы я, вместо того чтобы идти по инстанциям и по чиновничеству, раз меня интересуют камвольные изделия, взял телефон и, зная, что такой-то занимается этим, протелефонировал бы ему, получил бы ответ, то вся эта переписка отпала бы совершенно. Поэтому безусловно надо сверху донизу так перестроить работу, чтобы уничтожить излишние бюрократические звенья, возложив больше ответственности на непосредственно выполняющих.

Или возьмите доклады, которые мною формально подписываются, казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о недрах, он пишет абсолютно обо всём, нет такого вопроса функционального или материального, по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда негодной системы, ибо тот, кто фактически работает, кто прорабатывает вопрос, его не видно нигде, он скрыт. И поэтому нам надо внимательно подойти к нашему аппарату, чтобы он работал чётко и ясно, чтобы была полная ответственность всех. Если, скажем, в каком-нибудь отделе ведают вопросами розницы или вопросами более частными, и какой-нибудь работник сидит и имеет

в голове своей все сведения и прорабатывает и пишет доклады, — он эти доклады должен подписывать, и его подпись должна быть во всех инстанциях, куда бы эта бумажка ни шла. Конечно, данный работник не может сноситься с СТО и Совнаркомом, и не может низший орган непосредственно сноситься с председателем ВСНХ, но тот начальник, который за него отвечает, он должен подписаться формально, так как он формально отвечает, так как тот работает под его руководством. В отделе экономики труда, например, много работников, вы пишете мне много докладов, а я не знаю, кто пишет, так как все подписаны Кравалем или Рабиновичем. Если мне, скажем, нужно по текстилю или по металлу что-либо узнать, мне приходится вызывать Кравалю или Рабиновича, а они вызывают третьего, а тот, может быть, четвертого. Вот эти методы нашего управления и создают неслыханную волокиту, создают то, что мы не можем угнаться за жизнью, мы теряем темп. В то же время при нашей системе, если вопрос возникает на заводе и если вопрос должен пройти при централизации во всех инстанциях, и нужно согласовать с комиссиями и пойти в Госплан, а там есть подкомиссии и комиссии, и неизвестно, с кем имеешь дело, не с людьми, которые ответственны, а с учреждением, то понятно, как нам тяжело решать все эти конкретные задачи, которые связаны с производительностью труда, благодаря нашим аппаратам и штатам. Поэтому наши аппараты растут неслыханно.

В стране пролетарской никоим образом нельзя терпеть, чтобы труд непроизводительный, т. е. такой, который не создаёт ценности, настолько развивался. Ведь благодаря этому мы имеем в нашей торговле такие неслыханные большие наценки и накидки, столь обострённый товарный голод и зря тратим

средства, вместо того чтобы их направить на восстановление индустрии. А недостаток предметов широкого потребления и является результатом слишком раздутых аппаратов наших органов управления, что создаёт и углубляет наши трудности. Поэтому вы, товарищи, работая в трестах, работая на заводах по вопросам труда, прежде всего должны обратить внимание на аппараты ваших управлений, чтобы не было лишних штатов, чтобы была точная, чёткая у каждого работника ответственность за его работу, чтобы он был работником не только в своём аппарате известным, но чтобы он был широко известен всем тем, которые имеют с вами дело. Вы должны будете переписку всемерно заменять личными связями: работники треста должны быть связаны с заводами, работники трестов с ВСНХ.

Я должен ещё одно указать. Надо нам остерегаться больших докладов, надо нам изжить тот укрепившийся в нашей практике обычай, что если кому-нибудь потребуется какой-нибудь доклад, ему пишут целый том. Если вы идёте в высшее учреждение, вы обосновываете и стараетесь доказать правильность вашей точки зрения опять, повторяю, громадными томами. Это совершенно неправильный подход, — таких ваших докладов, таких ваших томов те, кто руководит делом, не могут читать. Когда у нас в аппарате пишется доклад, что нужно столько-то средств, и это идёт в СТО, вы думаете, что хоть один член СТО имеет время и возможность это прочитать? Ни в каком случае, никогда этого не бывает. Поэтому нам надо от этой системы больших докладов отказаться. Надо писать кратко, по-штабному, по-военному: ввиду того-то и того-то, ввиду таких-то мотивов, прошу то-то и то-то и затем подпись — имя рек. Если ко мне пришло такое предложение, чёткое и

конкретное, я могу его прочитать. Если я им заинтересуюсь, то вместо того, чтобы сидеть по ночам и читать эти доклады, в которых девять десятых лишнего, я могу лучше вызвать к себе заинтересованное лицо и попросить его рассказать. Тогда этот товарищ берёт на себя ответственность за дело. Нам надо отказаться от этой колоссальной работы, от больших докладов, отчётов и т. д.

Вместе с тем, товарищи, я хотел указать, что ваши отделы, отделы труда, не смогут выполнить тех великих задач, тех трудных задач, которые стоят перед нами в области нормирования заработной платы, в области организации труда, если между вами, если между заводоуправлениями, если между нашими хозяйственниками и теми рабочими, которые непосредственно работают и выполняют эти работы, не будет необходимой, достаточно прочной, крепкой связи. В этом именно и есть назначение производственных совещаний. До тех пор, пока перед нами не было таких больших трудностей, пока основной капитал не был исчерпан, пока наша работа заключалась в том, что мы переходили от станка к станку, загружали цехи при тех станках, которые у нас были, и нам удавалось благодаря этому увеличивать производительность труда и расширять производство и, таким образом, создавать базу для дальнейшего накопления, для дальнейшего переоборудования и расширения и для роста зарплаты, — мы могли кое-как обходиться без инициативы широких рабочих масс. Теперь же, при том положении, в котором мы находимся, без доброй воли, без решительной воли рабочего класса, тех рабочих, которые работают на фабрике, мы не сможем разрешить задач, которые ставим перед собою. Поэтому, когда вы приходите сюда и называете цифры прогулов и всяких других

непорядков и неладов, если вы думаете, что мы можем из центра, путём приказов, всё разрешить, то вы жестоко ошибаетесь. Вы стоите на известном посту, на известном фронте организации труда, и эту задачу организации труда можно выполнить, если вы расхлябанности, некультурности и недисциплинированности сможете противопоставить волю и доверие рабочих, а это нетрудно в нашем рабочем государстве. Вы можете от самих рабочих иметь необходимую инициативу, как улучшить дело при тех средствах и при том оборудовании, которые имеются. Только тогда вы сможете провести те мероприятия, которые мы намечаем, которые целесообразны и которые необходимо принять. Многие могут выявить производственные совещания, потому что рабочие там могут сказать о всех недочётах, которые они видят, и они нередко вносят дельные предложения, оздоравливающие работу. А если они вносят предложения нецелесообразные, тогда это означает, что именно здесь надо объяснить этим рабочим, почему они неправы. Если рабочие, которые работают на фабрике, неправильно относятся к производству, а у нас есть разные элементы, — то надо нашим хозяйственникам, руководителям, особенно отделам труда, учитывать настроения рабочих, учитывать их взгляды и их мысли, которые надо направлять в ту или другую сторону.

В заключение, товарищи, я должен сказать, что мы со своей стороны должны приложить все силы и все старания к тому, чтобы производственные совещания всемерно развивались, чтобы наши хозяйственники и все вы принимали в них самое деятельное участие. Только при этих условиях все те трудности, которые стоят перед нами, могут быть преодолены.
(Бурные аплодисменты.)

Напечатана в брошюре «Три последние речи»,
Госиздат, 1926.

НА БОРЬБУ С БОЛЕЗНЯМИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА

РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ВСНХ

9 июля 1926 г.

ТЕМП РАЗВИТИЯ И АППАРАТ

Я созвал настоящее совещание для того, чтобы мы все вместе, ответственные работники ВСНХ, посоветались и всерьёз обсудили, что нужно делать для того, чтобы двинуть более быстрыми шагами дело улучшения нашего аппарата, аппарата промышленности. Это тем более важно, что именно промышленность является той основной базой, на которую опирается развитие всех остальных отраслей и всей мощи государства. Вместе с тем она является тем самым узким местом, которое определяет силы государства, мощь его и которое определяет те трудности, которые мы сейчас переживаем.

Для того чтобы аппарат наш работал бесперебойно и правильно, для этого в первую очередь необходимо осознание тех задач и той линии, которую этот аппарат и наши органы промышленности должны вести. Мы имеем основную линию наших задач и нашей работы, которая сформулирована съездом, как генеральная линия. Это — линия на индустриализацию страны.

В вопросе преодоления товарного голода, т. е. увеличения продукции государственной промышленности, в вопросе качества, в вопросах нашей политики цен наша линия всегда оставалась и остаётся неизменной, и нашими работниками достаточно осознана правильность этой политики цен. Мы эту кампанию провели в отношении отпускных цен, сейчас мы

принимаем зависящие меры для снижения розничных цен и ищем по этому пути разрешения целого узла самых сложных вопросов и взаимоотношений различных элементов.

Далее совершенно осознан вопрос о значении плановости нашего народного хозяйства, представляющего одно целое. Мы не можем поэтому вести и не должны вести ведомственной линии, изолированной линии промышленности от линии остального хозяйства. Наша линия должна идти по твёрдой намеченной линии планового хозяйства как единого народного хозяйства нашего Союза.

Затем нет двух мнений относительно значения проблемы специалистов и вопроса, какую роль в нашей системе управления должно играть знание дела. То же и относительно вопросов производительности труда и изыскания всяких мероприятий для того, чтобы эту производительность труда поднять, чтобы материальная база создателей этих ценностей, т. е. рабочих, могла расти.

Нами уже понята и осознана необходимость равняться в нашем хозяйстве не по довоенным индексам, не по индексам довостановительного момента, а равняться по мировым индексам. Вместе с тем перед нами совершенно ясно и определённо стоит задача в отношении частного капитала и в смысле необходимости такой постановки и такого разрешения этого вопроса, чтобы частный капитал не мешал развитию государственной промышленности и всего национализированного народного хозяйства, а, наоборот, чтобы он был вовлечён в той мере, в какой это необходимо.

Все эти задачи весьма трудны и для своего разрешения ставят другую основную задачу — задачу изыскания в нашей экономике, в нашей хозяйственной системе необходимых средств. Как фокус всей

проблемы и явился тот лозунг, который вышел из наших недр, — лозунг величайшего режима экономии.

В тех условиях, в которых нам придётся разрешать наши задачи, — а нам придётся разрешать их в условиях известной конкуренции как с частным капиталом, так и с внешними враждебными нам силами, — ясно, что мы не должны и не можем потерять темпа. И в самом деле, если говорить относительно частного капитала, то хотя он в абсолютных цифрах и относительно по сравнению с государственными средствами, с государственным хозяйством и его размерами составляет незначительную величину, однако он может представлять реальные опасности, и нужна огромная работа в области обеспечения нужных темпов развития хозяйства.

Мне вчера рассказывал Кузнецов из своего изучения Украины, что там 30 коп. частного капитала производят такую же работу, как наш рубль или 1 р. 20 к. Частный капитал оборачивается в 3—4 раза быстрее и, таким образом, он, имея в 3—4 раза меньше средств, может произвести ту же самую работу, что и мы, имеющие большие средства. Это показывает, что наш аппарат, наше умение управлять капиталами, наше умение оборачиваться очень недостаточно и что поэтому вопрос темпа играет для нас колоссальнейшую роль.

Ни для кого не тайна, что в связи с забастовкой английских горняков мы безусловно являемся тем объектом, на который обращено враждебное внимание капиталистических хищников. Мы знаем, что всяческие перевороты, как будто бутафорские, которые в соседних странах происходили, что они совершаются не без участия тех сил, которые направлены против Советского Союза.

Поэтому вопрос темпа играет колоссальную роль.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ФЕТИШИЗМ

Условия нашей внутренней и внешней ситуации требуют от нас довести работу нашего аппарата до максимальной чёткости, до максимально быстрого темпа. Необходимы полная чёткость и ясность в ответственности, необходимо знание аппарата. Наши средства и энергия наших аппаратов не должны растрачиваться беспланоно, ибо затем нехватило бы средств для основных задач индустриализации, рационализации, поднятия производительности труда и т. д.

Мне недавно говорили, что в одном из крупнейших трестов на содержание аппарата тратится до 40% по сравнению с тем, что платится рабочим. Этот расход показывает, что эта организация никуда не годится, раз она производит расход в таком размере на своё содержание. Мы должны со всей резкостью, со всей смелостью революционеров подойти к вскрытию всех тех недочётов, которые имеются в наших аппаратах, — как в нашем аппарате Высшего Совета Народного Хозяйства в центре, так и местных органов — в трестах, на заводах и т. д., для того чтобы, оголивши, выявивши эти отрицательные стороны, легче было бы их сбросить.

Мы страдаем организационным фетишизмом. Нам кажется, что, для того чтобы организовать какое-нибудь дело, для того чтобы построить что-нибудь, достаточно взять бумагу, сесть в свой кабинет и написать: «Принять энергичные меры», «Изыскать средства» и всё прочее и т. д., и т. д. Это нам кажется достаточным. Нам кажется достаточным взять карандаш и начертить генеалогическое дерево с развёрнутыми кружками. Поставить там кружок, тут кружок, один кружок этим ведает, другой кружок

другим ведает, третий — третьим и т. д., и вот, нарисовав картину, организовали. При этом организационном фетишизме, при этом бюрократизме стираются живые люди, между тем как работу руководства и управления нельзя механизировать. Это работа мозговая, индивидуальная, хотя вместе с тем она глубоко коллективна, глубоко общественна. Не учреждения работают, а люди работают в учреждениях. Центр тяжести должен заключаться в ответственности работающих, в противопоставлении организационному фетишизму живых людей, ответственных людей.

В самом деле, как у нас протекает работа. Я начну с себя. Благодаря тому, что отвечают не лица, хорошо знающие то или другое дело, а учреждения, возглавляемые этими лицами, я нахожусь в таком положении, что должен сидеть в горах бумаги, и, когда ко мне приходят те живые люди, которые создают жизнь, я говорю, что у меня нет времени их принять. Они идут к тому ответственному человеку, который может решить вопрос. Ясно, что всё устремление у них — к этому одному, двум, трём лицам, которые стоят во главе. Но осуществить это невозможно, и благодаря этому работа делается невозможной.

СИЛА БУМАГИ

В ВСНХ приходят бумажки с тем или иным требованием, и, для того чтобы избежать волокиты, стали посылать много бумаг на моё имя, думая тем самым обойти волокиту. И вот приходит 100—200 бумаг на имя Дзержинского. Разве я могу всё просмотреть, да сплошь и рядом я бы не понял их вовсе. Я смогу дать оценку линии, общую директиву, когда

знающие люди в аппарате проработают вопрос. И вот бумага начинает ходить из рук в руки, пишутся резолюции, и она путешествует по инстанциям. Я недавно видел такую картинку. Резинотрест показывал — я об этом говорил на съезде ОЭТ — замечательную картинку. Бумага, в которой содержится просьба сообщить калькуляционные цены на изделия, должна пройти 32 руки, отложиться в два дела в самом правлении треста. Но это не только в Резинотресте, но и в Высшем Совете Народного Хозяйства то же самое.

Мы скоро направляем отчётный доклад по структуре ВСНХ и самодеятельности. Доклад вот этакой толщины. Спрашивается, какой член СТО может это прочесть. Ни один член СТО прочесть этого абсолютно не в состоянии, а мы этот доклад пишем, отнимаем время у людей, чтобы те, кто решает и руководит, совершенно не читали его.

Наша система управления такова, какой она могла быть и какой она должна была быть 4—5 лет тому назад, когда мы не имели подбора работников, не имели базы, на которую мы могли бы опереться для того, чтобы взять и повести то дело, которое мы вырвали из рук буржуазии. Нужно, чтобы не было такой сложной структуры, как теперь, нужно, чтобы не было той бюрократической системы, когда мы не знаем, что делаем, а знают это другие и бумаги в наших портфелях. Мы докладываем на основании данных цифр и головокругительных отчётов, которые мы требовали с мест. При этом мы изменяем те цифры, которые мы требуем от трестов, а тресты от заводов, и этим самым делаем дающих эти цифры не ответственными за них. Точно так же поступают и с нами. От нас требуют сведений и в Госплане и в других учреждениях, наши цифры режут и меняют.

Все отчёты доведены до такой степени, что они превратились в свою прямую противоположность, они утеряли всякий смысл, а мы, однако, тратим на них громадное количество времени. Мы загружаем этой отчётностью наши тресты и заводы.

ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ?

Я думаю, что мы должны заменить систему централизованной ответственности ответственностью всех ответственных работников. Должны быть чёткость и ясность, кто за что отвечает, и поэтому, мне кажется, необходимо ввести и у нас в наших органах, если можно так выразиться, приписную ответственность работников. Мы должны ввести личную ответственность, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает, в какой мере.

Сейчас, когда я получаю из того или другого отдела, или того или другого треста тот или иной доклад или предложение, я не знаю, кто собственно отвечает за это. Конечно, председатель треста за всё отвечает, но это ответственность бюрократического характера. Он отвечает постольку, поскольку не умеет подобрать людей, создать аппарат и дать линию, но за самую работу должны быть ответственны те товарищи, те работники, которые выполняют данное дело. Поэтому мне кажется, что каждая работа должна быть подписана, а не визирована тем, кто её сделал, на какой бы стадии иерархической лестницы он ни находился. Если есть работники, которые аккумулируют в своей голове знания, а то, что не могут аккумулировать в голове, держат в книжке в виде цифр и прочих данных, они должны быть всем известны, кто имеет дело с данным вопросом.

Я об этом писал в своём приказе, но он, однако, не приведён в исполнение.

Если мне нужно знать, как обстоит дело с кампанией по снижению розничных цен на соль или другие изделия, я передаю председателю торговой комиссии, он — секретарю, секретарь — в отдел и там идёт по инстанции. Я не знаю, кто этим занимается, кто за это отвечает. Можно сказать, что это нарушение иерархии, когда задание идёт непосредственно тем работникам, которые внизу. Ничего подобного, иерархия должна быть, но не бессмысленного характера.

Я должен сказать, что бесконечная коллегиальность, комиссии, совещания и т. д. сыграли свою роль, но теперь превратились в помеху.

Конечно, личное общение, присущее коллегиальности, имеет громаднейшее значение, но единоличие, которое мы должны теперь культивировать в противовес коллегиальности, никоим образом не исключает личного общения. Если соответствующий начальник имеет своего помощника, если у них нет уверенности, что они оба одинаково решат, тогда помощник должен докладывать начальнику, как он этот вопрос разрешил. Начальник может его корректировать, может исправлять и т. д. Безусловно, нам необходимо ввести режим личного общения с теми, кем мы управляем и кому мы поручаем ту или иную работу. Нужно видеть живого человека, чтобы знать что-нибудь по тому или другому делу. Никакой отчёт и доклад не может сказать того, что сам живой человек скажет. Такие же отношения личного общения должны быть у наших трестов с заводами.

Далее я думаю, что нам нужно категорически отказаться от больших докладов. Если нужно научный труд написать, дать анализ, указать проблемы, — это другой вопрос. Но доклады по текущему

управлению, по вопросам управления и отчётности должны быть краткие. Надо просто написать: ввиду того-то и того-то прошу то-то и предлагаю то-то и то-то. Тут надо мотивы привести, но не доказывать эти мотивы, а в конце написать, что докладчик по этому вопросу такой-то.

Когда я, например, идя в СТО, буду идти с чистой совестью? Тогда, когда все доклады и предложения прочитал. Если мне понадобится, я могу вызвать докладчика, причём он не будет много мне говорить, а ответит мне по существу именно то, что я должен знать.

Затем наши предложения должны быть краткими, чёткими, реальными и конкретными, а не так, как у нас часто бывает, когда мы хотим решить задачу, а в голове у нас ничего нет, и пишем поэтому что-нибудь вроде: «Принять меры» и т. п.

Очень много времени уходит на совещания и комиссии. Должен сказать, что при нашей системе они не всегда неизбежны. Нельзя сказать, что их не должно быть, потому что ряд вопросов требует согласования, но максимально сократить совещания и комиссии безусловно можно, поскольку мы расширяем систему личной ответственности.

Согласование вопросов превращается у нас часто в карикатуру, открываются прения, преют, в то время как наперёд можно сказать, какое будет решение. Наконец, сплечь и рядом согласовать вполне возможно простым телефонным разговором.

Конечно, мы быстро устранить тех надочётов, которые имеются, не можем. Мы в очень значительной степени зависим от других, например, в смысле требования всяких отчётов и данных. Мы должны сопротивляться. Я повторяю, что мы должны сопротивляться там, где это по закону можно, нужно со-

противляться, чтобы нас не дёргали туда и сюда, точно так же, как мы не должны дёргать других. Мы должны сократить всевозможные увязки, заседания, посылку бесконечных сведений и т. д., и т. д.

Вот если мы так поставим вопрос во всех ячейках управления сверху донизу, то действительно нам удастся провести режим экономии и нам удастся найти средства для технического возрождения, для индустриализации, для ослабления товарного голода. Только тогда, когда мы действительно в этой области проведём режим экономии, только тогда — это совершенно очевидно для всех — поднимется производительность нашего управленческого аппарата и руководственного труда, только тогда мы сможем принять все меры для того, чтобы кампания по производительности труда на фабриках и заводах была поставлена во всём объёме.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Понятно, что, говоря об ответственности, я не имел в виду судебной ответственности, по которой идут в тюрьму.

Если я подписываю всё и вся, то ясно совершенно, я отвечаю как председатель ВСНХ, как известное лицо. Я безусловно отвечаю, когда трест летит вверх тормашками и банкротит, и когда такой вопрос разбирается в СТО, я сижу и готов сквозь землю провалиться. Но почему Дзержинский должен отвечать, а не коренной работник, который фактически является ответственным?

Ясно, что есть ряд таких товарищей, которых мы не видим, которых бюрократический аппарат заволакивает. Каждый ответственный работник болеет душой. Есть очень доброкачественный материал, и

много его, но мы не умеем использовать. Разве вы не замечаете, что те творческие задачи, которые мы ставим, увлекают людей, у людей есть любовь к делу, которым они занимаются и которое ведут. И мы знаем, что инженер-специалист горного дела является энтузиастом своего дела. По Главметаллу, могу сказать, лично видел людей, которые, не знаю как, болеют за этот металл.

Ответственность должна заключаться в том, чтобы каждый работник, который имеет в себе силы быть ответственным, который является ответственным, чтобы он был всем известен, чтобы он брал на себя ответственность. Мне говорят здесь относительно самой механики подписей, механики докладов и т. д. Я думаю, что если я возьму товарища, который умеет писать, и ему буду диктовать и высказывать свои мысли, то разве это значит, что он ответственен за этот доклад? Конечно, нет. Но если человек сидит на этом деле, если он спец по этому вопросу, если он знает это дело и у него все необходимые сведения в кармане и он в любой момент может дать их, то, конечно, такой товарищ является ответственным.

У каждого должна быть амбиция, известное честолюбие, каждый имеет имя и лицо. Ведь на заводе каждый рабочий хочет иметь лучшую квалификацию. А почему у нас в органах управления товарищ только пишет, а там после, куда это идёт, кто это читает, ему всё равно. Нужно каждую работу соответственным образом квалифицировать.

Мне кажется, что Гуревич перегнул палку, когда говорил о расширении прав, когда говорил, что нужно лицензии выдавать непосредственно трестам. Простите, пожалуйста, при нашем недостатке валюты, когда имеются 5 хлебов для 5 тысяч, как мы можем

расширять права? Мы можем расширять права в том случае, если удастся воздействовать на увеличение экспорта, т. е. на получение актива в валюте. При том, что сейчас делается, было бы преступным расширять права для трестов. Как мы можем расширять права трестам сейчас, когда живём в ужасном финансовом положении? Как мы можем при том положении, когда все тресты нуждаются в государственных деньгах, предоставлять им большую свободу? Этого ни в коем случае делать нельзя, ибо они перевернутся, обанкротятся. Разве наш текстильный синдикат, у которого колоссальный коэффициент вздоживания, разве он может распорядиться средствами так, как хочет? Ни в коем случае, потому что мы — единое хозяйство. Это зарезало бы другие отрасли промышленности, нарушило бы пропорцию.

Говорить о правах рановато. Если мы собрались и говорим о системе управления, мы должны найти у себя собственные недочёты и что мы можем сделать своими средствами.

Когда я говорил о чрезмерном бюрократическом централизме, я имел в виду и тресты и заводы. Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, что они фантастичны. Та отчётность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное враньё. Дело в том, что у нас нет ответственности за цифры. Что значит ответственность за цифры? Это значит не то, что мы под суд отдадим ответственного работника за неправильные цифры, а просто мы доведём до общего сведения, что вот, имя рек, такой-то врал, обманул, надул. Мы должны это довести до сведения нашей общественности.

Мы не должны так жить, как сейчас живём. У нас система такова, что она поощряет эту фантастику. Почему трест за эти цифры, которые он даёт,

общественно неответственен? Потому, что он даёт такие-то и такие-то цифры, а мы ему переделываем, а нам в Госплане переделывают. При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно. Мы знаем наперёд, что ты врёшь, и я заранее допускаю, что даются цифры неправильные, какая же тут может быть ответственность?

Мы должны бороться с такой системой во что бы то ни стало, но я не придумал никакого рецепта. Я ищу, товарищи. Я вижу, что эта задача очень сложна. Я побывал в Югостали, в ЮМТе и, после того как я там побывал, я пришёл к очень печальным заключениям. Нам нужно переделать нашу систему, нам нужны иные пути найти. Если я вас здесь собрал, то для того, чтобы мы совместно нашли какой-нибудь выход.

Что я вам предлагаю? Я высказываю вам мои мысли о том, как разрешаются те задачи, которые сейчас стоят перед нами. Никто из вас не отрицает, что эти задачи стоят. Я говорю, что принцип, который мне кажется абсолютно верным, — это дружная семья и ответственность в том смысле, что каждый за своё дело несёт известную ответственность. Как я себе мыслю технические пути проведения этой работы? Должна быть определённая связь, совершенно новая связь с трестами. Для того чтобы управлять каким-нибудь делом, каким-нибудь трестом, какой-нибудь отраслью, мы должны иметь определённые данные и определённые данные не по тресту, не эти проклятые средние, которые очень хороши для общих выводов, для планирования в широком масштабе, но никуда не годятся, когда нужно управлять, когда нужно дать конкретные указания о деятельности каждого треста. Нам нужно, чтобы тресты в определённые сроки присылали те данные,

без которых мы не можем выполнить нашей работы. Эти данные нужны для работы, потому что без них мы не в состоянии управлять своим делом. Но за эти данные товарищи должны нести ответственность. Не должны нам присылать различных предположений в десятках пудов и т. д. У треста должна быть так поставлена работа, чтобы можно было проверить, если это нужно, у него на месте.

Какой смысл имеют такие фолианты? Ими можно только запутать дело. Ведь вот когда был спор о производительности труда, когда начал Струмилин рассчитывать и производительность труда оказалась выше довоенной, а зарплата ниже, то видно было сразу, что это чепуха. В статистике очень легко можно запутаться учёным людям. Они складывают, затем берут среднюю взвешенную, геометрически взвешенную, и если в основном были цифры неправильны, выводят чорт знает что. Ясно совершенно, что человека, который не знает, скорее надуют, а человек, который следит за всеми проявлениями жизни, сразу видит: ты тут надуваешь. Человек сведущий едет на место, и, таким образом, мы имеем живую связь, которая говорит, правильны или неправильны представленные данные. И если подтвердится, что представили неправильные данные, этих обманщиков нужно гнать вон. Вот вся ответственность, никакого суда не нужно в таком деле. Если человек не справляется с делом, — уходи, дай место другому.

Мне кажется, что если бы мы сказали каждому главку и управлению, без чего мы обойтись не можем, количество цифр и документов можно было бы сократить раз в тысячу.

Тут товарищи говорили, что для согласования требуется много времени. Это есть доказательство,

что у нас механика согласования плохо поставлена, что у нас нет взаимного достаточного доверия, которое обязательно должно быть.

Согласование необходимо. Я — председатель Главметалла, а без отдела финансовой политики никак не могу управиться, никак не могу без него разрешить вопросы и входить с ходатайством в высшие органы. Как может быть Главметалл отделён от Сахаротреста, от Донугля и т. д.? Этого никак нельзя.

Одной из причин наших недочётов, хотя и косвенной, является то, что мы работаем со слишком большим напряжением, что мы работаем без всякого резерва. Те указания, которые были даны в циркуляре о составлении промышленно-финансового плана, где уделено большое внимание роли резерва, имеют большое значение. Если бы наши тресты этим руководствовались и выдерживали бы эту линию, то нам гораздо легче было бы разрешить все те вопросы, которые сейчас являются столь трудными.

Я ещё хотел успокоить наших товарищей из Цугпрома и других, которые указывают на опасность сношений председателя ВСНХ и вышестоящих инстанций непосредственно с товарищами, от которых их отгораживает несколько этажей. Я должен сказать следующее. Мы должны различать две линии связи — линию сношений и линию подчинения. Линия сношения должна быть такова, что вы можете сноситься с тем, с кем вы должны снестись в интересах дела. Не запрещайте делать этого и председателю ВСНХ. Вы говорите, что нельзя этого вводить в систему. Я говорю: я без вас решать не должен, — это дезорганизует, если устанавливается непосредственная линия подчинения. Линия подчинения должна остаться. Я не предлагаю спутать все линии подчине-

ния, но если мне нужно получить справку или разработать вопрос, и я во избежание волокиты посылаю задание непосредственно тому, кто этим делом занимается, то здесь нет никакой спутанности. Я думаю, что, когда бумага приходит на предприятие, регистратор или тот, кто этим ведаёт, должен послать бумагу тому, кто непосредственно этим делом занимается, но этот товарищ, который работает, должен докладывать своему начальнику и сказать: дай директиву. Так следует понимать то, что я говорил по этому вопросу.

Напечатана в брошюре «Три последние речи», Госиздат, 1926.

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б)

20 июля 1926 г. ¹

Товарищи, я должен сказать, что в докладе Каменева и в дополнении к этому докладу Пятакова я поражён в величайшей степени тем обстоятельством, что один из них, будучи наркомторгом, а другой заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, проявили полное незнание и незнакомство с теми вопросами, о которых они здесь трактовали. И в самом деле, возьмите выступление с этой трибуны народного комиссара торговли. Для того чтобы рассказать вам об опасностях частного капитала, — «кто кого», он читает вам из «Экономической жизни» отчёт о заседании Конъюнктурного института и о докладе Кутлера. Мне кажется, что Народный комиссариат внешней и внутренней торговли — это тот аппарат и тот орган, созданный нами, который должен был в своей работе эти подсчёты иметь, подсчитать и дать нам совершенно определённую динамику.

¹ Произнесена за несколько часов до смерти. *Ред.*

Но Каменев вместо этого, приводя здесь в своём выступлении выдержку из статьи в «Экономической жизни», обнаружил своё полное незнание и непонимание этого вопроса.

В самом деле, что здесь говорится? Здесь говорится, что собственные капиталы частных составляют 426 млн. руб., а вместе с тем их прибыль составляет 400 млн. руб. Какая именно прибыль, Каменев? Прибыль валовая, которая является и заработной платой и содержанием всех частных. Если мы возьмём количество частных торговцев, о которых идёт речь, — а цифра эта выражается в сотнях тысяч заведений, — если помножим сотни тысяч заведений на количество членов семей, то от той колоссальнейшей прибыли, с которой Каменев сделал скидку на половину (он сам говорит, что эта статистика совершенно никуда не годна), остаётся пустяковое, ничтожное накопление. Каменев совершенно не понял цифр, приведённых в докладе Кутлера, а Пятаков, которому, как заместителю председателя ВСНХ, нужно было бы это знать, говорил здесь о чистой прибыли, пользуясь совершенно неверными методами подсчёта.

Я вам расскажу, что это за методы подсчёта. Я оглашу документ, который был составлен по моему требованию, ибо я непосредственно занимаюсь торговой политикой; я воевал за упорядочение торговли с кооперацией, я воевал с Наркомторгом, я за этим слежу и наблюдаю. Не разобравшись в той записке, которая попала к Пятакову, он бухнул её с этой трибуны. Я говорю о 46% и 11%. Подумайте только, если бы накопление в год возможно было в сумме 600 млн. руб., — какие же колоссальные капиталы были бы в частных руках? Если бы чистое накопление составляло 600 млн. руб., как говорил здесь Пятаков, то разве Кутлер мог бы говорить о том,

что частники имеют прибыль в 400 млн. руб.? Разве можно было бы говорить, что собственных капиталов частники имеют 426 млн.? Надо же связывать в этом вопросе концы с концами. Мы вовсе не бедны данными по вопросу роста и динамики частного капитала. Политбюро назначило меня председателем комиссии, и мне приходится по этому титулу заниматься этими данными.

• Какова же та таблица, на которую ссылался Пятаков? «В прошлом году по семи товарам: текстильной, металлической, нефтяной, сахарной, соляной, химической и табачной отраслям промышленности частниками было продано в среднем 46% из всего того количества, которое было продано в розницу». Эти 46%, Пятаков, к вашему сведению, составляли не два ваших фантастических миллиарда, а всего 940 млн. руб. Из общей товарной массы, идущей в розницу в два миллиарда, частник продал на 940 млн. руб. Вот основные данные. (*Пятаков с места: Я вовсе говорил не об этом.*) Вы говорили об этих 46% и 11% распределения в плановом порядке. (*Пятаков с места: Я говорил о других данных, а не об этих.*) Нет, именно об этих данных. Извольте мне представить те другие данные, если вы говорили о других. Вы говорили, что в плановом порядке вы снабжаете 11%, а частник имеет всего 46%. Это и есть тот же документ.

Теперь об оптовых ценах. И здесь то же невежество и незнание: оптовые цены снижены были нами не на 37%, как утверждал Пятаков, а на 27%. Какова же была накидка на оптовые цены? Накидки по этим изделиям были совершенно иные, не те, о которых говорит Пятаков, ибо накидка в 62% относится не к прошлому году, а только к самому последнему времени, — она относится к тому времени,

когда мы частника из-за недостаточности товаров зажали в бараний рог, когда он должен был переплачивать, когда он должен был нанимать безработных, ставить их в хвосты, оплачивать их, когда он должен был окупать всю бесхозяйственность в наших торговых организациях. Я вам назову все индексы, которые были в прошлом году в частной торговле на предметы первой необходимости. На 1 октября 1923 г., когда наши оптовые цены были очень высоки, наценка в частной торговле была только 8%; на 1 октября 1924 г. она составляла уже 40% в частной торговле; на 1 октября 1925 г. она составляла 51%. Где же эти 62%? Затем идёт по порядку, по месяцам: 54, 58, 56, 56, 57, 62%. (*Пятаков с места: Я говорю в среднем 60%.*) Пятаков своё невежество уже обнаружил и поэтому ему позволительно кричать. (*Троцкий с места: А вы всегда пользовались молчанием, т. Дзержинский?*) Я думаю следующее. Вы — свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо чем мы больше обращаем внимания на эти выходки, тем больше мы этим даём возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовать. (*Голоса: Верно!*) Вот какие накладки были на вольном рынке. На апрель мы имеем: по ситцу — 74%, гвоздям — 83%, керосину — 26%, галошам — 41%, сахару — 7%, подсолнечному маслу — 41%, махорке — 31%, спичкам — 22%. Это — на вольном рынке. Какие же накладки были у нас в нашей кооперативной системе? По данным Центросоюза, на 1 марта: по ситцу — 36%, причём 36% не от отпускной фабричной цены, а от цены Центросоюза; следовательно, если бы считать от наших отпускных фабричных цен, то процент был бы выше. По ниткам — 38%, галошам — 32%, железу — 42% и т. д., и т. д.

Вот видите, что разница между частными и нашими кооперативными торговыми организациями не является такой огромной, такой колоссальной, что она могла бы свидетельствовать о том, какое огромное, колоссальнейшее накопление происходит в частных руках. Надо сказать следующее, что область, в которой народным комиссаром состоит Каменев, является больше всего неупорядоченной, больше всего поглощающей наш национальный доход. При чём тут развитие нашей промышленности? Пятаков предлагает, со свойственной ему энергией, все средства, откуда бы они ни шли, гнать в основной капитал. Но именно такая постановка, — разве она не есть сдача позиции частному капиталу? Если мы в наших промышленных и торговых организациях изыдем и обратим оборотные средства в основной капитал, ясно, что тогда частник на рынке сможет овладеть процессом обращения. Если мы желаем вести борьбу с частным накоплением, с частной торговлей, то какие мероприятия должны быть приняты нашей партией и Политбюро? Урегулирование взаимоотношений кооперации с промышленностью, укрепление всеми силами кооперации, но не теми методами, чтобы покрывать её недостатки, — я являюсь величайшим врагом таких методов, как являюсь врагом того метода, который предлагает Пятаков по отношению к промышленности, — представлять дело так, что у промышленности всё благополучно, а только давайте побольше денег. Также необходимо упорядочение нашей кооперативной торговли, осуществление постановления в отношении её XIII съезда и упорядочение регулирования по отношению частного капитала, частных торговцев. Это даст нам возможность частное накопление приостановить и усмотреть, в какой области частный капитал

усиливается и растёт. Если говорят вообще о его росте, это неправильно, но есть участки, на которых он растёт и развивается. Это именно те участки, которыми владеет Каменев, участки заготовок среди крестьянства. *(Голос: Скажите про оптовую.)* Что касается оптовой торговли, то ВСНХ при помощи своих синдикатов из оптовой торговли частника так выжил, что он там играет незначительную роль. А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, т. е. в той области, которая находится в ведении Каменева. А он приходит сюда и плачет, что всё у нас скверно: мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли проливают слёзы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 млн. мужики накопили, по 4 рубля на брата. *(Смех, голоса: Ещё меньше.)*

Пятаков говорит: деревня нас обгоняет. Если сравнить цифры нашего развития, то мы имеем в промышленности рост в последние 2 года в 60% и 40%. А каков процент роста сельского хозяйства? Когда Каменев приводит данные: «Смотрите, на 2½ млрд. товаров мужик получил в прошлом году, а теперь ему дают на 3 600 млн. руб.», я спрашиваю, по каким это ценам? По розничным. А что значат розничные цены для мужика? Разве неизвестно вам, Каменев, какое отношение между продажными ценами мужика и теми ценами, по которым мужик получает промышленные изделия? Разве наше внимание не должно быть обращено на эту сторону? В чём тут вопрос, в чём дело? И тут выступает на смену программа Пятакова, бессмысленная, антисоветская, антирабочая программа за повышение отпускных цен. Это — ликвидация нашей борьбы за снижение роз-

ничных цен. Он совершенно отбрасывает то, о чём сам раньше говорил, что мы в СССР являемся передовым социалистическим отрядом, должны равняться по заграничным коэффициентам цен, качества и т. д., иначе нас будут бить. Пятаков забыл об этом, забыл о том несчастье, которое сопутствует нашему развитию, о том несчастье, что у нас не упорядочено дело снижения цен.

Жаль, что Каменев нам не рассказал, почему у нас хлеб есть, а экспорта нет. Почему это так? Именно потому, что у нас слишком высокие цены, — вот почему его нет. Потому что нет никакого интереса за границу его посылать. Почему Каменев здесь нам не расскажет и не рассказал, какие бешеные, сумасшедшие накладные расходы в наших заготовительных аппаратах по заготовке хлеба? Почему он не рассказал нам о том, что эти высокие цены, которые мы имеем, определяются не тем, что у нас большое накопление в торговле и промышленности, а тем, что мы ведём наше хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно? К примеру, из практики Пятакова. У нас, как вы знаете, пятилетние планы вырабатываются по различным отраслям народного хозяйства. Между прочим, с одним из них мне пришлось ближе познакомиться. Это план относительно резиновой промышленности. По этому плану предполагалось, что мы в шинном и галошном производстве сможем достигнуть известного уровня лишь только в 1930 г., а так как потребность к тому времени будет гораздо больше технических возможностей действующих заводов, то нам нужно строить в Ярославле новую фабрику, на которую нужно будет потратить 42 млн. руб. Больше 2 млн. руб. уже издержано на заготовку всяких материалов и т. д. Я говорю о той бесхозяйственности, за которую

и отвечаю. *(Пятаков подаёт реплику, но её за общим шумом не слышно.)* Вы сами ошибались, но я за ВСНХ отвечаю и за вас. Поэтому я не отказываюсь от наших промахов, и поэтому оказалось, что то, чего мы думали достигнуть по пятилетней программе, мы сейчас уже достигли без всякой постройки новой фабрики, и те улучшения, которые могут быть произведены сейчас, могут дать колоссальнейший прирост нашего производства во всех отношениях.

Я скажу и ещё одно, так как Пятаков говорил, что я говорю из его области, — я скажу из своей области, где я являюсь председателем непосредственно, — из Главметалла. По Главметаллу в этом году мы засадили напрасно 45 млн. руб., как это сейчас выявляется. На всякие полуфабрикаты, на всякие запасы, которые не отвечали программе, мы засадили до 45 млн. руб.

А если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку или передайте мне Наркомторг, или передайте мне из Госбанка кое-что, или передайте мне то и другое, потому что столько согласований, что нельзя решать вопроса, нельзя так работать. Мы подняли кампанию за снижение розничных цен. *(Председатель: Время истекло. Сколько ещё нужно? Дзержинский: 10—15 минут. Голоса с мест: Без ограничения времени.)* Товарищи, когда спрашивают, «кто кого», и когда спрашивают, за чей счёт, — пусть смотрит наш Наркомторг, чтобы богател такой человек, который нам нужен, пусть

с этой трибуны не говорит, что деревня вообще богатеет. (Каменев: «Чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. руб. напрасно.») Для того, чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. руб. напрасно. Да, да. (Каменев: Вы 4 года нарком, а я только несколько месяцев.) А вы будете 44 года, и никуда не годны (смех), потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чём? Я не щажу себя, Каменев, никогда. (Голоса с мест: Правильно!) И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. Мне одному справиться трудно, поэтому я прошу у вас помощи, и я уверен глубочайшим образом, что если бы Наркомторг был в одном комиссариате с нами, мы гораздо скорей двинули бы дело снижения розничных цен и улучшения аппарата.

Вот, да, Политбюро знает, не сомневается, что Наркомторг для защиты крестьянства создан. Как же, для защиты крестьян. А кто ведёт политику снижения цен? Кто говорит, — не нужно цены повышать? К чести ВСНХ нужно сказать, что он всё время проводил и на своих плечах вынес директиву снижения цен, к чести его нужно сказать, он вынес эту директиву, а к чести Пятакова, что он выполнять эту директиву нам не мешал. (Петровский: Только всего? — и за это спасибо.) Если говорить о накоплении, — нужно сказать, за чей счёт оно производилось. Каменев приводил цифры распределения товаров между городом и деревней, да он забыл об одном: что деревня была нищая, что в ней было в значительной степени натуральное хозяйство, а теперь товарность её растёт изо дня в день, и поэтому специализируется работа; технические культуры всё больше и больше

растут, всё больше растёт и товарооборот города с деревней. Поэтому я скажу: надо страну индустриализовать, а этого не будет, если не будем получать всё в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырьё, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырьё. Нельзя индустриализоваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Я спрашиваю: что значит богатение деревни по сравнению с тем развитием, которое получает наша промышленность в отношении удовлетворения нужд рабочих? Весь фонд заработной платы в крупной государственной промышленности, т. е. фонд, обнимавший не всех рабочих, а только 1 420 000 человек в октябре 1924 г., а на 1 апреля 1926 г. — 1 904 000 человек, возрос с октября 1924 г. по апрель 1926 г. с 59 млн. до 104 млн. в месяц, т. е. почти вдвое. Как тут можно сравнивать город с деревней? Я прямо не знаю, как назвать такое отношение. Если взять рост заработной платы на одного человека, то в октябре 1924 г. она была 1 р. 69 к. в среднем по всей промышленности, в марте этого года — 2 р. 38 к. в день. Металлическая промышленность — 1 р. 87 к., в марте — 2 р. 78 к., текстильная промышленность — 1 р. 46 к. — 2 р. 01 к., химическая промышленность — 1 р. 40 к. — 2 р. 40 к. и т. д.

Из всего сказанного вы видите, как росла зарплата рабочих, но так как Наркомторг плохо работал, так как он недостаточно обуздывает частный капитал, те жертвы, которые несла промышленность, неполностью отражались на увеличении бюджета рабочего, так как уменьшалась покупательная способность денег, которые промышленность рабочему давала вследствие роста розничных цен.

И поэтому если вы посмотрите график, как росла реальная заработная плата, то увидите, что благодаря этим высоким розничным ценам, т. е. благодаря неупорядочению нашей торговли, заработная плата за 5 месяцев реально, фактически несколько понижалась. Вот поэтому вместо того, чтобы заниматься разговорами о зарплате вообще, надо заняться снижением розничных цен. Но когда мы вносим предложение относительно обуздания частного капитала, Наркомторг отмахивается. Он боится, как бы тут эш не нарушить, чтобы чего не испортить. (*Реплика Пятакова, которую не слышно.*) Пятаков, если хотите, я могу огласить документы, хотя у меня времени мало. Я знаю, вы бы этого не сделали. (*Смирнов: Он хитрее.*) Я знаю, что Наркомторг — это есть Каменев. Что он хитрее, я знаю, а во-вторых, Каменев и туда и сюда. Если взять, как он работает, то он не работает как следует быть, а и туда и сюда. В этом заключается его слабость. Что мы предлагаем по отношению к частнику? Мы говорим: для того, чтобы снизить розничные цены нашего частника, мы должны давать ему товар только в плановом порядке, только по договору: «не имеешь права больше 20% накладки делать». И мы прибавляем, к сведению Пятакова, что ещё 10—15% на частника надо набросить в пользу государства. Если мы даём ему на определённую сумму, он должен известный процент подать за то, что мы ему наш товар, государственный товар, даём. Спросите-ка Наркомторга, как он к этому относится. (*Пятаков, которого не слышно.*) Ничего подобного. Что он махает руками? Надо уметь вносить предложения, а не демагогией заниматься. Мы внесли в Политбюро, мы внесли в СТО совершенно реальные и конкретные предложения. Кем они были отвергнуты? Вот, возглавляющим учреждение

Наркомторг, и канителят нас, и канителят нас без конца. Что мы дальше предлагаем? Мы предлагаем дальше репрессивные меры против спекулянтов. Тогда Наркомторг говорит: опасно нэп отменять. (*Каменев: Кто это?*) Ваш заместитель Фигатнер был при этих наших спорах. (*Каменев: А я был?*) Что касается вас, то я думаю, что вы вообще очень часто не бываете. (*Ворошилов: Занят литературным творчеством.*) Разрешите мне в нескольких словах перейти к той области, которая Пятакову должна быть более известна и которую он, к сожалению, безбожно перепутал здесь. Вы помните, когда Каменев говорил относительно того, что мы в будущем году расширяемся на 15—16%, то Пятаков подсказал, что в области предметов широкого потребления на 11% только (*Пятаков: Это неверно.*) А как вы сказали? (*Пятаков: По отношению к отраслям промышленности, работающим на широкое потребление.*) Верно. Я могу сказать, как вы сказали. Но вы запутались. К сожалению, Пятаков вчера ушёл с нашего заседания президиума, когда происходило рассмотрение контрольных цифр и когда мне было доложено на президиуме вчера утром, что тяжёлая индустрия увеличивается на 24, даже на 25%, а лёгкая — всего только на 11%, я сказал: явная несуразица — при увеличивающейся товарности крестьянского хозяйства, при росте заработной платы говорить, что мы можем ограничиться только 11% увеличения предметов широкого потребления. Говорить при этом, что мы ни копейки на ввоз готовых изделий из-за границы в нашей программе дать не можем, — это значит предлагать неосуществимую, неверную программу. Ибо это означает срыв нашего червонца, а срыв червонца означает срыв заработной платы. Тогда мне все работники, которые для Пятакова подрабатывали

этот вопрос, сказали: «Не бойтесь, мы взяли подразделение искусственное, взяли такую, так называемую, тяжёлую индустрию». Что такое тяжёлая индустрия? Весь металл, вся электротехника, вся нефть, всё топливо — это тяжёлая индустрия, а остальное — лёгкая, и тогда так называемая лёгкая индустрия и тяжёлая индустрия такой процент дают. Но вы ведь знаете, металлопромышленность работает на широкий рынок, сельскохозяйственные машины — на широкий рынок. А керосин в деревню не идёт? Что там — лучину жгут, что ли? А лампочка электрическая в деревню не идёт? Я спрашиваю, а как тогда будет? Мне ответили, что если взять эти цифры, то получается такой рост, что в прошлом году и в будущем году будет процент взаимоотношений один и тот же, т. е. что в одинаковой степени увеличивается внутреннее производство только для промышленности, транспорта и строительства и одинаково для широкого рынка. Поэтому пусть вас не пугает эта цифра, Каменев. Мы исправили вчера же на заседании президиума ошибку Пятакова и в другом отношении. Вы помните, он здесь выступал с речью о том, чтобы не сокращать текстильных рабочих. Но кто составлял текстильную программу так, что надо было 49 тысяч рабочих уволить? Программа была составлена по указанию Пятакова. *(Пятаков: У меня директива была обратная — не сокращать.)* Видите ли, вы занимаетесь собесовской точкой зрения: нанимать лишних рабочих и их не увольнять. Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности. Я думаю, что мы не можем пойти на то, чтобы рабочие текстили и наши ткацкие станки бездействовали при ужасающем товарном голоде. Нам придётся пересмотреть, Пятаков, импортную программу и купить за границей дополнительно миллион пудов хлопка.

(Пятаков: *Что я и предложил.*) Но чего вы не говорили. Достаточно было моего присутствия на президиуме, чтобы эту ошибку исправить. И мы исправили ошибку. (Реплика Троцкого не уловлена.) Конечно, всё хорошее исходит только от последователей Троцкого, а всё дурное исходит от того, кто с ним не соглашается. Пятаков говорит: «Я указывал на нашу бесхозяйственность, на те резервы, которые имеются в торговом нашем аппарате и в производственном нашем аппарате».

Но Пятаков всё зарится на бюджет. Я спрашиваю, армию надо сократить? Армию сокращать нельзя, а армию и расходы на армию надо сейчас увеличивать. (Голоса: *Правильно! Каменев: А Военпром! Что вы сделали с Военпромом?*) Каменев, видите ли, какая есть разница между мною и вами: что вы всю беду взваливаете на лицо, которое возглавляет, а я этого не делаю. (Реплика Бакаева не уловлена.) Пожалуйста, Бакаев, расскажите вы нам о вашем хозяйствовании. Я на ваши пустяки не отвечаю. Меня на эту работу назначил Центральный Комитет партии, и поэтому я ваше замечание отмечаю.

Что ещё сокращать в бюджете? Расходы на образование? Пятаков, может быть, вам скажет, как наша промышленность задыхается от недостатка культурности, от недостатка квалификации. Мы не можем сократить этих расходов. Мы должны и можем сократить чисто административные расходы нашего аппарата, и Совет труда и обороны приняв постановление о сокращении этих аппаратных расходов. Пятаков дальше говорит: зачем это вы нас дёргаете? В конечном счёте вы даёте средства, зачем дёргаете? Я целиком к голосу Пятакова присоединяюсь. Действительно, когда мало средств, когда наши хозяйственники предъявляют требования преувеличенные,

когда средств мало, то получается сплошная мука. То, что переживаем мы в области кредита, в области средств, я утверждаю, раз мы пошли на путь индустриализации, раз взяли тот темп, который имеем, — это неизбежно, но не надо здесь преувеличивать и преуменьшать. Пятаков сказал, что мы требовали в третьем квартале, чтобы от нас не отнимали и нам ничего не давали. Надо сказать, мы требовали не это. Мы требовали увеличения на 81 млн. Тогда нам не дали этих 81 млн., а Шейнман, там сидящий, предлагал кредитование сократить на 45 млн., а мы требовали его увеличения на 81 млн.; в конце концов нам отказали и приняли точку зрения Госбанка; действительно, тогда увеличивать кредитование нельзя было. Когда же увеличение кредитования стало возможным и особенно необходимым, тогда нам эти средства дали. Поэтому вы видите, что именно все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут. (Аплодисменты.)

Ф. Э. Дзержинский, Три последние речи, Госиздат, 1926.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

1877 — 1926 гг.

1877 г.

11 сентября Ф. Э. Дзержинский родился в имении Дзержи-
(30 августа) ново, Ошмянского уезда, Виленской губ.

1889 г.

Август Дзержинский поступает в Виленскую гимназию.

1894 г.

Находясь в 7-м классе гимназии, Дзержинский участвует в социал-демократическом кружке само-развития.

1895 г.

Дзержинский вступает в литовскую социал-демократическую организацию. Ведёт революционную агитацию в Вильно среди ремесленных рабочих.

1896 г.

Дзержинский уходит из 8-го класса гимназии и целиком отдаётся революционной работе.

1897 г.

Январь — В начале года Дзержинский едет на революци-
июль онскую работу в Ковно. Участвует в забастовках. Пишет корреспонденции в польские рабочие газеты в Литве. Ф. Э. в Ковно создает социал-демократи-ческую организацию.

Июль с Первый арест Дзержинского в Ковно.

1898 г.

Из тюрьмы Дзержинский посылает письмо руко-водителю литовской социал-демократии Домашевичу с критикой литовской социал-демократии за то, что она не вошла в единую Российскую СДРП.

Май Дзержинский после года предварительного заключения ссылается на три года в Вятскую губернию, в Нолинск. Здесь он работает на махорочной фабрике и ведёт среди рабочих революционную пропаганду.

Декабрь За „проявление крайней неблагонадёжности в политическом отношении“ жандармерия переводит Дзержинского из Нолинска в село Кайгородское, Слободского уезда.

1899 г.

Сентябрь Дзержинский бежит из ссылки и возвращается в Вильно.

Отсюда он пробирается в Варшаву, где ведёт борьбу с социал-националистами (ППС). Дзержинский восстанавливает разгромленную жандармерией социал-демократическую организацию, создаёт крепкое ядро из рабочих социал-демократов.

Ноябрь Дзержинский совещается в Вильно с деятелями литовской социал-демократии об объединении польских и литовских социал-демократических организаций.

1900 г.

Январь На конференции в Вильно Дзержинский добивается объединения социал-демократии Польши и Литвы в единую партию и избирается в руководящий центр объединённой партии.

Февраль Арест Дзержинского в Варшаве. Ф. Э. заключён в X павильон Варшавской крепости, а затем переводится в Седлецкую тюрьму.

1902 г.

Начало года Дзержинский царским указом высылается на 5 лет в Восточную Сибирь.

Июнь По дороге в ссылку Дзержинский бежит из Верхоленска.

Спустя некоторое время Ф. Э. едет за границу в Берлин для установления связи с руководящим центром польской социал-демократии.

Август За границей Ф. Э. участвует в конференции социал-демократической партии Польши и Литвы. По инициативе Дзержинского конференция принимает ряд важных решений, в том числе решение

о создании печатного органа партии: „Червони штаидар“. На конференции Ф. Э. избирается в состав руководящего центра партии. После конференции Дзержинский направляется в Краков, откуда руководит всей организационной работой партии; здесь он организует издание партийной литературы и транспортировку её в Польшу.

1903 г.

Июль По инициативе Дзержинского созывается IV съезд социал-демократии Польши и Литвы. На съезде Ф. Э. избирается членом Главного правления партии.

1904 г.

Дзержинский в качестве члена Главного правления партии руководит партийными организациями Польши, приезжая сюда время от времени, организует партийные конференции, выступает на рабочих собраниях в Лодзи, Домбровском бассейне и в других районах.

1905 г.

Начало года После январских дней 1905 г. Дзержинский переезжает из-за границы в Польшу.

Май Дзержинский возглавляет грандиозную первомайскую демонстрацию в Варшаве и в ответ на зверскую расправу царских властей с безоружными демонстрантами организует всеобщую забастовку протеста.

Июль Ф. Э. в качестве члена Главного правления партии участвует в районной варшавской партконференции, происходившей в лесу, недалеко от Варшавы. Вместе со всей конференцией Дзержинский был арестован и посажен в Х павильон Варшавской крепости.

Октябрь Дзержинский освобождён из Варшавской крепости по общей амнистии, объявленной царским правительством под давлением выступлений рабочих.

1906 г.

Апрель Дзержинский участвует на IV (объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме как делегат польской социал-демократии. Ф. Э. избирается членом ЦК РСДРП.

*Август—
октябрь* Дзержинский переезжает в Петербург, где рабо-
Декабрь тает как член ЦК РСДРП и редакции ЦО.

В связи с предвыборной кампанией в Государ-
ственную думу Дзержинский приезжает в Варшаву.
Здесь Ф. Э. был арестован на конспиративной
квартире.

1907 г.

Июнь Дзержинский освобождается из тюрьмы. По вы-
ходе из тюрьмы Ф. Э. восстанавливает разгромленную
подпольную организацию.

1908 г.

Апрель Арест Дзержинского и заключение в X павильон
Варшавской крепости. Здесь Ф. Э. пишет свой
„Дневник узника“.

Ноябрь Ф. Э. приговорён варшавской судебной палатой
к поселению в Сибири.

1909 г.

Август Царский суд второй раз приговаривает Дзержин-
ского к пожизненному поселению в Сибири.

Дзержинского направляют из Варшавы в ссылку
в Енисейскую губернию, в Тасеевку, откуда он
через 7 дней после прибытия бежит.

1910—1911 гг.

Дзержинский ведёт партийную работу в Польше
и за границей. Живя за границей, в Кракове, Ф. Э.
держит тесную связь с партийными организациями
в Польше. Неоднократно переезжает границу
и работает в подполье.

1912 г.

Дзержинский нелегально переходит границу.
Живёт в Польше, руководит подпольной работой
партии.

Сентябрь Арест Дзержинского в Варшаве и заключение
в тюрьму, где Ф. Э. просидел более полутора лет.

1914 г.

Май Приговором Варшавского окружного суда Дзер-
жинский осуждён на 3 года каторги.

1915 г.

Ф. Э. отбывает каторгу в Орловской каторжной тюрьме.

1916 г.

Дзержинского пересылают из Орловской тюрьмы в Москву, где его вновь судят за революционную работу в 1910—1912 гг. и приговаривают ещё к 6 годам каторги.

1917 г.

- Февраль* Дзержинский освобождается февральской революцией из царского застенка в Москве — Бутырской тюрьмы. Ф. Э. включается в партийную работу московской организации.
- Апрель* Ф. Э. участвует на московской конференции большевиков. Конференция посылает Дзержинского своим делегатом на Апрельскую Всероссийскую конференцию РСДРП (б).
- Июль* В июльские дни правительство Керенского арестовывает Дзержинского и держит его в тюрьме несколько недель.
- Август* Дзержинский принимает активное участие в работах VI съезда большевистской партии как делегат московской партийной организации. Избирается съездом в состав Центрального Комитета партии, бессменным членом которого остаётся до конца жизни. После VI съезда Ф. Э. работает в Петрограде.
- Октябрь* На расширенном заседании ЦК партии 16 октября Дзержинский избирается в состав возглавленного товарищем Сталиным партийного центра, созданного ЦК для практического руководства вооружённым восстанием.
- Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов избирает Ф. Э. в состав Военно-Революционного Комитета.
- Дзержинский руководит захватом почты и телеграфа восставшими рабочими; руководит подготовкой восстания в ряде районов Петрограда.
- Декабрь* Дзержинский назначается председателем Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК).

1918 г.

Апрель При личном участии Дзержинского разоружаются анархические банды в Москве.

Июль Под руководством Дзержинского ликвидируется левосеровский контрреволюционный мятеж в Москве.

Сентябрь По докладу Дзержинского Совет Народных Комиссаров объявляет красный террор против врагов революции.

Конец года Дзержинский вместе с И. В. Сталиным входит в партийно-следственную комиссию, направленную ЦК партии на Восточный фронт. Здесь Сталин и Дзержинский проводят громадную работу по поднятию боеспособности 3-й Красной Армии, действовавшей против Колчака на пермском направлении, и обеспечивают переход армий Восточного фронта в наступление.

1919 г.

Май За подписью В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского опубликовано обращение: „Берегитесь шпионов! Смерть шпионам!“

Сентябрь Под руководством Дзержинского ликвидирована шайка террористов — левых эсеров и анархистов, — организовавших взрыв в помещении Московского комитета большевистской партии.

К этому времени под руководством Ф. Э. ликвидирован ряд контрреволюционных организаций: „Национальный центр“, „Комитет спасения Родины и Свободы“, „Офицерский союз“, „Союз возрождения“, „Тактический центр“ и др.

Дзержинский за особые заслуги по борьбе с контрреволюцией награжден орденом Красного Знамени.

1920 г.

Весна Дзержинский назначается начальником тыла Юго-западного фронта. Ф. Э. проводит большую работу по борьбе с бандитизмом и кулачеством, по раскрытию и ликвидации контрреволюционных организаций, действовавших на Украине в тылу Красной Армии.

Лето Во время войны с белополяками Дзержинский в качестве члена польского Ревкома работает на Западном фронте.

1921 г.

Апрель Дзержинский назначается народным комиссаром путей сообщения с оставлением во главе ВЧК. На этом посту Ф. Э. проводит громадную работу по восстановлению и оздоровлению железнодорожного транспорта.

Конец года Дзержинский направляется в Сибирь в качестве особоуполномоченного СНК по организации вывоза хлеба для голодающих Поволжья.

По предложению Дзержинского Президиум ВЦИК принимает постановление о создании при ВЦИК комиссии по улучшению жизни детей. Ф. Э. возглавляет эту комиссию.

1924 г.

Февраль По предложению товарища Сталина Дзержинский назначается председателем ВСНХ по совместительству с работой председателя ОГПУ. Ф. Э. проводит громадную работу по внедрению в народное хозяйство планового начала, восстановлению промышленности до довоенного уровня, поднятию производительности труда, укреплению в промышленности трудовой дисциплины и единоначалия.

Находясь на посту руководителя советской промышленности, Дзержинский ведёт энергичную борьбу за претворение в жизнь генеральной линии партии индустриализации страны и беспощадно разоблачает троцкистов и иных врагов социалистического строительства.

1926 г.

20 июля На пленуме ЦК и ЦКК Дзержинский произносит свою последнюю речь, в которой разоблачает гнусных троцкистских политиканов Каменева, Пятакова и др. Через несколько часов после выступления на пленуме Ф. Э. Дзержинский умер от разрыва сердца.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Сталин</i> — Дзержинский	3
<i>В. Молотов</i> — Ф. Дзержинский и его последняя речь . . .	5

1908 — 1909 гг.

Из дневника	11
-----------------------	----

1917 год

Речь на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов	104
Предписание Военно-революционного комитета Морскому военно-революционному комитету № 1348	105
Заявление председателя Военно-революционного комитета Дзержинского делегации Лужского совета рабочих и солдатских депутатов	105
Приказ Военно-революционного комитета № 2986 о розыске похищенных из Зимнего дворца ценностей	107
Постановление Военно-революционного комитета № 4188 .	107
Отношение Военно-революционного комитета во все полковые и ротные комитеты гарнизона Петрограда и его окрестностей № 4127	108
Из телеграммы Военно-революционного комитета Одесскому окружному комитету № 4356	109

1918 год

От Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией	111
О мятеже „левых“ эсеров. Доклад Совнаркому	111
Всероссийская чрезвычайная комиссия. От. Отдела по борьбе со спекуляцией при ВЧК ко всему населению . .	117
Из писем к жене	118

1919 год

О деятельности ВЧК. Доклад на заседании ВЦИК	119
От председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии	122
От Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией	122
От ВЧК.	125
Доклад на общегородской конференции Московской организации РКП (б)	126

1920 год

Новые условия борьбы с контрреволюцией. Всем Губчека	129
Белогвардейские кооператоры (от Всероссийской чрезвычайной комиссии)	131
Убийство членов ЦК ФКП. От ВЧК	134
Сообщение по делу об убийстве членов ЦК Финляндской коммунистической партии	135

1921 год

Граждане! Железнодорожники!	142
Детская беспризорность и ВЧК	144

1922 год

Пять лет работы	145
---------------------------	-----

1923 год

Все на помощь детям. Обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей. Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи, Межрабпому	147
О состоянии транспорта. Доклад на пленуме ЦК союза железнодорожников	150

1924 год

От слов к делу	159
О задачах промышленности и транспорта. Из речи на собрании товарищей по трёхлетней работе на транспорте в связи с переходом на работу в ВСНХ	168
Централизация руководства и инициатива работника. Из речи на пленуме совета съездов государственной промышленности и торговли	172
О промработе вузовцев в ВСНХ	174
Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам	174
К первому выпуску высшей пограничной школы	178

1925 год

Проблемы советской торговли. Речь на открытии Всесоюзного съезда местных торгов	180
О металлопромышленности. Доклад на XIV конференции РКП(б)	196
Промышленность СССР — основа социалистического строительства. Доклад на XIV Московской губернской конференции РКП(б)	250
За режим экономии. Из беседы с редакцией „Торгово-промышленной газеты“	311
Цели и задачи совета синдикатов (из письма совету синдикатов и его местным бюро)	312

1926 год

Промышленное строительство и хозяйственные затруднения СССР. Доклад на пленуме ВЦСПС	314
Труд и зарплата в промышленности. Речь на I Всесоюзном съезде отделов экономики труда и ТНБ	337
На борьбу с болезнями управленческого аппарата. Речь на совещании ответственных работников ВСНХ	352
Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б)	367
Даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского	382

Под наблюдением редактора *С. Ивлова*.

Подписано к печати 18 декабря 1946 г., тираж 15000 экз.
А00097. Заказ № 6838. Объем 24½ п. л. Цена 10 руб.

Первая Образцовая типография треста «Полиграфкнига»
Огиза при Совете Министров СССР.
Москва, Вазовая, 28.

23 ИЮЛ 1947

2017130651

